

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Горно-Алтайский государственный университет

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПОЭТИКА ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА

Материалы
VI Международной научной конференции,
г. Горно-Алтайск, 26-29 мая 2018 года

Горно-Алтайск
Библиотечно-издательский центр ГАГУ
2018

УДК 82+008
ББК 83+71
Д 44

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай, проект № 18-412-041004 p_2

В оформлении обложки использована первая печатная карта Сибири «Tartariae sive magni Chami Regni typus» из Атласа Абрахама Ортелиуса «Teatrum orbis terrarum» (Антверпен, 1570).

Д 44 **Диалог культур: поэтика локального текста:** материалы VI Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26-29 мая 2018 г. / Под ред. П.В. Алексеева. — Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр ГАГУ, 2018. — 324 с.

УДК 82+008
ББК 83+71
ISBN 978-5-91425-165-6

В сборник включены статьи ученых, принимавших участие в VI Международной научной конференции «Диалог культур: поэтика локального текста», которая состоялась 26-29 мая 2018 года в Горно-Алтайском государственном университете. В статьях представлены результаты исследований травелогов, художественной литературы и различных языковых и культурных явлений в аспекте диалога культур Запада, России и Востока.

Сборник адресован специалистам в области филологии, культурологии, географии, антропологии, фольклористики и всем, кто интересуется проблемами изучения литературы и культуры.

Ответственность за точность приведённых данных, аутентичность цитат, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы статей.

ISBN 978-5-91425-136-6

© П.В. Алексеев, редактирование, оригинал-макет, 2018

© Авторы статей, 2018

Содержание

І. Имагинативная география локальных текстов

- Жданов С.С.** Пространство Германии в отечественных травелогах второй трети XIX века (на материале текстов М.П. Погодина и Н.А. Корсакова)..... 8
- Карпи Г.** От Наполеона III до Раскольникова (Достоевский — обозреватель внешней политики и роман «Преступление и наказание»)..... 23
- Дюсекенев Д.Н.** «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» М.М. Пришвина в контексте ориентального дискурса..... 40
- Линьков В.Д.** Топография действия в романе М. Загоскина «Аскольдова могила»..... 50
- Масяйкина Е.В.** Корреспонденты Г.Н. Потанина в архиве Научной библиотеки Томского университета 60
- Хомук Н.В.** Роман Н.И. Греча «Поездка в Германию»: диалог русской и немецкой культур в аспекте бидермайера 69
- Бедарева И.А.** Алтай как Беловодье в творчестве Г.Д. Гребенщикова и Г.И. Чорос-Гуркина 95
- Иост О. А.** Географические меты Казахстана в поэзии Павла Васильева..... 107
- Мукаева Л. Н.** Историческая составляющая геологоморфологического изучения Горного Алтая в

начале XX в. на примере экспедиционных исследований финского ученого Й.Г. Гранё (на материалах юго-западной части Горного Алтая — современного Усть-Коксинского района Республики Алтай)..... 123

Чинина Э.П., Юрченко Т.Н. Литературные зарисовки в прозе Дьргелей Маскиной 136

Карпухина В.Н. Диалог культур в публицистике Г.Д. Гребенщикова 143

II. Дискурсивные практики

Бедарева И.А., Орехова Т.И., Алексеева А.А., Ултарикова Л.Р. Фольклорные и мифологические образы в повести Николая Глебова «Кара-Баарчык» 154

Вишнякова Е.А. Поэтика мультязычия в эпистолярной русской классике XIX века (на примере писем Н. В. Гоголя) 167

Банкова Т.Б. «Словарь сибирского свадебного обряда» как локальный текст 181

Adkins T. While the Water Boils: Tea in Altai History and Everyday Life 189

Дюсекенева И.М. Категория аспектуальности английского языка в свете дискурс-анализа 196

Волкова Н.А., Котова М.А. Функционирование диалектной лексики в произведениях алтайского прозаика Е.Г. Гущина..... 209

Илиуф Х.-М.Ш. Диффузия образов крылатых коней из прототюркской мифологии..... 221

Камынина Н.Г., Решетова Д.В. Родовые варианты несклоняемых наименований искусства и спорта в современном русском языке.....	238
Никонова Т.Н. Проблемы жанровой эвокации: методика поля в типологии рассказов-анекдотов В.М. Шукшина	246
Попов А.В., Драчева С.И., Баданова Т.А. Русские названия в топонимическом пространстве бассейна Телецкого озера.....	256
Орехова Т.И. Онимы в текстах городского романа и бардовских песен: семантика, структура и функционирование	265
Федосова Т.В., Федосов Т.Д. Языковые особенности современного политического дискурса (на примере речей Дональда Трампа)	274
Алексеев П.В. Г.И. Чорос-Гуркин как <i>genius loci</i> в современных дискурсах национальной и территориальной идентичности (случай с наименованием аэропорта в Республике Алтай).....	291
Чинина Э.П., Шастина Т.П. Г.И. Гуркин и П.И. Макушин в просветительском движении Томской губернии предреволюционного десятилетия (1907-1917).....	305
Сведения об авторах	318

I.
Имагинативная география
локальных текстов

«...Самый отдаленный
пункт земного шара к
чему-нибудь да близок, а
самый близкий от чего-
нибудь да отдален»

К. Прутков

С.С. Жданов

**Пространство Германии в отечественных
травелогах второй трети XIX века
(на материале текстов М.П. Погодина
и Н.А. Корсакова)**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности изображения Германии в травелогах М.П. Погодина и Н.А. Корсакова, созданных в сороковых годах XIX века. Среди основных характеристик описываемого путешественниками пространства следует выделить чистоту, упорядоченность, спокойствие, расчетливость и умеренность. Также немецкие локусы в произведении М.П. Погодина часто изображаются идиллическими.

The article deals with characteristics of representing Germany in the travelogues by M.P. Pogodin and N.A. Korsakov that were written in the forties of the XIX century. The main features of the German space described by the travelers are cleanness, ordering, peace, prudence and temperance. In addition, German locuses in Pogodin's work are often represented as idyllic.

Ключевые слова: имагология, русская литература XIX века, травелог, Германия, немцы, М.П. Погодин, Н.А. Корсаков | Imagology, Russian literature of the XIX century, travelogue, Germany, Germans, M.P. Pogodin, N.A. Korsakov.

Имагология как научная дисциплина, занимающаяся исследованиями образа Чужого, широко обращается к литературным текстам, фиксирующим этот образ, в частности к травелогам, т.е. повествованиям о путешествиях, в ходе которых носители «своей» культуры оказываются в ситуации непосредственного контакта с Чужим. Данное исследование посвящено анализу образа Германии, представленного в русских травелогах сороковых годов XIX века «Год в чужих краях» М.П. Погодина [1], [2] и «Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839 году» С.А. Корсакова [3] (оба произведения посвящены впечатлениям от путешествия

1839 года и были опубликованы также одновременно в 1844 году).

Следует отметить, что эти травелоги в последнее время уже изучаются с точки зрения выявления национальной/локальной маркированности наличествующих в них образов. Так, в работе Н.А. Рудиковой исследуется парижский текст в заметках и путевых письмах русских путешественников, в том числе и в произведении М.П. Погодина [4]. Оно анализируется Н.П. Таньшиной наряду с сочинениями П.А. Вяземского и В.М. Строева в аспекте восприятия указанными авторами «французскости» [5]. Теме путешествий Н.П. Погодина по России и за границей посвящено исследование К.А. Мазина [6]. Объектом научного рассмотрения выступают вопросы погодинского отношения к славянству, например, в работе А.А. Тесли [7]. Статья И.Р. Чикаловой, посвященная теме английскости в эгодокументах и отчетах российских путешественников, касается также произведений, изданных М.П. Погодиным и С.А. Корсаковым [8]. О.А. Кирьяш, рассматривая влияние карамзинской традиции на травелоги русской литературы первой половины XIX в., обращается в том числе к погодинскому и корсаковскому текстам [9]. Е.А. Летуновский исследует особенности изображения архитектуры стран Западной Европы, опираясь среди прочих источников на «Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839 году» [10].

В то же время «германские» фрагменты путешествий М.П. Погодина и Н.А. Корсакова остаются пока мало изученными, при том что «практически все путешествия русского образованного сообщества первой половины XIX в. начинались в Германии» [9, с. 126]. Таким образом, данная работа призвана частично заполнить эту лауну. При этом оговоримся, что, анализируя образы Германии в указанных текстах, мы не будем подробно останавливаться на образе немца-ученого в произведении М.П. Погодина, поскольку он рассмотрен в другом нашем исследовании [11, с. 247].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу немецких образов, следует сказать о различиях в описаниях германских земель у Н.А. Корсакова и М.П. Погодина. Первый из них в своем повествовании сосредоточен на отдельных деталях, на объекти-

вации виденного: общие планы городов, дома, магазины, церкви, музеи, различные культурные достопримечательности, т.е. предметность Чужого, изображаются достаточно подробно, тогда как немцы, населяющие описываемое пространство, изображаются мимоходом. Нет в тексте Н.А. Корсакова и имагологических обобщающих наблюдений о «немецкости», как и подробных описаний красот природы.

Повествование о Германии скорее напоминает инвентарь артефактов-дикувинок, что роднит текст с докарамзинской традицией травелогов (например, с дневником В.Н. Зиновьева или заграничными письмами Д.И. Фонвизина). Карамзинская традиция в «немецком» фрагменте путешествия представляет собой в большей степени отталкивание «от противного». Так, в самом начале повествования Н.А. Корсаков отрывается от притязаний на роль Поэта-путешественника, которая была свойственна русскому путешественнику Н.М. Карамзина:

<...> только не ожидайте от меня красноречивого рассказа. Я вам представляю слабые эскизы, а не мастерской отделки картины: — ведь я не поэт [3, с. 3].

Этот мотив депозитизированного описания повторяется также в конце произведения (еще одном «сильном» месте текста):

<...> как сумел, так и рассказал; ведь с начала объявил, что я не Поэт [3, с. 110].

Впрочем «оценочная матрица» [9, с. 126] карамзинского травелога проявляется, причем эксплицитно, и у Н.А. Корсакова, например, в сцене аффектированного расставания с Родиной, в амбивалентном смещении тоски из-за расставания со Своим и ожидания встречи с Чужим:

<...> мне так грустно стало, что выкатилось несколько слез, — и это тогда, когда выполнялось мое нетерпеливое желание. Н.М. Карамзин правду сказал: «о сердце! Кто знает, чего ты хочешь» [3, с. 12].

В 60-е годы XIX века этот «карамзинский» топос уже будет восприниматься как литературный штамп и высмеиваться в сати-

рическом стихотворении Н.А. Некрасова «Первый шаг в Европу», где отъезжающий за границу русский барин «...уронил за борт горячую слезу, невольный дар отчизне...» [12, с. 141]. Карамзинский текст также актуализируется в повествовании Н.А. Корсакова при визуальном попадании в пространство острова Борнгольм:

<...> представился взорам нашим и остров Борнгольм, известный несчастьем Саффы, столь красноречиво описанным Н.М. Карамзиным [3, с. 13].

Иначе устроено изображение немецкого пространства в тексте М.П. Погодина. Рассказчик хотя и демонстрирует известный национальный релятивизм, замечая, что большая разница в характере наблюдается не между национальностями, а между «народом столиц, городов» и «народом деревень», при том что «у всякого народа есть свои добродетели и свои пороки, и всего менее можно судить о народе по выходцам» [2, с. 230], тем не менее довольно часто прибегает к обобщениям по поводу национальных особенностей.

Кроме того, часто Н.П. Погодин смотрит на немцев через призму славянства и православия (собственно говоря, время написания «Года в чужих краях» приходится на активизацию панславистских настроений автора [13, с. 234]). Так, описывая залу Боннского университета, путешественник возмущается, что в ней изображаются представители католической и протестантской церкви и даже «еретики», но «Восточная Церковь» оставлена «без представления», нет также

<...> распространителей Христианской Веры, между племенами Славянскими, которые занимают однакож, в чем должны признаться Немцы, большую половину Европы [2, с. 41].

Также автор пишет о нежелании немецких ученых заниматься

<...> Славянскими наречиями, среди коих живут, и кои слышат беспрестанно» по причине «природного отвращения», «без сознания, по инстинкту [1, с. 82].

Оппозиция «немецкость — русскость/славянскость» выступает лейтмотивом произведения, однако, как говорилось выше, не означает абсолютную Чужесть немецкого русскому, которые объединяются на общечеловеческом основании. Кроме того, М.П. Погодин гораздо подробнее, чем Н.А. Корсаков, изображает антропное и природное пространство Германии.

Одним из часто встречающихся мотивов при описании Германии в погодинском травелоге является мотив чистоты:

Немецкие гостиницы устроены отлично: чистота... [1, с. 88]; опрятные Немочки, в чистеньких платьицах [1, с. 95]; Что за чистота! (о прусских дилижансах) [1, с. 100]; девочки лет по 10 или по 12, в чистых чепчиках [2, с. 64]; По середине ея (горы — С.Ж.) проложены чистые и удобные дорожки для гуляющих [2, с. 65]; «дорожки» по «окружным горам и рощам» Мариенбада «содержатся очень чисто» [2, с. 66]; квартира, т.е. чистая, убранная комната с бельем и прислугою [2, с. 67].

При этом подчеркивается деятельная натура немцев, благодаря которой природное пространство очеловечивается, принимает на себя чистоту как характеристику антропного локуса, что отражает образ чистых и удобных дорожек в окрестностях Мариенбада. Это согласуется с традицией изображения «немецкого ландшафта», одной из основных черт которого является «ухоженность» [14, с. 120]. Чистота естественная, по Н.П. Погдину, составляющая немецкости, но не присуща русскости. Как иронично замечает автор, если в Мариенбаде для поддержания чистоты дорожек хватает «едва ли» десяти немцев, то «по-нашему надо бы приставить к ним сотни две работников, дюжины две садовников, и несколько чиновников, под начальством Директора, в великолепной квартире...» [2, с. 66-67], т.е. здесь чистота насаждается насильственно, через контроль начальства, которое, в свою очередь, тоже требует дополнительных средств для поддержания за счет общественного частного пространства «великолепной квартиры». В повествовании Н.А. Корсакова мотив немецкой чистоты присутствует также при описании гамбургского сумасшедшего дома: «Какая чистота!» (в «кухнях» и «буфетах»), (в столовой) «...чистое столовое белье, оловянные миски и кружки кажутся серебряными» [3, с. 23].

Немцы выступают как преобразователи пространства. Отсюда возникает мотив тяжелого труда для этого преобразования:

Не так легко достается в Германии не только богатство и слава, даже хлеб насущный! [1, с. 80]; Поля все возделаны — загляденье! Едешь как по саду. Везде видна забота, попечение [1, с. 100].

Особо отмечается М.П. Погодиным обустроенность немецких дорог. Это касается не только удобных дорожек в Мариенбаде, о которых говорилось выше, но и прусских дорог между городами: «Дорога прекрасная. Задержки нигде ни на минуту» [1, с. 100], что, стоит заметить, представляет собой резкий контраст с описаниями прусских дорог русскими путешественниками рубежа XVIII-XIX вв., Д.И. Фонвизиным и Н.М. Карамзиным [15, с. 175-176]. Мнение М.П. Погодина не вполне соотносится с замечанием Н.С. Корсакова, что «пруссские дилижансы тихо ездят...» [3, с. 101].

Кроме того, он же отмечает неторопливость гамбургского фурмана,

<...> который, по обыкновению всех фурманов, проехав версты две, а много три, останавливался кормить своих тощих коней! <...> какая разница с... Русскими вольными ямщиками, мчащими «на лихой тройке» «верст по 18 в час» [3, с. 17].

Здесь русская воля, подразумевающая простор, противопоставляется ретардирующему локусу немецкой дороги. Иную картину рисует М.П. Погодин. Описывая немецкие дороги, он упоминает участок, покрытый «по обеим сторонам благодатным виноградом» [2, с. 49]. Также реплика «Едешь как по саду» корреспондируется с восприятием немецкой земли как сада-поместья в русской литературе рубежа XVIII-XIX вв.

В целом равнодушный к немецкой природе Н.А. Корсаков отмечает сады при дворцах: «Вы выходите из залы и прохаживаетесь по дорожкам, уставленным по обе стороны оранжевыми деревьями и испещренными цветами; внизу видите большой сад с разными украшениями, из которого, есть ли посмотреть на верхний, то он точно вам покажется как бы в воздухе» [3, с. 83] («воз-

душный сад» при дворце в Мюнхене); «...6 террас о 24 гладких каменных ступенях, по обеим сторонам которых растут виноград, дыни и арбузы, сводят вас в сад оранжевых деревьев...» [3, с. 95] (Сан-Суси).

С мотивом немецкой чистоты в травелоге М.П. Погодина также связаны мотивы упорядоченности, рациональности и удобства пространства Германии:

Немецкие гостиницы устроены отлично: чистота, порядок, точность и определенность, заслуживают всякой похвалы [1, с. 88]; Прусская почта устроена превосходно <...> Все как по заведенным часам [1, с. 100].

Благоустроенность немецких локусов, даже «самого последнего городишки», проявляется также в просвещенности, цивилизованности досуга: «В самом последнем городишке есть публичная библиотека, есть книжная лавка, есть ученое образованное общество»; у немецких учителей «учебные пособия и средства все под руками» [1, с. 102]. Идиллическими чертами изобилия наделена и жизнь немецких священников, помещенных среди рустикального ландшафта (возвращающимися «с нивы или прогулки»): «Как хорошо живут Немецкие пасторы! В каком довольстве и обилии!» [1, с. 105]. Закономерно, что, наряду с чистотой и упорядоченностью, к главным характеристикам немецкого пространства относится покой: прусские «...дилижансы... очень спокойны» [1, с. 100]; «Молитвенное пение в нижней часовне... пение всего народа..., в один голос, мерное, спокойное, благоговейное...» [2, с. 58-59]; «После моей тревожной жизни с трудами, хлопотами и неудовольствиями, месяц спокойствия и праздности был для меня каким-то волшебным временем...» [2, с. 84] (о Мариенбаде).

Также перед посещением Швейцарии автор описывает идиллический праздник немецкой деревушки, описываемой как некий бестревожный родовой локус с «добрыми людьми», «...которые веселятся и наслаждаются по своему...», и наделяемой чертами ахронности: «...пожелали им такого безмятежного спокойствия и удовольствия на веки веков» [2, с. 102]. Наконец, завершается четвертый том погодинского травелога обобщением, что «Во

Франции жить можно всего веселее, в Англии свободнее, в Италии приятнее и дешевле, в Германии спокойнее...» [2, с. 230].

В целом описание М.П. Погодиным Германии напоминает об идиллической устроенности и патриархальности, что выражается характеристикой достопочтенности: «Достопочтенная Немецкая земля!» [1, с. 97]. Описывая Силезию, М.П. Погодин замечает, что ее онемечивание «...имело совершенно особенный характер, без большого насилия...» [1, с. 101].

Идиллически-патриархально изображаются и немецкие праздники с неизменным пивом:

Кружки пива так и рассыпаются, то и дело подают их. Закуски — колбаса, ветчина. Однакож все чинно. Добрые немцы сусят молча. Между столами толкаются дети [2, с. 101].

Мюнхенский вечер в саду за пивом описывает и Н.С. Корсаков, хотя и в гораздо более прозаическом тоне:

Тут играли шарманки, там суетились толстые Баварки, подавая пиво и принимая пустые кружки, за столиками преважно сидели, пили и рассуждали мужчины, а женщины закусывали пиво пряниками [3, с. 83].

Еще одним немецким «атрибутом» выступают любовь к танцам: «Девки и парни танцуют до упаду» [2, с. 101]; «Больные Немочки так мастерски отмахивали вальс, что любо» [2, с. 74]. Сравните в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект»: «...немки всегда охотницы до танцев» [16, с. 37]. Идиллический характер Мариенбада подчеркивают эпитет «мирный» [2, с. 80], а также описание цветущего пейзажа: «Долина, рассеченная дорожками во всех направлениях, усеянная кустами и цветами, очень приятна для глаз» [2, с. 63]. Следует отметить, что идиллические описания сельского праздника у М.П. Погодина отличаются от сцены танцев в портовом Гамбурге, изображенной Н.С. Корсаковым. Это уже не идиллическая, а маргинализованная картина:

<...> пред глазами вашими танцевальные для девиц залы; Jungfer-Stift <...> там танцуют <...> Английские, Голландские и пр. наций,

матросы с дамами свободного обращения, разряженными <...> в пух [3, с. 20].

Мотив распущенности нравов на фоне молчаливого поглощения пива вводится Н.С. Корсаковым в описание и пивного дома в Мюнхене:

В разных комнатах сидят мужчины и женщины, даже молодые; посмотрите на эту милостивую блондинобаварку; ей, кажется, нет еще и 20 лет; она сидит с очень пожилым мужчиною; неужели это муж ее? Не может быть <...> Тут не услышите ни музыки, ни пения; одни стаканы, касаясь друг друга, издают неприятную гармонию [3, с. 84-85].

Вместе с тем для М.П. Погодина в упорядоченности немцев чувствуется некая механистичность (отсюда сравнение с часами): «Много машин в Англии, но машинальность царствует в Германии: машинальность логическая, историческая, психологическая и всяческая» [2, с. 87-88]. Механистическая повторяемость проявляется и в образе деревенского «старого шультмейстера»,

<...> который от частого повторения грамматики сделался сам глаголом отложительным. Тупее, деревянистее от роду я не встречал никого [2, с. 87].

Тотальная упорядоченность пространства Германии актуализируется также в понятии системы, с которой ассоциируется устройство прусской армии:

Все жители Прусского Королевства, какого бы звания они ни были, <...> обязаны служить в военной службе. <...> Система превосходная, но не всякому народу по духу [1, с. 104-105].

Та же обязательность военной службы отмечается с легкой иронией Н.С. Корсаковым в связи с Гамбургом:

Все эти миниатюрные фронты составлены из граждан города; тут и купец Офицер, и мастеровой Штаб, или даже и Генерал; и их Благородия, Высокоблагородия и Превосходительства, по окончании ученья, или караула идут опять заниматься своим ремеслом... [3, с. 18].

Чрезмерность немецкой «точности», «аккуратности» и «добро-совестности» находит отражение в восприятии немцами пространства (в описании пути до той или иной точки):

<...> Немцы рассказывают о дороге, когда их спрашиваешь, совершенно отличным образом от Русских: они опишут вам ее всю, начиная от того места, с которого вы спрашиваете, и до того, куда хотите прийти, целую Историю, или лучше Географию. Да еще задумываются иногда по середине, путаясь в исследовании и споря с самими собою, какой поворот назначить лучше, а иной предложит несколько дорог с комментариями [2, с. 56].

При этом немец упорядочивает пространство (через схему маршрута) не только в речи, но сначала в воображении, т.е. дважды («Немец непременно остановится, пройдет сам в воображении всю дорогу...» [2, с. 56]) действуя из лучших побуждений и не замечая, какие страдания приносит путешественнику:

Эти добрые люди мучили меня столько, что я решился их не спрашивать, дабы не слушать их длинных рассказов [2, с. 57].

Сравните с погодинской инвективой против немцев, которые не поняли Шлецера потому, «...что он написал маленькую книжку, а не несколько томов, и отрывками, а не в связи...» [2, с. 45], т.е. не создал привычную немецкому уму подробную систему.

С этой обратной стороной любви немца к порядку рассказчик сталкивается также на таможне, где немецкие чиновники изображаются как буквоеды-законники:

<...> Немец принялся читать артикул с чувством, с толком, с расстановкой, делая ударение на всяком знаке препинаний, три товарища следовали за ним глазами и телодвижениями, повторяя в полголоса последние слова, и составляя таким образом какой-то коровий концерт [1, с. 107].

Жалоба русского путешественника начальству оборачивается новым чтением протокола: «...выслушав мое объяснение, начал диктовать мне такой длинный протокол, (Die Sache soll protokolliert werden), что я со второго пол-листа потерял терпение,

и готов был отказаться от денег» [1, с. 109]. Сравните с описанием таможи в Дрездене у Н.С. Корсакова: «Осмотр был самый строгий. ...не только вскрыли ящики, но и из обертки все вынули» [3, с. 91].

Несмотря на неприятности, М.П. Погодин отдает должное четкости работы немецких служащих: «...паспорта везде и всегда возвращались мне исправно и верно...» [2, с. 52]. Образ немецкого чиновника (Чужого) дополнительно раскрывается рассказчиком в Мариенбаде опять-таки через сравнение со Своим, т.е. русским: «Точность, исправность, добросовестность, трудолюбие — на стороне Немцев; ум, сметливость, предприимчивость — на стороне Русских. Один может замыслить, а другой исполнить» [2, с. 78]. Соответственно, немецкий чиновник уподобляется «прозе» [2, с. 78], в смысле приземленности, исполнительности, следованию внешней форме, тогда как в русскости М.П. Погодиным видится фантазия, размах идеи, но без немецкой оформленности-формализованности. Вот почему автор заключает, что «...служить стихами нельзя», а «настоящий», т.е. идеальный, чиновник должен «соединять в себе» немецкое и русское начала [2, с. 78].

Из рациональности следует расчетливость немцев. Та же чистота и удобство пространства гостиниц следует из желания немцев заработать, тогда как отсутствие этих характеристик у славянского пространства компенсируется, по М.М. Погодину, истинным «гостеприимством»: славяне «...гостеприимны дома, даром, а не за деньги в трактирах» [1, с. 88]. В то же время автор далек от однозначных характеристик. Немецкая расчетливость может выступать как положительная черта в форме идиллической умеренности, склонности к простоте жизни:

<...> Немецких учителей нельзя сравнивать с нашими: нужды их несравненно меньше; жить у них гораздо дешевле <...> [1, с. 102]; <...> мы перекусили небогато, но превкусно <...> [2, с. 47]; Расходы на водах, по крайней мере, в Мариенбаде, очень умеренны <...> [2, с. 67]; <...> провели время и приятно, и полезно, — и дешево! (о Мариенбаде) [2, с. 84].

Умеренность присуща всем слоям немецкого общества. Так, автор особо отмечает встреченного на водах принца Прусского, который являлся к источнику «в соломенной шляпе, в черном сюртуке» и «прогуливался наравне со всеми, как бы самый последний гражданин», проявляя «бережливость и простоту», украшающую «потомство» «Великого Фридриха» [2, с. 73]. Даже описывая дорогостоящие привычки баварского короля, который всячески украшает Мюнхен («Въезд в Минхен великолепный — по новой Лудвиговой улице, выстроенной нынешним Королем («<...> Что за здания — одно другого огромное и великолепнее. Откуда берет деньги Король на такие расходы? <...> новый Университет, новая Библиотека, Академия художеств, Институт для девиц, Семинария. И все это только строится!» [2, с. 89-90]), рассказчик ссылается на мнение, что король

<...> строится по большей части из собственных своих доходов, коих он никуда не употребляет, соблюдая величайшую умеренность, кроме искусств! [2, с. 90].

Противоположностью немецкой бережливости выступает в по-годинском тексте русская расточительность, нежелание жить по средствам:

...жить умереннее, соразмерно с доходами, — чего не понимают ни наши купцы, ни наши подьячие, ни даже дворяне мелкопоместные <...> [1, с. 80]; <...> первая гостиница в городе, Hotel de Russie, — видно в честь Русских расточителей» [2, с. 50]; Русские платят гораздо больше, без всякого расчета; они даже избаловали Докторов, как говорят Немцы [2, с. 68].

Немецкое умение рационально использовать средства противопоставляется русской расточительности на примере не только Мариенбада, но и устройства благотворительных учреждений: «Наши благотворительные заведения <...> чего они стоят Правительству?» [2, с. 59]. В Германии же «...с малыми средствами делается многое» [2, с. 59]. Сравните с замечанием Н.С. Корсакова об уличном освещении в Гамбурге:

Город освещен фонарями... посреди улиц, от чего свет ударяет на все четыре стороны и потребно оных менее числом: Немцы расчетливы [3, с. 15].

«Бережливых и расчетливых» немцев изображает тот же рассказчик в сцене завтрака немецкой четы:

<...> вот они пили, пили, ели, ели, — но не могли ни допить, ни доесть всего. <...> чтобы не заплатить за то, чем они не воспользовались, жена стала класть в ридикюль остальные куски сахару, а муж завертывал в бумагу недоеденный кусок телятины. Ну, подумал я, недорого же вам будет стоять дорога [3, с. 81].

Итак, травелоги М.П. Погодина и Н.А. Корсакова, каждый по-своему, создают образ Германии. Рассказчик во втором тексте более подробно описывает предметный мир, архитектурные достопримечательности, музеи и различные диковинки. Описания погодинского текста в большей степени сосредоточены на немцах, их поведении, особенностях национального характера с точки зрения автора. Чаще, чем Н.А. Корсаков, М.П. Погодин обращается к описаниям природы, хотя и делает это в краткой отрывочной форме, например, мотивируя фрагментарность изображения отсылкой к литературной традиции: «...об Рейне писано столько!» [2, с. 46]. Архитектурные детали немецких антропных локусов мало интересуют автора «Года в чужих краях». Так, о немецких соборах он сообщает, что те «составили» в его «воображении один собор», и он не знает, «...что сказать о каждом из них порознь» [2, с. 49].

В целом пространство Германии в данных травелогах предстает упорядоченным локусом. Это выражается в понятиях чистоты, удобства, умеренности, системы, рациональности, нередко принимающей формы расчетливости или даже скупости. По сути, перед нами предстает (особенно в тексте М.П. Погодина, с имагологической точки зрения, более информативного) стандартизированное во многих чертах изображение Германии, имеющей частично идиллически-патриархальные, частично филистерские черты, которые мы можем встретить и ранее, в травелогах рубежа XVIII-XIX веков. Также следует отметить используемый в повествованиях М.П. Погодина и Н.А. Корсакова прием сопостав-

ления русского (или славянского) с немецким для выделения, с точки зрения нарратора, черт Своего при сравнении с Чужим.

Литература

1. *Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839) в 4-х ч. Ч.1. М.: Университетская типография, 1844. — 226 с.

2. *Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839) в 4-х ч. Ч.4. М.: Типография Н. Степанова, 1844. — 230 с.

3. *Корсаков С.А.* Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839 году. М.: Типография Н. Эрнста, 1844. — 111 с.

4. *Рудикова Н.А.* Парижский текст в заметках и путевых письмах русских путешественников конца 1830х гг. (И.Г. Головин, Н.И. Греч, М.П. Погодин, В.М. Строев) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 187-191.

5. *Таньшина Н.П.* Три взгляда на Францию 1838-1839 гг.: П.А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 1. С. 72-85.

6. *Мазин К.А.* М.П. Погодин: человек, историк, публицист, коллекционер, турист // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. Т. 8. № 3. С. 5-12.

7. *Тесля А.А.* «Славянский вопрос» в публицистике М.П. Погодина 1830-1850-х гг. // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 117-138.

8. *Чикалова И.Р.* Наблюдения об Англии и англичанах в эгодокументах и отчетах российских путешественников (конец XVIII — начало XX вв.) // Запад-Восток. 2016. № 9. С. 18-35.

9. *Кирьяш О.А.* «Записки русского путешественника» Н.М. Карамзина и «ментальная карта» русского образованного сообщества первой половины XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 125-127.

10. *Летуновский Е.А.* Архитектура стран Западной Европы первой половины XIX в. в оценке русских путешественников // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Т. I (Культурология). С. 137-144.

11. *Жданов С.С.* Ученость «Германии туманной»: к комическому образу немецкого ученого в русской литературе конца XVIII–начала XX вв. // Вестник СГУГиТ. 2017. № 4. С. 243-256.
12. *Добролюбов Н.А., Некрасов Н.А.* Отъезжающим за границу // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. М.: Наука, 1981. С. 140-141.
13. *Павленко Н.И.* Михаил Погодин. М.: Памятники исторической мысли, 2003. — 359 с.
14. *Neumann F.W.* Deutschland im russischen Schrifttum // Die Welt der Slaven, 1960. Н.2. S.113-130.
15. *Жданов С.С.* Образ Германии в отечественных травелогах рубежа XVIII–XIX вв.: природное и человеческое пространства (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 168-187. DOI: 10.17223/19986645/49/11.
16. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 688 с.

Г. Карпи

**От Наполеона III до Раскольникова
(Достоевский — обозреватель внешней политики
и роман «Преступление и наказание»)**

Аннотация: Статья посвящена деятельности Ф.М. Достоевского в качестве обозревателя внешней политики с начала 1860-х годов и его же разработке геополитики, обеспечивающей амбиции русских в общеевропейском контексте. Размышления о вопросах современной геополитики являются непосредственным контекстом возникновения как отрывка «Социализм и христианство», так и замысла романа «Преступление и наказание».

Essay is focused on Dostoevsky's activity as an observer of foreign policy in the mid 1860s and on the development of his own geopolitical conception, that supported russian ambition in the European contest. Dostoevsky's geopolitical thought is the common basis where originate the draft "Socialism and Christianity" and the conception of "Crime and Punishment".

Ключевые слова: Вильгельм фон Гогенцоллерн, Вторая Империя, Геополитика, Ф.М. Достоевский, Наполеон III, Особый путь, Парижская Коммуна, Пий IX, Преступление и наказание | Crime and Punishment, Geopolitics, F. Dostoevsky, Kulturkampf, Napoleon III, Paris Commune, Pius IX, Second Empire, Sonderweg, Wilhelm von Hohenzollern.

1.

Своим фантазмагорическим бредом гоголевский Поприщин подавляет и компенсирует невозможность самоутверждения, на которую его обрекают соотношения социальных сил в николаевской России. Другими словами — он сходит с ума из-за внутренней политики, но его бред сосредоточен на политике внешнюю [1, с. 340]. На отсутствие диалектической взаимосвязи с окружающей реальностью субъект часто реагирует проецированием своих подавленных чаяний в далекую и отвлеченную сферу, легко поддающуюся идеализации: сходным образом и Достоевский перенаправляет свой интерес к вопросам внешней

политики начиная с лета 1864, когда в России исчезает та надежда на углубление либеральных реформ, которая воодушевляла группу интеллектуалов, собранных вокруг журнала «Время» (1861-1863) [2].

Не то, чтобы прежде Федор Михайлович обходил совсем вниманием внешнюю политику: у ежемесячника, изданного им с братом, был богатый внешний отдел, где весьма радикально настроенный публицист Алексей Разин часто использовал зарубежные материалы, чтобы намекать на самые что ни на есть отечественные вопросы. В эти годы речь идет преимущественно о необходимости углублять процесс, запущенный освобождением крестьян, до предполагаемой конечной цели преодоления — или по крайней мере существенного смягчения — самодержавия и сословных структур общества: в данном контексте, чаще всего либерально-демократический дискурс маскируется под видо выпадов против современной Франции — Второй Империи как модели общества, в котором преобладает одно сословие (в данном случае финансовая буржуазия).

Все русские интеллектуалы 1860-х годов, которые в своей юности в большей или меньшей степени были причастными сенсимонизму, считали классовое расслоение общества следствием нашествия варваров в раннем Средневековье, согласно теориям историка-сенсимониста Огюста Тьерри в популярнейших «Рассказах о временах Меровингов» (1833; русский пер. 1864). Россия же — где подобные нашествия не имели место — сохранила гораздо более однородный (и потенциально более солидарный и демократический) общественный строй, как доказывал сам Достоевский в первом же публицистическом выступлении во «Времени» (декабрь 1860):

Нет у нас сословных интересов, потому что и сословий-то в строгом смысле не было. Нет у нас галлов и франков, нет ценсов, определяющим внешним образом, чего стоит человек» (XVIII, 50).

В этом отношении, в период подготовки Манифеста об отмене крепостного права, современная Франция служит в либеральной публицистике доказательством «от обратного» бесконфликтности русского общества и поощрением к расширению реформ: напри-

мер, в своих «Парижских письмах», Евгения Тур рисует унылую картину спекулятивного застоя и мелкобуржуазной власти в современном Париже,

<...> распростертом перед банковыми билетами в 1000 франков; не хочет он знать ни науки, ни литературы, пропадай им совсем [3, с. 14].

По мнению писательницы, ярким показателем царствующей морали при Наполеоне III служат популярные пьесы, где как нельзя ярче выражается

<...> лакейская угодливость писателей» и проповедуется «такая узкая мораль и притом такой щекотливый гонор, что во имя их на сцене совершаются всевозможные низости и нравственные насилия» [3, с. 19]¹.

Одной из первых в России Евгения Тур называет «Мадам Бовари» нравственным зеркалом современной Франции.

В том же номере «Русского Вестника», видный публицист-либерал Владимир Безобразов противопоставляет классовому расщеплению Франции цельность русского общества, где помещики и освобожденные крестьяне легко найдут способы солидарного взаимодействия [6]. Аналогичные позиции (правда, без дворянско-помещичьего амплуа Безобразова) характерны и для публицистики «Времени»: ярким тому примером служит редакционная статья «Дворянство и земство», кульминирующая гневной тирадой против французского буржуазного класса — «представителя деспотизма капитала», чьи интересы «никогда не были в то же время интересами целого народа». После очередной ссылки на теории Тьерри об исторических корнях владычества высших сословий, публицист «Времени» доказывает, что западная буржуазия (особенно французская) играет разлагающую роль:

¹ На страницах «Времени» также постоянно осмеивается современная французская литература, которая «перестала быть искусством <...> и обратилась в настоящую промышленность» [4, с. 74]; она же «изображает эпоху господства буржуазии» [5, с. 111]. Кульминацией этой темы будет глава VIII «Зимних заметок о летних впечатлениях» («Брибри и Мабиш») самого Достоевского.

<...> нигде нет такой ощутительной и явной вражды, как именно в тех странах, где буржуазия приняла сословный характер. Буржуазия — тоже дворянство — только финансовое. И конечно нужно еще благодарить историю, что она не создала у нас такого среднего сословия [7, с. 28].

Современная Франция служит маскировкой внутренней полемики и как модель политического строя, основанного на несвободе и на полицейском контроле — с одной стороны, и на негласных связях между министерствами и финансовыми лобби — с другой. В бонапартизме прогрессивно настроенные русские наблюдатели усматривали структурные сходства с тем, во что превратился царизм в длинном правлении Николая I.

Тому примером служит статья Разина «Законы печати во Франции», где под прозрачной полемикой против законов о цензуре во Второй Империи, утверждалось, что без возможности взаимодействия с общественным мнением,

<...> управитель весьма легко может ошибаться, и <...> может навязывать управляемым такие блага, от которых они не будут знать как отделаться и оттолкнуться <...>. Если нет оппозиции, свободно выражаемой, то как же узнать истинные потребности нации? [8, с. 180].

Следовало опасение, что отсутствие свободного обсуждения общественных вопросов приведет к революционному взрыву [Ср. 9, с. 295-296]. Неслучайно, 4 июля Министерство внутренних дел отправляет заметку Министерству народного просвещения, где в статье Разина сам министр Валуев усматривает выступление, сознательно направленное против политической линии его министерства (отличительной чертой которой была, между прочим, установка на сохранение цензурного нажима) [10, с. 971]¹.

¹ Письмо Валуева опубликовано целиком в: [11, с. 108]. О Валуеве в связи с Достоевским см. также см.: [2]. В течение стержневого 1862 г/ появились во «Времени» и другие намеки на цензуру: «Умственное движение французской нации, оттесненное нацию с политического поля, обратилось на историю», пишет почитатель Алексиса де Токвиля Владимир Фукс (Состояние исторической науки и новейшие исторические труды во Франции, с. 74).

Сам Достоевский выплатит дань обоим этим полемическим ссылкам на политическое положение Франции в цикле «Зимние заметки о летних впечатлениях» (февраль-март 1863), о первом путешествии писателя по Западной Европе. С самого начала Достоевский исходит из афоризма Дениса Фонвизина: «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» [12, т. 5, с. 50], чтобы осыпать сарказмами французский *tiers état*¹, который, несмотря на свою, казалось бы, полную победу, «спрятался под императора Наполеона» [12, т. 5, с. 74] перед пролетарской угрозой и мрачно «ежится» в своем хищном и вегетативном благополучии.

Но, несмотря на сарказм, размышления Достоевского, разумеется, имеют гораздо более сложную историософскую подоплеку, чем у современных ему публицистов. По его мнению, социальные процессы и образы не обладают самостоятельным значением, но лишь отражают высшие духовные инстанции: перефразируя Митю Карамзова, «дьявол с богом борется» не только в «сердцах людей», но и в игре общественных и геополитических отношений. Мы стоим перед резким поворотом в историософском осмыслении инаковости русской цивилизации. Если до сих пор в давно сложившейся традиции русского «особого пути» или *Sonderweg*'а [13] — с Чаадаева, Погодина и славянофилов до Герцена, и самого Достоевского 1860-1862 гг. — для объяснения различных структур социальных отношений в России и на Западе прибегали к конкретным историческим причинам (например, отсутствие в России феодально-рыцарской традиции, или роль захвата западной Европы варварами), в «Зимних заметках» западноевропейский человек представлен *антропологически* неспособным к выработыванию общечеловеческих ценностей, в первой очереди «братства», несмотря на его абстрактное провозглашение Французской революцией:

Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности. Что делать? Надо сделать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится [12, т. 5, с. 79].

¹ Третье сословие (фр.) — прим. ред.

Настоящим ядром и двигателем европейской цивилизации является всепоглощающее и всеразрушающее «начало личное»:

А в природе французской, да и вообще западной, <братство> в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своем собственном Я, сопоставления этого Я всей природе и всем остальным людям, как самоправного, отдельного начала, совершенно равного и равноценного всему тому, что есть кроме него [12, т. 5, с. 79].

У зрелого Достоевского «особый путь» России, «инаковость» ее цивилизации, обоснованы уже не ретроспективно-исторически, но провиденциально-антропологически: из плана «горизонтальных», рационально объяснимых причинно-следственных связей мы переходим в сферу некой онтологической, сверхбытийной первоосновы.

2.

В «Зимних заметках» Достоевский еще не объявляет открыто русский народ пока что бессознательным инкубатором непосредственного «братства», назначенным провидением победить индивидуалистическую энтропию несмотря на то, что вся аргументация цикла статей именно к этому заключению и стремилась. Только с середины 1864 г. образ русского народа как мистического резервуара сверхбытия и парадигма «столкновения цивилизаций» — и на духовном и на военном уровне — станут идеологическими стержнями Достоевского, в контексте все новых международных кризисов: спор о Шлезвиге-Гольштейне, *revanche pour Sadova*, Франко-прусская война, рождение Германского Рейха, парижская Коммуна, Балканская война.

Уже весной 1864 г. картина начинает разворачиваться подписанием франко-английской антанты и с усложнением кризиса вокруг Шлезвиг-Гольштейна, при конкретной перспективе войны Дании с германскими державами. 19 августа 1864 г. Достоевский собирает свиток газет и толстую, пустую тетрадь с черной об-

ложкой, сыгравшую затем судьбоносную роль в его творчестве¹, и начинает вести записки для «политической статьи», где поддержка германских держав со стороны Франции и Англии воспринимается как антирусский ход: распускаются руки Австрии и Пруссии во имя «восточного вопроса», т. е. чтобы ставить препоны славянскому возрождению на Балканах.

Но крепость союза Лондона и Парижа не внушает ни малейшего доверия Достоевскому:

Разногласие будет тогда, когда кто-нибудь из них обеих — или Англия, или Франция, — приобретет слышком уж большой перевес перед другой державой, и *Entente cordiale* нарушится. Этого нам должно желать. Тогда ввяжется и Россия. Наверно кончится разделом Турции между 3-я державами: Францией, Англией и Россией, и этот раздел поставит нас во вражду с Австрей [12, т. 20, с. 188-189].

Настоящая же опасность для России установлена Федором Михайловичем в «супрематии Пруссии», как уточняется 22 августа:

Уж если Австрия поступает под покровительство Пруссии, то это даром не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн. Пруссия разыгралась. Нет чувства меры. Бредит военными делами. Маршируют в ряд [12, т. 20, с. 190].

В ответ на прусский милитаризм, Достоевский предлагает: а) некий временный изоляционизм, чтобы выиграть время, предпринимать «реформы внутри», раскидывать стратегическую сеть «чугунок» и взять противников врасплох «если б дошло до дела»; б) геополитическую проекцию, основанную на теории «естественных границ», весьма популярной в тогдашней Европе и широко обсуждаемой в русской прессе²: согласно этой теории, границы западных держав в преобладающей степени искусственны и выражают противоположные империализмы Франции и Германии (с очевидным примером Эльзаса и Лотарингии), в то время как российская Империя уже достигла свои «естественные гра-

¹ Оригинал хранится в РГАЛИ, ф. 212.1.4.

² См. в т. ч.: «Голос». 1864. № 218 (9/21 августа).

ницы», — Кавказ, Польша, Финляндия. Дальнейшее укрепление собственных позиций против германского мира, который унифицируется благодаря голой силе, Россия может осуществлять лишь прибегая к своей «внутренней племенной национальной силе»: Укрепление, которое должно происходить «spontanément», т. е. без насилия, ибо — подчеркивает Достоевский ссылкой на книгу Прудона «Система экономических противоречий», «мы верим в spontanéité идей человечества» [12, 20, с. 179].

Разработка геополитики, обеспечивающей русских экспансионистских амбиций, в то же время представляя их качественно иными, более «нравственными», чем другие процессы государственного сплочения, происходящих в Европе, требует оформления соответствующей идеологии: образ будущей Европы, который начинает слагаться в пока только очерченной публицистике Достоевского — германский с точки зрения военной гегемонии, французский по государственному строю и неокатолический на идеологическом плане. Некая трехглавая гидра, где предпринятой Пруссией имперской централизации соответствуют политический цезаризм в форме, практикуемой Наполеоном III, и главенствующая идеология, основанная на той смеси иерархического подчинения, демагогии и пауперизма, в какую, по мнению Достоевскому, скоро превратится католицизм после потери последних остатков мирской власти.

Если прусскому милитаризму надо противопоставить панславистскую политику на Балканах, и с неокатолицизмом следует бороться распространением православия, разработка модели политической власти, альтернативной цезаризму, предполагает переосмысление всей недавней политической истории Франции: уже в первых набросках «политической статьи» — к сожалению, очень отрывочных — Достоевский устанавливает связь между мистикой власти, чьим теоретиком и создателем был Министр внутренних дел Наполеона III Виктор де Персиньи, и идеологической традицией, восходящей к маркизу де Саду [см. 12, т. 20, с. 191]. Неслучайно герой «Записок из подполья», в начале 1864, характеризует порождаемые Бонапартами политические формы как «культурно» оформленная кристаллизация первобытных сандистских импульсов:

Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам все наше девятнадцатое столетие <...>. Вот вам Наполеон, и великий и теперешний <...>. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн <...>. Цивилизация выработывает в человеке только многосторонность ощущений и <...> решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение [12, т. 5, с. 112].

3.

Чтобы выйти из этого кошмара, нужна определенная историософская концепция, указывающая выход из тупика. Неслучайно, на страницах 21-24 тетради, теперь уже по обеим сторонам страниц находим длинный фрагмент «Социализм и христианство» [12, т. 20, с. 191-194]. Во фрагменте история человечества мыслится как чередование общественно-культурных структур, первую из которых Достоевский называет «непосредственной», где человек живет в первобытных патриархальн<ых> общинах. Далее следует *цивилизация*, как время переходное, где преобладает «развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных, законов масс)». Эти эпохи противоположны и с точки зрения религиозного сознания: в эпохе «цивилизации» индивид «становился во враждебное, отрицательное отношение к авторитетному закону масс и *всех*. Терял поэтому *всегда* веру и в бога».

Любая цивилизация предполагает потерю «живой веры», и вообще всякой соединяющей ценности. Из этого вытекает «распадение масс на личности», то есть преобладание рационального сознания над верой и над «непосредственными ощущениями».

Достоевский воспринимает эпоху цивилизации как всеобщее «состояние болезненное»:

Если б не указано было человеку в этом его состоянии цели — мне кажется, он бы с ума сошел всем человечеством. Указан Христос.

Христос — это «цель» в смысле выхода из тупика цивилизации, синтеза односторонних начал автономного, анархизирован-

ного индивида и непосредственной, недифференцированной массы первобытной эпохи:

Возвращение в непосредственность, в массу, но свободное и даже не по воле, не по разуму, не по сознанию, а по непосредственному ужасно сильному, непобедимому ощущению, что *это ужасно хорошо*. С наступлением этого «христианства» будущего «кончается развитие, достигается идеал, след<овательно> <...> есть *будущая жизнь*».

Намечается здесь стержневая в концовке «Преступления и наказания» антиномия между «развитием» (историческим, логическим и/или диалектическим) и онтологически целостной «будущей жизни».

Через год, 7 августа 1865 г., Достоевский снова берет судьбоносную черную тетрадь и начинает своеобразный «двойной реестр»: к середине тетради вдруг начинается связной текст первоначального варианта первой главы «Преступления и наказания» [12, т. 7, сс. 5-76]; начиная же со страницы 1, а дальше по пустым промежуткам между записями годовой давности размещаются «служебные» записи о романе (указанные составителями полного собрания как *ПМ1*; [12, т. 7, сс. 80-92])¹.

В этих же записях, составленных в тесном соседстве с предыдущими, старые темы внешней политики превращаются в вопросы общего, нравственного значения: Достоевского волнуют судьба «вдовы *Капет*» (т. е. Марии Антуанетты), смысл «баррикады» и «мечты о всеобщем счастье»; он размышляет о Наполеоне и об образе Христа [12, т. 7, сс. 77, 86]. Собственно, речь идет о допустимости насилия, примененного ради достижения идеала, и о последствиях этого же насилия на психическое равновесие того, кто ее применяет: итак, в круге вопросов, непосредственно связанных с Раскольниковым, сосредотачиваются, оплотневают и превращаются в личную судьбу исторические динамики, которые с французской революции через наполеоновскую эпоху завершаются в современности. Общеизвестна одержимость Наполеоном Великим главного героя «Преступления и наказания», но менее известна зависимость проповедуемой Раскольниковым идеологии

¹ См. РГАЛИ, ф. 12.1.4, с. 1, 2, 4, 6, 8-20.

(об относительности общепринятой этики для меньшинства «избранных») от эссе-манифеста Наполеона III в вышедшем в марте 1865 «Histoire de Jules César».

В записях к роману и личная биография, и всеобщая история осмысляются как цепь актов насилия, изолирующих людей друг от друга. Только сверхъестественное вторжение может прервать этот злополучный процесс. И вот — совсем даже кстати — возникает образ Сони, которая сразу же подчиняет себе социопатического героя своим непосредственным, инстинктивным зарядом эмпатии:

«Лизавета! Соня!» — восклицает герой в окончательном, печатном варианте. — «Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые!.. Зачем они не плачут? Зачем они не стонут?.. Они все отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!..» [12, т. 6, с. 212].

В записях *ПМ1*, другая формулировка «восклицания молодого человека» содержит более выраженный религиозный характер: «О! вы непогрешившие!»; следует «мечтание о земном рае» [12, т. 7, с. 84], теснейшим образом связанное с отрывком «Социализм и христианство»: отрывок же находился на расстоянии десятка страниц, всегда на виду.

Вот эта и есть точка взрыва, которая превращает первоначальную повесть в роман, как мы его знаем: записки о Сони сталкиваются — буквально, на той же самой странице! — с известным нам отрывком. 14 октября 1865 г., возвращаясь в Россию на пароходе, Достоевский переформулирует обращение к «дочери Мармеладова», которая является символом всех неповинных жертв истории:

<...> зачем они не стонут? Какая ее участь?

Эмпатия с Соней внушает Раскольникову уже вполне конкретную и наглядную перспективу грядущей гармонии: «Картина золотого века. Она уже носится в умах и в сердцах. Как ей не настать — и проч.». Мы на расстоянии одной страницы (конечно, во встречном направлении) от старого отрывка, больше нет ни места, ни времени, и — благодаря жертвенному примеру Сони —

герой выходит из тупика и признает свою вину: «поклон народу и — признание» [12, т. 7, с. 91].

Записи закрываются евангельским «*Talifa kumi*», эмблемой воскресения, которая всплывает из памяти героя о детстве, когда «мать читала евангелие» [12, т. 7, с. 91. Ср.: Мк. 5: 41]¹. В окончательном варианте мать — как образ первоначальной гармонии и залог предстоящего возврата к ней — замещена Соней, и евангельский текст другой, о воскрешении Лазаря [12, т. 6, с. 249-252. Ср.: Ин. 9: 1-41], но символическое значение сцены не меняется.

Впрочем, предложенная в отрывке «Социализм и христианство» историософская схема повторяется точь-в-точь в эпилоге «Преступления и наказания», точнее в знаменитом «пророческом» сне Раскольникова, где «переходная эпоха» фрагмента конкретизируется в «страшной, неслыханной и невиданной моровой язвы», в микроскопических, но «умных» паразитах, вселявшихся в тела людей, из за которых люди становятся «бесноватыми и сумасшедшими», неспособными ни к какой форме общения между собой [12, т. 6, с. 419].

Этой апокалипсической картине противопоставлена «необозримая степь», первобытный и цельный мир кочующих киргизов, как символ изначального состояния человечества, все еще по концепции фрагмента [12, т. 6, с. 421]. Две первые моменты историософской схемы Достоевского символически разрешатся в непосредственно последующей за ними последней встречи с Соней, когда Раскольников падает у ее ног и воскресает в новую жизнь (третью стадию по фрагменту): «Вместо диалектики наступила жизнь» [12, т. 6, с. 422], заканчивает автор, дублируя таким образом известную нам антиномию между «развитием» и «будущей жизни».

¹*Talifa kumi* и Лазарь упомянуты вместе Кирилловым в «Бесах» [12, 8, с. 339]. Сам Христос снова произносит *Talifa kumi* в «Легенде о Великом инквизиторе» [12, 14, с. 227].

Достоевский снова вернется к международным вопросам в сентябре-декабре 1873 г., когда к деятельности редактора охранительного «Гражданина» и его же публициста по внутренним делам в первом цикле «Дневника писателя», он решит добавить и роль комментатора внешней политики на столбцах того же еженедельника. В течение восьми лет много воды утекло: некоторые прогнозы оправдались, в т. числе Германия воссоединилась и пала мирская власть Папы римского; но что касается Франции дела приняли совершенно неожиданный оборот: сначала падение Второй Империи, потом Парижская Коммуна, сыгравшая немалую роль в усилении консервативных сторон политической мысли Достоевского. Неслучайно — именно положению во Франции публицист «Гражданина» уделяет больше внимания.

Месяцы, в которых Достоевский курирует внешнюю политику в «Гражданине», являются для Франции стержневыми: немецкие войска полностью оставили страну, и в Национальном собрании бушует полемика вокруг последней попытки графа Шамбора стать королем с помощи клерикальной партии, в то время, как над французской политикой висит маршал Мак Магон, как Дамоклов меч.

К претенденту на престол Достоевский относится с едким сарказмом, как к политическому актеру, теряющему времяя в спорах о допустимости приятия трехцветного флага, и воображающему себе свое воцарение, как бы «возвращение благодетельного помещика в свою деревню» [12, т. 21, с. 185]; но и взятый Тьером курс на восстановление республики кажется русскому аналитику бессодержательным, т. е. «совершенно отрицательной» политической формулой, лишенной идейной сущности, в пользу которой играет лишь неспособность любой другой партии к достижению гегемонии [12, т. 21, с. 193]; столь же бесперспективными являются и реликты бонапартизма, чья фракция в Собрании следует тактике голосования с республиканцами против монархистов и наоборот, чтобы «помешать и тем и другим» [12, т. 21, с. 227].

Достоевский расценивает французскую политическую ситуацию как безвыходную из-за близорукости партий, неспособных к

восстановлению формы государственности, признаваемой всеми; даже низвергнутый режим Наполеона III — который в середине Шестидесятых казался ему новой и оригинальной формой деспотизма, неким *политическим садизмом*, — задним числом оказывается лишь диктатурой одной из многих партий: еще через два года, в «Дневнике писателя» Достоевский назовет Наполеона III «пройдохой и пролетарием, обещавшим все, отдававшим все и надувшим всех, только чтоб достигнуть власти» [12, т. 22, с. 92]¹.

После революции 1848 г., французские политические деятели не в состоянии думать в общенациональном масштабе, потому что игнорируют социальный вопрос, т. е. социализм, как суррогат религии, или вернее — как анти-религию, которая «уверяет, что в силах выстроить весь мир заново, сделать всех равными и счастливыми и уже навеки докончить вековечную Вавилонскую башню, положить последний замковый камень ее» [12, т. 21, с. 201].

В том, что победа социализма близка, Достоевский не имеет ни малейшего сомнения, тем более что текущие политические события наводят его на мысль о предстоящем союзе католицизма с социализмом, или вернее — о гегемонии первого над вторым. Ссылаясь на известную переписку между Пием IX и императором Вильгельмом по поводу *Kulturkampf*'а, писатель заключает, что с одной стороны народные массы — не только французские — «давно уже тяготятся этой свободы <совести> своей, как бременем» [12, т. 21, с. 207], и с другой стороны предсказывает, что скоро Папа римский обратится к народу, «пеш и бос, нищ и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих», и отнимет у «Карла Маркса и Бакунина» революционное лидерство [12, т. 21, с. 202-203]².

Это последствия исторического процесса, начатого с Французской революции, постепенно расширившегося по всей Европе и теперь вновь смыкающегося на Францию: вопреки своей тради-

¹ Настоящий культ двух Наполеонов характеризует Смердякова в «Братьях Карамазовых»; бородкой *à la* Наполеон III щеголяет малодушный Ганя Иволгин в «Идиоте».

² Грядущая социалистическая «Вавилонская башня» и духовная свобода как бремя, которое современный человек с удовольствием скинет от себя — скоро вернутся как центральные темы «Легенды о Великом инквизиторе».

ционной роли «преимущественного представительства европейского католицизма почти с самых первых времен христианства на западе Европы» (параллельно тому, как «вплоть до пришествия императора Петра» Россия «была представительницею <...> восточного католического (православного) христианства»), революционным путем Франция объявила себя «обновительницею человечества на новых началах», т. е. на началах «науки, государства и мечты о справедливости, основанной единственно на законах разума» [12, т. 21, с. 234]. Провал утопии секуляризованного государства predetermined постоянную нестабильность французского общества последних восемьдесят лет:

Все эти периоды — первой Империи, Реставрации, буржуазного царства при Орлеанах, Второй империи и т. д. — все это было как бы скорее мираж, чем действительность»; Достоевский, в 1864 наблюдающий с опасением якобы неоспоримую гегемонию бонапартизма, как политической модели, в 1873 сомневается даже о самом будущем существовании французской нации: «В этом роковом вопросе о жизни и смерти Франции, о воскресении или угашении ее великого и симпатичного человечеству гения, может быть, заключается вопрос о жизни и смерти всего человечества, что бы там ни сказали на это недавние победители Франции — немцы» [12, т. 21, с. 236].

Это не первое предсказание близкого конца Франции, как нации, со стороны русского наблюдателя: «Не пройдет целого века, и французская нация исчезнет <...>. Приговор: *delenda Francia!*» [14, с. 8], — пророчил образованнейший вельможа и сибарит Екатерининских времен Иван Муравьев-Апостол в 1813 при виде дымящихся руин Москвы. «Истребление всех вас с лица земли не удовлетворит достаточно правосудию» [15, с. 250]: в таком духе адмирал Александр Шишков готовил обращение к побежденному врагу. Но приведенные высказывания вызваны Отечественной войной и десятилетиями наполеоновских войн, и осуждение Франции не касается остальной Европы: Россия представлена здесь авангардом освобожденных наций, а Франция обречена на гибель, или, по меньшей мере, на маргинализацию. Шестьдесят лет спустя, размышления Достоевского рисуют прямо противоположную картину: французская зараза в своих разных ипостасях — от «якобинского» социализма до бонапартизма

— охватила всю Европу, а в изолированном состоянии теперь находится Россия, причем обособленность эта рассматривается Достоевским как обстоятельство безусловно положительное.

Западноевропейская же цивилизация, рожденная революцией, утверждает: *а)* в духовной сфере — арелигиозная сущность современного государства, что предопределило конец мирской власти Папы; *б)* в сфере идеологической — равенство граждан, как абсолютную ценность, а наоборот *в)* в социальной плоскости — власть буржуазии, при возрастающем неравенстве между классами. Из этого вытекают постоянная политическая нестабильность (ибо чередующиеся формы правления не могут примирить противоположные силы) и затмение самой национальной идентичности перед противоборствующими партийными принадлежностями. Кризис западноевропейских наций как жизнеспособных организмов, если не их смерть, усугубляется, по мнению Достоевского, предстоящим слиянием двух главных сил, освобожденных из революционного сосуда Пандоры: пролетариата и католицизма, то есть — двух исторических сил, у которых, по определению, нет отечества.

Литература

1. *Пумпянский Л.В.* Гоголь [1922] // Его же, Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы, М. 2000.
2. *Карпи Г.* Достоевский-экономист: Очерки по социологии литературы, М. 2011.
3. *Тур Е.* Парижские письма // Русский Вестник. 1858. Сентябрь. Кн. 2.
4. *Фукс В.* Состояние исторической науки и новейшие исторические труды во Франции // Время. 1862. № 7.
5. *Бибиков П.* Как решаются нравственные вопросы французской драмой // Время. 1862. № 2.
6. *Безобразов В.П.* О сословных интересах // Русский Вестник. 1858. Сентябрь. Кн. 2.
7. [Ред.]. *Дворянство и земство* // Время. 1862. № 3.
8. *Разин А.Е.* Законы печати во Франции // Время. 1862. № 5.

9. *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время», М. 1975.
10. *Рудаков В.Е.* Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения // Исторический Вестник. 1911. № 8.
11. *Усов П.* Цензурная реформа в 1862 году // Вестник Европы 1882. № 6.
12. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л. 1972-1990.
13. *Атнашев Т., Велижев М., Зорин А.* «Особый путь»: от идеологии к методу, М. 2018.
14. *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород, СПб. 2002.
15. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века, М. 2001.

Д.Н. Дюсекенев

**«Путешествие из Павлодара в Каркаралинск»
М.М. Пришвина в контексте
ориентального дискурса**

Аннотация: В статье исследуется имагологический образ Степи и киргизов-кочевников в «Путешествии из Павлодара в Каркаралинск» М.М. Пришвина. Концептосфера пришвинского травелога рассмотрена в контексте ориентального дискурса русской литературы, а также в связи с концепцией «русский человек на Востоке». Анализ произведения выполнен с учетом исторических фактов.

The article examines the image of the Steppe and Kyrgyz nomads in the “Journey from Pavlodar to Karkaralinsk” by M.M. Prishvin. Conceptosphere of Prishvin’s travelogue are considered in the context of the oriental discourse of Russian literature related to the concept of “Russian in the East”. The analysis of the work was based on historical facts.

Ключевые слова: Пришвин, Степь, киргизы-кочевники, ориентальный дискурс | Prishvin, Steppe, Kyrgyz nomads, Oriental discourse.

В условиях глобализации усилились процессы суверинизации и национальной идентичности, которые вызвали интерес к проблеме диалога культур в отечественной и в мировой гуманитарной науке. Интеграционные процессы в культуре разных народов приобретают все большее значение, в связи с чем активно развивается литературоведческая имагология (раздел компаративистики), цель которой передать образ Другого в массовом сознании.

В данной статье исследуется имагологический образ Степи и киргизов-кочевников в «Путешествии из Павлодара в Каркаралинск» М.М. Пришвина, которое можно отнести к жанру травелога. Как отмечает Е.А. Худенко, «изучение сквозных мотивов и образов и их имагологической составляющей в цикле произведе-

ний Пришвина, посвященных Средней Азии, детально не производилось в пришвиноведении. Отдельно рассматривался «сибирский дневник», его поэтическая образность и содержание [1], [2], [3], описывалась автобиографическая составляющая топонимического пространства в творчестве Пришвина [4], евразийская концепция [5], мифопоэтика [6] и жанровые особенности очерковых текстов [7], [8], [9]. Исследователь З.Я. Холодова подчеркивает, что на материале азиатского путешествия происходила выработка основных принципов лаборатории писательского труда [10; 11, с. 62].

В «Путешествии...» М.М. Пришвин показал себя как замечательный этнограф, собрав обширный материал о жизни и быте киргизов (казахов). Писатель раскрывает культурный код этноса через такие основные звенья, как: наследие, традиции, обычаи, язык, семья, жизненный уклад, праздники. Так, например, Пришвиным отмечены такие характерные черты народа, как гостеприимство, хитрость, простота и тонкость в манерах общения. Чтобы лучше понять образ «Другого», автор дневника погружается в культуру, изучает язык и фольклор (приветствия, реалии, пословицы и поговорки, легенду о Баян Сулу и Козы Корпеч), одевается в национальную одежду, записывает мифы о звездах, пытаясь воссоздать национальную картину мира.

Интерес представляют также элементы концептосферы, которые, как уже мы отмечали, «могут быть рассмотрены в контексте ориентального дискурса русской литературы» [12, с.367], связанные с фундаментальной концепцией «русский человек на Востоке». Как справедливо отмечает П.В. Алексеев, «формирование литературного жанра ориентального травелога было обусловлено развитием и усложнением международного «восточного вопроса», чрезвычайно важного для русской национальной идентичности. Поэтому «русский человек на Востоке», будучи частным путешественником, был также носителем идей русского ориентализма, в рамках которого Россия преодолевала европейские представления о себе как варварской стране восточного деспотизма при помощи ориентализации Востока и самоориентализации русского мира» [13, с.223]. Под русским ориентализмом понимается «стиль художественного мышления, основанный на таком различии Запада и Востока в дискурсах колониализма и постколони-

ализма, при котором происходит формирование русского образа Востока, цивилизационно противопоставленного как Западу, так и России при помощи художественных средств ориентализации и самоориентализации» [13, с.5].

Таким образом, «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» М.М. Пришвина вызывает интерес своей полифункциональностью, так как передает не только образ киргизов (казахов) Российской империи, но тему покорения Средней Азии, распространения колониального влияния (подавления восстаний, ликвидации родовых институтов, переселенческой политики, которая вызвала переход к оседлости). «Путешествие...» датируется началом XX века, когда уже были сгенерированы основные концептуальные и жанрово-тематические закономерности русского ориентализма, тем самым оно включается в дискурс ориентального травелога в силу функционирования в нем нарратива ориентального путешествия.

По мысли П.В. Алексеева, «прежде всего, необходимо понять, где и при каких условиях русский человек обнаруживает Восток на имагинативной карте России (если речь идет о внутреннем Oriente) и мира (если речь идет о внешнем Oriente)? Как он осознает и оформляет эту воображаемую границу? Кем выступает русский человек по отношению к Востоку? Каковы его намерения и нравственные императивы?» [13, с.213].

Пользуясь предложенной терминологией, можно сказать, что Средняя Азия для М.М. Пришвина является внутренним Oriente. Попробуем выяснить по записям в дневнике, где она начинается в имагинативной карте России. «Путешествие...» начинается 29 июля 1909 года, в Москве. Пересекая Уральские горы, автор отмечает: «Сейчас будет столб Европа и Азия» [14, с. 475], — так в ментальной карте автора четко разграничивается цивилизация и дикость, Восток и Запад. Пришвин записывает в своем дневнике:

<...>Как похожи эти киргизы на японцев. Приезжают и уезжают куда-то в степь. Разве можно ходить по степи! Она желтая вся, и лица киргизов будто спелые дыни. Сколько в этой степи этих людей с косыми глазами? Как все это непохоже на наши места. Азия [14, с. 481].

Азия в раннем дневнике М.М. Пришвина, позже нашедшая свое отражение в таких произведениях, как «Черный араб», «Адам и Ева», «Архары» и др., является центральным концептом, важнейшей категорией национального самопознания. Важной деталью биографии автора является то, что в детстве он, обучаясь у дяди в Тюмени, совершает попытку бегства в экзотичную Азию. Как отмечает И.И. Страхов, «"путешествие в Азию" Миши Пришвина и его гимназических друзей стало едва ли не самым символическим событием его детства — и потому, наверное, воспоминания о той аванюре можно встретить не в одном произведении Пришвина» [4, с. 175].

В науке неоднократно отмечалось, что для самопознания нации необходимо наличие онтологического «Другого» (или «Чужого»), по отношению к которому будут вырабатываться критерии и аспекты самоопределения [15]. Так, для сознания автора Азия и Степь становятся внутренним ориентиром, *terra incognita*, или как он сам отмечает в дневнике «страна Майн-Рида» [14, с. 486].

Еще один важный аспект семиозиса ориентального травелога — это его субъектно-объектный план: кто и с какой целью отправлялся в путешествие на Восток [13, с.229]. Так в русской литературе прочно сформировались, например, такие концепты, как романтический изгнанник, «свой среди чужих, чужой среди своих», или освобождение от самого себя в путешествии. В дневнике повествование ведется от лица автора, который предстает ученым, действительным членом географического общества, то есть от лица просвещенного европейца, подобно русскому путешественнику «с книгой в руках» Н.М. Карамзина:

...меня знакомят: я ученый. Доказательство: география Семенова. Узнают Тысяцкого. Спрашивают только, где же его трубка, он всегда с трубкой. Узнают другого, третьего... Меня признают за ученого [14, с. 497].

Далее по тексту:

...начинается мирная беседа. Старик спрашивает, знаю ли я законы... Киргизов обижают... Подать царю, как подать царю жалобу? Или в Сенат. Я объясняю: в Думу. В Думе мало киргизов. Я говорю: — За

отобранные места выдают новые. — Да, это правда, выдают, но те обижаются: земля других... [14, с. 504].

Таким образом, перед нами образ типичного путешественника с книгой, но «без нагайки».

Доминирование — важнейший принцип ориентализации пространства, поскольку показывает границы культур в плане оценки [13, с.267]. Л. Вульф рассуждает о том, что насилие есть важнейшая тема ориенталистского дискурса [16]. В произведении «Адам и Ева», в основу которого легли наблюдения из «Путешествия...», таким образом автор изображает переселенцев:

— Ну, конечно, у меня вилы, — сквозь смех сказал чернобородый.
— А у меня, так сказать, оглобля, — сказал светлобородый. — Киргизят мы, как маленьких ребят, жамочками кормим. — И ничего они? — спрашиваю я, удивляясь. — Ничего. Маленько потопчут когда наши огороды, ну, мы им тут лещей надаем; они и перестанут [17, с. 712].

Далее автор горько иронизирует: «Самое первое оружие против киргиза — свинья» [17, с. 715]. Но писатель не хочет принимать насильственные методы, пытаюсь найти выход то в просвещении («султан учит детей русскому языку. Старший сын для хозяйства, но султан будет учить. А если уйдет? — Нечего делать. Возвращение невозможно» [14, с.536]), то в сохранении веками сложившегося кочевого уклада жизни («Джайлоу, — значит, простор, свобода, значит, движение. Так прославляют поэты свою весеннюю кочевку. Джетак, — значит, лентяй, лежит; в этом слове заключается смысл презрительный: “лежишь, ну, и лежи”» [17, с.718]), но в конце-концов приходит к выводу: «Я думаю: в этом народе личность не создалась, разложившийся родовой строй дал на одной стороне воровство, на другой — гостеприимство» [14, с. 545].

Похоже, что для автора это авантюрное путешествие — попытка реализации свободы, развенчания мифа об Азии и поиска «самого себя» через провал в небытие (Тартарары, как он в шутку называет Каркаралы).

Как жутко... Эта степь страшная, и эти люди все практичные, и я один так зря, безумие это путешествие, у меня никакого дела... все

спрашивают, зачем, я сам не знаю, зачем... Все эти переживания с обыкновенной стороны — чепуха, глупость, безумие... [14, с. 485].

Автор приходит к выводу, что идеализировал Степь и «вольную» жизнь киргизов-кочевников:

Вчера, когда он пошел в стадо, я ему сказал: вы царь, лучше царя, тот сидит в пыльных стенах, а в степи хорошо... Старик просто спросил: почему я живу не в степи? И мне вдруг показалось: как ему объяснить? [14, с. 485],

а также, что он Чужой и не готов стать Своим в этом пространстве:

...есть мужчины? — Джок, — глухой ответ женщин... Поговорили еще: мужчины дома спят; боятся русских. Русскими пугают детей [14, с. 550],

или:

На меня указывают пальцем: петербургский архар [14, с. 522].

В результате образы Степи и ее обитателей наполняются противоречивыми характеристиками: «высокого» и «вульгарного» («Я прошу киргиза петь. Он поет одно и то же... хорошо... что-то испанское слышится в мотивах аккомпанирующего инструмента...»), или «Царь степей бродит по базару в таком же халате и не прочь другой раз сесть на барана и вырезать метки»), «русского» и «азиатского» («Думал: сколько у нас татарского... Объяснял, почему у нас общие слова: когда-то татары господствовали, мы получили от них эти слова... теперь русские: и прочее... Что получили они от русских?» [14, с. 508], или «Думал о юморе киргиз... Как близко это русским... Как похож Исак на Земляка! Сколько в нас татарского...» [14, с. 514]), «роскошного» и «убогого» («Для нас очищена и приготовлена юрта (белая) только что женившегося сына... все ковры и подушки стянуты сюда... низенький столик, сундуки из мороженой жести, расписная кровать... луна вверху, как в театре Комиссаржевской... керосиновая лампа...» [14, с. 495]).

Анализ произведения невозможен без учета исторических фактов. Выбор М.М. Пришвиным мотивов и тем Степи связан с религиозно-философскими исканиями интеллигенции, брожения умов в России на рубеже веков. Возможно, поэтому архаичную интуицию автора привлекают картины жизни киргизов (казахов): мифологизм мышления и сознания, спокойствие и созерцательность в манерах и поступках, которые помогают ему понять, «открыть» самого себя. Здесь также необходимо учитывать сложившиеся исторически сложные отношения между Российской империей и Степью.

Как отмечает Е.А. Худенко, в «Путешествии...» автором поднимается острая проблема переселения: «В разговорах с местным населением и переселенцами Пришвин обнаруживает политическую подоплеку этого процесса: «киргизы — народ неблагонадежный», и внедрение в азиатские степи не только земледельческого населения России, но и чиновников, землемеров, топографов укрепляет среднеазиатскую границу» [11, с. 65]. Действительно, после серии колониальных реформ на протяжении всего XIX века и усиленно проведенной переселенческой политики в начале XX века, направленной на искоренение родовых структур, русскому правительству удалось сломить традиционный институт кочевой цивилизации казахов. П.П. Румянцев писал по этому поводу:

И видя теперешнего мирного киргиза трудно представить себе, что это потомок столь воинственных и беспокойных когда-то предков [18].

Н.А. Логутов по этому поводу замечает:

К этому времени [нач. XX в.], когда-то грозный, казахский союз племен и родов распался, а русское законодательство о казахах 1822 и 1868 г. положило конец и казахскому самоуправлению. Власть ханов упразднена, казахи были разделены уже не по родовым признакам, а по территории, а управление ими было поручено хотя и «начальникам из казахов», но ставленникам Русского правительства [19].

Именно с этого рокового периода начинается падение нравов казахов, названное современниками-казахами той эпохи Зар За-

ман — время Скорби. М.М. Пришвину в короткие сроки удалось понять всю катастрофичность происходящего, ломку коренного уклада жизни:

<...> кто видел киргиза, выбирающего для заезжего гостя лучшего барана, и потом попадает к джетакам, первым земледельцам, ужаснется. Он увидит голодные рты, волчьи глаза, уйдет от них обманутый, обворованный, унеся впечатление величайшего падения человеческого существа. Все лучшее, что дает родовой строй, — гостеприимство, эту радость приезду чужого, ничем как будто не нужного им человека, — здесь вырождается в свою противоположность: воровство [17, с. 718].

В итоге для М.М. Пришвина путешествие в Азию становится своего рода «паломничеством», поиском общечеловеческого:

...я совсем один, и я со всеми... Путешествие — это особый пост, «ураза» на все привычное... Нужно, чтобы каждый так постился... Нужно сделать, чтобы путешествие было без определенного дела и без каких-нибудь грубых непосредственных потребностей... Оборвал привычки, знакомства, привычную природу... Лопнул канат... И вот все живое в тебе ищет восстановить это нарушенное равновесие, хватается за людей, всяких, за новые деревья, камни... пройдет время и... связи восстановлены, привычки найдены... верблюд не останавливает внимания... горы, лес... все обыкновенно... Но смысл пережитого остался... остался какой-то налет, колорит жизни, и вот, право, не знаю, что это значит: какое имеет значение — география или роман... [14, с. 519].

Литература

1. *Дворцова Н.П.* Между Европой и Азией: Сибирское путешествие Михаила Пришвина // Город как культурное пространство: Материалы региональной культурной конференции. Тюмень, 2003. С. 8-18.

2. *Худенко Е.А.* Путешествие М. Пришвина в Азию (анализ фрагментов из раннего дневника) // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: Материалы второй международной научно-практической конференции. Барнаул, 2013. С. 124-130.

3. *Худенко Е.А.* Образ Азии в «сибирском дневнике» М.М. Пришвина // Русистика и современность. Сборник научных статей XIX Международн. научн. конференции. Астана, 2016. С. 410-414

4. *Страхов И.И.* Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М.М. Пришвина: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 240 с.

5. *Ровенский Н.С.* Пересекая этнографическую границу... (Русский поэт в национальной республике — не дублер, а искатель // Ровенский Н.С. Портреты, обзоры, рецензии, литературные портреты. Алма-Ата., 1983. С.5-18

6. *Борисова Н.В.* Художественное бытие мифа в творческом наследии М.М. Пришвина: автореф. дисс. ...докт. филол. наук. Елец, 2002. 32 с.

7. *Лишова Н.И.* Путешествие-странствие в повести М.М. Пришвина «Черный араб» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. № 6. С. 81-85.

8. *Ольховская Ю.И.* Очерк в системе жанровых категорий пришвинской прозы // Актуальные проблемы высшей школы. Материалы научно-практической конференции. Куйбышев: КГПИ, 2004. С. 94-96.

9. *Рыбаченко Н.В.* Жанровые особенности ранних очерков М. Пришвина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса: ОГУ им. И.И. Мечникова, 1984. 16 с.

10. *Холодова З.Я.* Дневник как творческая лаборатория: М. Пришвин в работе над очерком-поэмой «Черный араб» // Михаил Пришвин и XX1 век: материалы Всероссийской научн. конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. С. 44-53.

11. Литературное трансграничье: русская словесность в России и Казахстане: коллективная монография / отв. ред. В.И. Габдуллина. Барнаул., 2017.

12. *Габдуллина В.И., Дюсекенев Д.Н.* Художественная коммуникация и диалог культур в условиях трансграничности: «казахский текст» как предмет имагологического исследования // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 366-368.

13. *Алексеев П.В.* Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск, 2015.
14. *Пришвин, М.М.* Путешествие из Павлодара в Каркаралинск // Пришвин М.М. Ранний дневник. СПб., 2007.
15. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.
16. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
17. *Румянцев П.П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.
18. *Логотов Н.А.* Очерк родового быта казаков и распределение казахских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии. М., 1929.
19. *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Произведения 1906-1914 гг. М., 1982.

В.Д. Линьков

Топография действия в романе М. Загоскина «Аскольдова могила»

Аннотация: В статье рассматриваются особенности топографии действия в романе М. Загоскина «Аскольдова могила». Показано художественное своеобразие вымышленных и исторических персонажей, их путь в сюжете романа, пространственные центры. Исследуются романтические элементы в структуре исторического романа.

The article discusses the features of the topography of the action in M. Zagoskin's novel «Askold's grave». The author shows artistic originality of fictional and historical characters, their way in the story of the novel, spatial centers. The romantic elements in the structure of this historical novel is studied.

Ключевые слова: топография, художественное пространство, исторический роман, персонаж, М. Загоскин | Topography, artistic space, historical novel, personage, M. Zagoskin.

Эпоха 20-30-х годов XIX века в России характеризуется возникновением исторического романа, успехи которого отражали развитие национально-исторического самосознания русского общества, подъем его интереса к отечественному прошлому.

В первых исторических романах («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М. Загоскина, «Димитрий Самозванец» Ф. Булгарина, «Клятва при гробе господнем» Н. Полевого) критики отмечали верное изображение нравов, домашнего быта, местности, особенностей природы Российского государства. Проблемы исторической живописи, элементы исторической географии, подробное описание обстановки, старинных костюмов, вещей, различного рода примечательные исторические детали и вообще исторические реалии привлекали внимание авторов любой статьи или рецензии о том или другом историческом романе 20-30-х годов XIX века.

Так, по мнению В.Г. Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», заслуга исторического романа начала XIX века заключается в сближении литературы с действительностью:

<...> всеми силами стремится к сближению с действительностью, к натуралистичности. Вспомните романы и повести Нарезного, Булгарина, Марлинского, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Полевого, Погодина <...>. Мы говорим об общем им всем стремлении — сбить роман с действительностью, сделать его верным ее зеркалом» [1, с. 291].

Однако если в ранних произведениях русской литературы предпочтение отдавалось изображению внутреннего мира человека и необходимости самовыражения поэта как оригинальной, глубоко мыслящей и тонко чувствующей личности, то в произведениях исторического характера художественный материал обогащается картинами из жизни народа, национально-бытовой действительности. В результате расширяется сама область художественного изображения жизни, возрастает интерес к переломным и полным драматизма эпизодам отечественной истории.

Творчество Загоскина на протяжении нескольких десятков лет первой половины XIX века — целая эпоха русской исторической прозы, включающая многообразие поисков, критических споров вокруг него. Роман М. Загоскина «Аскольдова могила» был издан в 1833 году. Это произведение не просто отражало процесс эстетического развития писателя, но и стало своеобразным итогом историософских размышлений начала 30-х годов XIX века, во время которых заметнее становится идеализация старины, религиозная направленность. «Аскольдова могила» — это романтический исторический роман, в котором по-прежнему сильны позиции западноевропейской литературы (Загоскин явно следует особенностям поэтики, разработанной В. Скоттом), но при этом выдвигается в центр повествования национально-религиозная специфика, связанная с темой христианизации Древнерусского государства конца X века.

Следует заметить, что художественную часть предваряет небольшое предисловие (существенный эстетический признак исторического романа эпохи романтизма), в котором автор не толь-

ко проясняет отношение к амбивалентной фигуре Владимира Святославича (язычник/христианин), но и формулирует источниковедческий характер повествования:

<...> полагаю приложить здесь, на всякий случай, две выписки: одну из «Истории государства Российского» Карамзина, а другую из «Житий святых», собранных знаменитым нашим чудотворцем и святителем Димитрием Ростовским [2, с. 5].

При этом писатель создает роман с традиционным вальтер-скоттовским сюжетом и довольно поверхностной опорой на исторические документы:

Пусть называют мой рассказ баснею: там, где безмолвствует история, где вымысел сливается с истиною, довольно одного предания для того, кто не ищет славы деесписателя, а желает только забавлять русских рассказами о древнем их отечестве [2, с. 6].

Необходимо отметить и особую роль романтической установки, которая доминирует на протяжении всего повествования. Эстетически обоснованным в связи с этим было замечание Н.А. Полевого, знаменитого современника Загоскина, об «истине изображений» в романтических произведениях:

Романтизм образовался не только отдельно каждым народом, но даже отдельно каждым великим писателем. Мы не можем сказать, чтобы современный нам романтизм был французский, немецкий, английский, испанский: он многообразен, всемирен, всеобъемлющ; сообразуется только с истиною каждой формы, а содержание его находится в организации времени, общества и писателя <...> Противоположный классицизму, романтизм гораздо правильнее и требует системы более и строже <...> Вследствие сего романтику потребно глубокое познание человека в мире действительном и высокая философия и всемирность в мире фантазии [3, с. 124-125].

При этом о художественных достоинствах романа Загоскина, учитывая его народно-национальную специфику, весьма своеобразно отозвался С.Т. Аксаков:

«Аскольдова могила» имела гораздо менее успеха, чем «Рославлев». Зато, по его убеждению, «в сценах народных, принимая их в современном значении, дарование Загоскина явилось не только с той же силой, но даже с большим блеском, чем в прежних сочинениях <...> Какая бездна неистощимой веселости, сметливости, находчивости и русского остроумия! [4, с. 409].

Роман «Аскольдова могила» состоит из 3-х частей, что, несомненно, обусловлено спецификой развития русского исторического романа 20-30-х гг. XIX века. При этом художественная структура произведения такова, что все главы распределены примерно одинаково по частям произведения, наличествуют пространственные диалоги персонажей, а авторское монологичное слово главенствует в исторических экскурсах, в которых подробно воссоздана духовная атмосфера эпохи конца X века. Приводится множество исторических имен и фактов, географических названий, обширных комментариев и пояснений, формирующих событийный центр данного периода. Так декларируется стремление писателя выразить одну из главных черт романтического исторического романа — изображение переломного момента в судьбе народа (в данном случае — предстоящее введение на Руси христианства как государственной религии).

Эпоха Древней Руси с ее перманентной централизацией власти составляет событийную основу произведения, романное пространство не ограничивается Киевом и его окрестностями, а охватывает всю территорию современной Европейской России: от берегов Черного моря до крайних пределов обширного Новгородского княжества. Вальтер-скоттовский принцип сюжетной схемы романа, обилие бытовых подробностей, речевая структура, насыщенная пространственными диалогами, позволяют погрузиться в мельчайшие перипетии исторического бытия. Разумеется, многие исторические персонажи действуют в разнообразном пространственном мире романа: Владимир I, Рогнеда, верховный жрец Богомил, десятник Остромир и др.

Действие в романе М. Загоскина во многом обусловлено такой художественной организацией, которая содержит в себе топографические особенности как столичного (княжеский дворец, Перуново капище, Подол и др.), так и околостолличного (Днепр, По-

чайна, леса и болота вблизи Киева) пространства. Многие персонажи произведения находятся в постоянном движении, в пути. Так, в центр повествования автор определяет трех поначалу периферийных персонажей: Вермида, Всеслава, Торопку Голована. Впоследствии именно они превратятся не только в организаторов действия, но и станут персонажами — носителями определенного типа поведения и целеустановки. Такой тип действующих лиц удачно выделил Ю.М. Лотман: «С появлением образа дороги как формы пространства формируется и идея пути как нормы жизни человека, народов и человечества. Герои резко делятся на движущихся и неподвижных. Движущийся герой имеет цель» [5, с. 657].

Принципы построения Киевского пространства или пространственный облик великого Киева («древней столицы царства Русского»), созданные Загоскиным, обусловлены концентрацией топонимов, которые в данном случае несут явно выраженный социальный и исторический подтекст. Как и любая земля, богатая историческими преданиями, Киев с его окрестностями хранил немало топонимических преданий и легенд. М. Загоскин увидел в них существенное дополнение к собственным размышлениям о состоянии русского государства во времена правления князя Владимира. В этом плане топонимический ряд организует художественное пространство произведения, подчеркивает символический смысл некоторых деталей и образов.

В топонимическое пространство Киева входят городской Подол, божница Велесова, княжеский дворец, капище Перуна, Кучинская гора с мрачным зданием наверху — жилищем Богомила и т.д. Нетрудно заметить, что уже в начале произведения топография Киева пронизана деталями, указывающими на социально-сословный и религиозно-языческий характер города:

Теремный двор, в котором Владимир любил угощать своих витязей, стоял в его время на самом видном месте древнего Киева, близ нынешней Андреевской церкви, сооруженной на развалинах каменного терема, из коего, по сказаниям летописца, великая княгиня Ольга смотрела на торжественный въезд послов древлянских, помышляя о кровавой тризне, уготовляемой ею в память убиенного ее супруга. Тут же, перед самым теремным двором, стояло капище Перуна, на холме,

на коем впоследствии сооружена была церковь святого Василия, а ныне возвышается храм во имя Трех Святителей [2, с. 10].

В простонародных сценах и в описании княжеских палат автор широко использует топонимику в сочетании с бытовыми деталями. Насыщая роман деталями быта, автор расширяет пространственные рамки, используя при этом излюбленный историографический принцип эпохи — собирание знаний в любой области. А концентрация в ограниченном пространстве персонажей разных сословных и культурных уровней моделирует социокультурную и религиозную картину Киева.

В столичном пространстве автор сосредотачивает внимание на изображении разных типов пространства: открытом, где, в основном, на улицах и площадях Киева действуют простонародные персонажи («...в некотором расстоянии от дворца народ шумел по улицам великого Киева. Поселяне и жители посадов киевских, собравшись отдельными толпами, пели песни на обоих берегах Днепра. На городском Подоле, тогда еще не заселенном, резвились молодые горожанки» [2, с. 12]), или закрытом, в котором участвуют «статусные» персонажи, например, на великокняжеском пиру с преобладанием этикетного начала:

<...> в обширном покое за длинным дубовым столом пировали ближние бояре, витязи и вся гридня знаменитого великого князя киевского [2, с. 61].

Однако в том и другом типе пространства сюжетобразующим началом остается конфликтная стихия:

<...> быстрее молнии опустился тяжелый кулак незнакомца, и меч выпал из онемевшей руки варяга. Девушка, освободясь из рук его, побежала к своим подругам, которые снова собрались в кучу и, окруженные киевскими гражданами, шли прямо к городу. Фрелаф нагнулся, чтоб поднять свой меч, но, оглушенный новым ударом, почти без памяти упал на землю [2, с. 12];

или:

<...> он вскочил с своего места. Невольный трепет пробежал по членам всех пирующих: все лица побледнели, и даже в бесстрашной груди Рохдая сердце замерло от ужаса. Острый меч сверкал уже в руке Владимира... [2, с. 65].

В данном случае мотивы злобы, ненависти и мести порождают тотально враждебное пространство не только в условиях Киева, но и распространяются на всю территорию Древнерусского государства. Так формируется в художественной структуре романа концепция острых социально-религиозных отношений, а в романе складывается насыщенная до предела конфликтная атмосфера. Апофеозом языческого начала в романе становится предстоящая ужасная сцена жертвоприношения:

Царство света и царство тьмы во всей разительной противоположности своей представились его взорам: внизу — это безобразное смешение лиц, выражающих холодное, зверское любопытство и какую-то безотчетную жажду крови; это дикое, беспокойное волнение народа; эти отвратительные крики; а вверху, над головами этого буйного скопища, два существа, обреченные смерти, но спокойные, кроткие и смиренно покоряющиеся воле своего господина. Полуразрушенный помост, служащий им подножием, был выше всех окружающих его зданий: он выдавался вперед и как будто бы висел на воздухе. Феодор и сын его Иоанн стояли на самом краю его, и, отделенные от земли, облитые лазурью небес, казалось, они, как два светлых херувима, парили над главами неистовых убийц своих [2, с. 40].

Именно этот эпизод о гибели святых Федора и Иоанна, зафиксированный и в «Истории государства Российского» Карамзина, символизирует наступление всепобеждающей силы христианства.

Топография действия имеет принципиально иной характер, когда сюжет перемещается в околостолечное пространство. В данном случае это ручьи, болота, Почайна, Днепр с его притоками, леса — мир естественно-природной среды с обилием простонародных персонажей. Дремучий лес возле Киева, где живут Надежда (возлюбленная Всеслава) и ее отец Алексей (примерный христианин), является определенно значимой моделью мироустройства с идиллическим типом пространства. Именно этот топос организует жизнь персонажей так, что они пребывают в мире

гармоничного состояния с атмосферой духовного благополучия и христианской любви к ближнему.

Так, автор подробно описывает в последней главе первой части романа не просто жилище вышеназванных персонажей, но и их особое духовно-христианское состояние:

Всеслав поднял глаза и увидел небольшую избушку. В небольшой, но чистой светелке, которая отделялась низкими сенями от черной избы, стоял окруженный скамьями стол; в переднем углу, перед двумя образами греческой живописи и медным распятием, горела лампада. Войдя в светлицу, старик поклонился святым иконам и, осенив трижды грудь свою знамением креста, сказал, обращаясь к Всеславу:

— Да благословит тебя господь, если ты без лести и лукавства, а с чистым сердцем посетил убогую хижину неимущего! Сядь, отдохни, и да будет мир с тобою!

— Со мной! — сказал Всеслав, покачав сомнительно головою; но в то же время какая-то тишина и душевный мир не похожие на наше земное обманчивое спокойствие — это минутное усыпление страстей, всегда готовых пробудиться, — наполнили кротким веселием его сердце. Он взглянул в открытое окно хижины: светлые небеса, радостное щебетанье птичек, журчанье быстрого ручья, глубокая долина, зеленый, тенистый лес — казалось, все повторило ему вместе со старцем: «Да будет мир с тобою!» [2, с. 25].

Очевидно, авторская романтическая установка изобразить такой тип жизни в романе обусловила создание некоей идеальной пространственной модели мира, не знающей трагической антинормии личность/мир. Персонифицированным идеалом такой модели жизнеустройства становится в романе Алексей, описанный автором с особою любовью:

<...> величественный и вместе кроткий вид старца. Он был высокого роста; как лунь, седая борода его опускалась до самого пояса; глубокая мудрость изображалась на открытом челе его, ясном и спокойном, как тихие осенние небеса; а взор, исполненный доброты и простосердечия, казалось, высказывал все, что было на душе его [2, с. 24].

Тип национально-религиозного характера воплощен автором в этом персонаже. Алексей в романе — идеализированный тип личности, отец, христианин, пользующийся безграничной любо-

вью и уважением в простонародной среде, несомненно, противопоставлен всем княжеским и боярским персонажам в обширной пространственной структуре романа «Аскольдова могила». Социальный, культурный, нравственный аспекты жизнеповедения Алексея обусловлены духовным самоопределением выбора модели судьбы, связанной с религиозным началом его жизни. А семантика топоса сакрального характера очевидна уже в сюжетном развитии в данном фрагменте текста. Полнота, цельность, слияние человека с природной стихией в начале знакомства с персонажем создают ощущение идеального топоса, в котором все гармонично.

Не случайно единственная любовная линия романа (Всеслав и Надежда) развивается в условиях свободного, разомкнутого пространства, в котором нет власти великого князя и отвратительного языческого варварства, которые широко представлены в Киеве.

В финале романа топография действия маркирована еще двумя значимыми пространственными центрами. Всеслав и Надежда, спасаясь от преследования, из Предиславина попадают на развалины христианского храма на Угорском месте, что на высоком берегу Днепра. В данном случае Предиславино — потешный дворец князя Владимира, где языческий характер эпохи обнажается до предела: в этом дворце содержатся в рабстве девушки для удовлетворения низменных потребностей правителя. Угорское место, по преданию, стало основой для собрания первых киевских христиан. Именно там, возле Аскольдовой могилы и развалин христианского храма, навсегда обретают духовную свободу Всеслав и Надежда, уходя в единении в иной мир.

Итак, в романе «Аскольдова могила» Загоскин, активно внедряя в исторический сюжет романтические элементы, тем не менее актуализирует социальный и сословный мотивы в романе, а национально-религиозный характер произведения обусловлен как причинами историко-культурного характера, так и специфической жанровой детерминизма. Роман, без сомнения, отвечает эстетическим установкам, о которых в свое время заметил Б.Г. Рейзов:

<...> чрезвычайное, до того невиданное разнообразие национальных типов, разнообразие чувств и идей, связанными с национальными особенностями, традициями и условиями жизни; глубина исторического постижения характеров и идеологии, понимания исторического процесса в его общем движении» [6, с. 166].

В этом произведении М. Загоскина, как и в его предыдущих романах, «доминирует идеалистическое обоснование исторического процесса, духовный, национально-религиозный аспект» [7, с. 159]. Особенности топографии действия позволяют проследить романский путь вымышленных и исторических персонажей, а также выявить такие территориальные центры, как Киев и его окрестности (столичное и околостоличное пространство).

Литература

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1956.
2. *Загоскин М.Н.* Аскольдова могила. М., 1989.
3. *Полевой Н.А.* О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах // Н.А. Полевой, К.А. Полевой. Литературная критика. Л., 1990.
4. *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1986.
5. *Лотман Ю.М.* Художественное пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб, 2005.
6. *Реизов Б.Г.* Творчество Вальтера Скотта. М.-Л., 1965.
7. *Линьков В.Д.* Типы русского исторического романа 20-30-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2001.

Е.В. Масяйкина

Корреспонденты Г.Н. Потанина в архиве Научной библиотеки Томского университета

Аннотация: В данной статье рассматривается круг контактов Г.Н. Потанина с точки зрения сбора и изучения фольклора народов Сибири на базе архивных материалов Научной библиотеки Томского государственного университета. Анализируются просветительские стратегии, которых придерживаются сотрудники Российского географического общества рубежа XIX-XX веков. Делается вывод, что данные стратегии, в обобщенном понимании, являются репрезентантами отношения областников к «инородческой» культуре и их культуртрегерской деятельности.

In this article, G.N. Potanin's circle of contacts is considered from the point of view of collecting and studying the folklore of Siberian nations on the basis of archival materials of Scientific Library of Tomsk State University. Enlightening strategies are analyzed, which adhere to the staff of the Russian Geographical Society of the turn of the XIX-XX centuries. It is concluded that these strategies, in the generalized sense, are representatives of the attitude of the Siberian patriots to the native culture and their Kulturtreger activities.

Ключевые слова: сибирское областничество, Н.И. Затопляев, К.Д. Логиновский, Н.Я. Никифоров, фольклор народов Сибири | Siberian patriotism, N.I. Zatoplyaev, K.D. Loginovsky, N. Ya. Nikiforov, Siberian native folklore.

Представители сибирского областничества, в ходе своей социально-культурной деятельности, выступали, помимо повышения территориальной самостоятельности Сибири и демократических свобод, также и за освобождение «инородцев» (термин рубежа XIX-XX вв. для обозначения представителей коренных народов Сибири и Дальнего Востока). Важно обозначить также, что формирование субэтнической культурной идентичности посредством развития словесной культуры региона являлось ключевым аспектом социальной деятельности областников.

Г.Н. Потанин, одна из бесспорно ключевых фигур движения, исходил из разработанной областниками идеи: развитие мировой культуры состоит в синтезе азиатских и европейских форм, посредническую же роль в этом процессе должна сыграть просвещенная Сибирь и ее народы. Особый интерес для текущего исследования представляет его фольклористическая и этнографическая деятельность, поскольку им был собран обширный корпус «инородческого» фольклора.

Материалом исследования служит его личный архив, включающий в себя как личные записи, фотоматериалы, черновики статей, так и большое количество материалов, присланных ему на рецензирование. Потанин был вдохновителем и редактором известных в России и на Западе изданий фольклора: «Верхоянский сборник» (1890), «Балаганский сборник» (1903), «Аносский сборник» (1915), «Очерки Северо-Западной Монголии» и другие. Здесь важно заметить, что несмотря на то, что мы говорим о сибирском фольклоре, ареал распространения текстов может выходить за пределы границ Сибири нашего времени, что обусловлено как политическими факторами, так и тем, что Потанин воспринимал Сибирь в первую очередь как генетическую общность, границы которой простирались вплоть до Северной Монголии. В фиксации, переводе и публикации фольклора и мифологии коренных народов Сибири Потанин видел залог сохранения инородческой культуры в ее многообразии и полноте.

Г.Н. Потанин вел активную переписку с культурными деятелями различных регионов Сибири. Среди его корреспондентов были как профессиональные этнографы и историки (например, Д.А. Клеменц и Н.М. Ядринцев), так и представители иных профессий, но также глубоко заинтересованные в сохранении и изучении инородческой культуры. Речь в данной статье пойдет о некоторых из них.

Все его корреспонденты являлись активными членами сибирских отделений Российского географического общества. Специфика деятельности организации в указанном регионе предполагала фокусировку на особенностях жизнедеятельности бурят-монгольского населения. Наряду с географическими исследованиями Внутренней Азии РГО активно занималось изучением этнографии населения этих регионов, особое место в этих штудиях

занимали монгольские народы, поскольку на тот период они были малоизучены. РГО разрабатывались отдельные программы по изучению этнографии. Во ВСОРГО, к примеру, также создавались специальные программы и инструкции для сбора этнографических материалов, автором которых выступал, в том числе, и Г.Н. Потанин. Все это говорит о том, что этнографии отводилось особое место в работе Отдела [1, с. 94]. Важно отметить, что для Восточно-Сибирского Отдела РГО была характерна важная особенность его этнографических исследований. Отдел поддерживал «постоянную научно-исследовательскую связь с туземным населением, главным образом, якутами, бурятами и тунгусами» [2; 6, с. 24], что было обусловлено близостью Отдела и территории Бурятии. Эта близость территорий позволяла совершать экспедиции и устанавливать связи, собирать богатый материал.

Н.И. Затопляев — священник и член Восточно-Сибирского отдела Российского географического общества. Активно печатался с 1890-х гг. в изданиях ВСОРГО [3, с. 1-9; 4, с. 116-142]. Будучи русским по национальности, активно изучал бурятский язык, занимаясь «переводом на бурятский язык книг священного писания, чтобы сделать их доступными для понимания бурят» и даже предпринимал попытки проповедовать на бурятском языке [5]. По роду своей деятельности он часто бывал среди кочевий, что позволило ему изучить бурятский язык и не только распространять христианство среди бурятского населения, но и иметь постоянный доступ к их материальной и духовной культуре.

В архиве Потанина сохранились рукописи его статей «Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири» и «Некоторые из онгонов почитаемые в Аларском ведомстве» [6], снабженные сопроводительным письмом, датированным 1903 г. с просьбой: «Есть постановление редакционной комиссии попросить Вашего отзыва...» [6, л. 3247]. Предположительным автором письма является этнограф-бурятовед И.А. Подгорбунский. Данные статьи выполнены на высоком научном уровне и содержат уникальный этнографический материал, предоставляющий интерес для исследователей Сибири по сей день. Статьи посвящены исследованию традиционных верований аларских бурят, в них приведены записанные у местного населения истории о шаманах и их роли в духовной жизни бурят (самым частотным сюжетом является защита

населения от злонамеренных духов), приведены тексты шаманских песнопений на русском и бурятском языках (ред.: И.А. Подгорбунский). Важно отметить, что материал, несмотря на род занятий Н.И. Затопляева, подан достаточно беспристрастно и выдает глубокий интерес и уважение автора к традиционной бурятской культуре, для которой в те времена и в том регионе было характерно т.н. «троеверие» (христианство-буддизм-шаманизм). Несмотря на то, что заметка «Зуруктан-онгон» была опубликована в 1890 г., статья «Некоторые из онгонов почитаемые в Аларском ведомстве» только готовилась к публикации и была опубликована в 1910 г., поэтому можно предполагать, что именно Г.Н. Потанин посодействовал данной публикации. Также Потаниным и Затопляевым планировался к выпуску «Аларский сборник», основанный на материалах, присланных Затопляевым, но план этот, к сожалению, воплотить не удалось [7, с. 190]. Отдельно хотелось бы рассмотреть легенду «Зуруктан-онгон», поскольку сопоставление показывает наибольшее количество различий между версиями опубликованной и «архивной», что дает исследователю определенный простор для рефлексии. В отличие от остальных легенд, представленных в архиве, она ранее была опубликована [4, с. 8], однако в архиве содержится список, достаточно сильно отличающийся от опубликованного текста.

История происхождения онгона одинаково передана в обеих версиях легенды (дети случайно убивают своего отца шамана — перед смертью он просит совершить жертвоприношение — дважды они этого не делают — дети сходят с ума). Однако в рукописи данный сюжет приведен с большим уровнем детализации, собирателем зафиксировано большее количество деталей и эпизодов прямой речи персонажей. Изменения также касаются и системы персонажей. В «архивной» версии текста у шамана 3 сына и у них по 9 сыновей, а в опубликованной — 9 сыновей. Убийство в «архивной» версии легенды совершают внуки, а в опубликованной — сами сыновья шамана. Рефлексия над выявленными изменениями наталкивает на предположение, что Н.И. Затопляев хотел опубликовать легенду еще раз, видимо, обнаружив более полную версию, имеющую хождение среди бурят, о чем говорит, в первую очередь, изменение в системе персонажей.

Перейдем далее к К.Д. Логиновскому, также присылавшему Г.Н. Потанину бурятские сказки, предания и легенды [8, л. 1774-1806]. Он являлся также этнографом и фольклористом, учителем начальной школы, сотрудником Приамурского отд. РГО [9, с. 77]. Основным предметом исследований К.Д. Логиновского являлись историко-этнографические проблемы забайкальского казачества¹, однако, помимо этого, он уделял внимание и «иностранческому» фольклору, изучая верования бурятского населения и других народностей Забайкалья. Г.Н. Потанин вел с ним активную переписку, в ходе которой К.Д. Логиновский присылал исследователю различные тексты, полезные в фольклористической работе Потанина: «Перевод Логиновского в Иркутскую губ[ернию] сомнителен. Он спрашивает, где Вас разыскать. Прислал 15 номеров сказочек небольших и легенд. Есть интересное» [10, с. 265].

В архиве Потанина были найдены 4 сказки, 5 сказаний и 6 легенд, присланные К.Д. Логиновским. Жанровая принадлежность данных текстов распределена Г.Н. Потаниным на основании, как можно предположить, сюжетно-мотивной организации текстов, как она понималась исследователем. К сказкам относятся тексты: «Где правда», «Харасхай и лисица» и два текста без названия. К сказаниям: «О ете», «О сохатом и верблюде», «О Чингис-хане», «О Хородае». К легендам, соответственно: «Почему собака стала мохната», «Отчего сосна стала зелена», «О хитром воре Балындынгене», «Об араке (водка из молока)», а также тексты под заголовками «Легендарные верования бурят о сохранении мира» и «Почему перестали избивать стариков у бурят» [8].

Хотелось бы здесь подробнее остановиться на одном произведении, заключающем в себе несколько смысловых пластов и сюжетных линий, что выявляет его высокий потенциал для исследования традиционного бурятского фольклора. Сказка «Отчего собака стала мохната» из корреспонденции К.Д. Логиновского [8,

¹ Им были опубликованы такие работы, как «Путевые наброски из поездки по караулам южных степей Забайкалья» («Приамурские ведомости». 1895. №№ 65, 66); «Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья» («Зап. Приамурск. отд. РГО». Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2); «О быте казаков Восточного Забайкалья» («Живая старина». СПб., 1902. Вып. 2).

Л. 1802] является интересным образцом синтеза антропоморфных и зооморфных мотивов, что реализовано за счет равноправного бытования в тексте двух сюжетов: об объяснении поведения собаки и о появлении зла в человеке. Также данный текст примечателен за счет смешения традиционной и христианской культур. Христианские мотивы косвенно указывают на происхождение этой легенды из региона, близкого к о. Байкал, так как именно в этом регионе сосредоточен основной христианский сегмент бурятского народа (чем дальше на восток, тем больше влияния буддизма и традиционных верований). Собиратель дает свой комментарий к тексту:

Эта легенда имеет тот интерес, что как бы поясняет народное воззрение на зарождение зла в человеке [8, л. 1802].

Сюжет произведения заключается в том, что Бог создал человека и «поставил собаку сторожить его, а сам ушел». В этот момент пришел дьявол и попытался подойти к человеку, однако собака его не пустила. Тогда дьявол наслал сильный холод, собака стала мерзнуть, и дьявол предложил ей: «подойди ко мне, я тебя оближу, и у тебя будет хорошая и теплая шуба». Собака соглашается и дьявол, получив доступ к человеку, плюет в него, что делает человека рябым. Бог, вернувшись, злится на собаку, прогоняя ее, а человека выворачивает наизнанку — поэтому человек снаружи чистый, а внутри рябой, испорченный дьяволом. Далее в сказку входит второй частотный сюжет о том, как собака стала жить с человеком — попытавшись прежде поселиться с различными животными (львом, волком, медведем), она просится назад к человеку. Схожий сюжет упоминал в письмах Г.Н. Потанину М.Н. Хангалов, в его редакции данная сказка опубликована в «Балаганском сборнике». С точки зрения мотивной организации сказку можно причислить к синтезирующим этологический и аллегорический аспект. Также примечательны реализованные в тексте религиозные мотивы, иллюстрирующие эклектичность и вариативность духовной жизни бурятского населения рубежа XIX-XX вв.

Далее хотелось бы обратиться к области алтайской эпической словесности. Корреспондентом, приславшим Г.Н. Потанину

данные материалы, являлся учитель и этнический алтаец Н.Я. Никифоров, они вместе с Г.Н. Потаниным занимались сбором и обработкой алтайского фольклора для «Аносского сборника». Никифоров записал и прислал Потанину более 10 эпических произведений своего народа, исполнявшиеся сказителем Чолтышем Куранаковым из с. Анос. Потанин писал об этой работе так:

Сказки г. Никифоровым записаны на татарском языке; для этого он уходил из Аноса в Аскат и проживал в юрте Чолтыша два, три дня, или же Чолтыш приходил в Анос и несколько дней жил в доме у Никифорова. Записав сказку, Н.Я. Никифоров переводил ее на русский язык. Он приходил ко мне (я жил в это время в Аносе) рано утром и оставался до позднего вечера; мы вдвоем и переводили; он передавал на русский язык смысл фразы, а я исправлял слог [11, с. 4].

Эти алтайские тексты не сохранились, но переводы, выполненные Никифоровым, вошли в «Аносский сборник», изданный в Записках Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Переписка Потанина и Никифорова иллюстративно отражает их совместную творческую и издательскую деятельность. Первое письмо написано в 1911 г. В нем говорится о том, что Николай Яковлевич посылает Потанину этнографические материалы, ранее заказанные Григорием Николаевичем. Предположительно речь здесь идет о текстах, которые А.Н. Седельников заказал Потанину для музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИР-ГО). В письме от 1916 г. Никифоров демонстрирует собранные им сказки на алтайском языке [12, с. 72]. Но, несмотря на их обширную эдиционную деятельность, в данной статье хотелось бы обратиться к материалам неопубликованным, но от этого не менее интересным. Речь идет об алтайских эпических поэмах «Кара-Кубек» [13] и «Темир-бий, имеющий коня железного цвета» [14]. Исследователями не было обнаружено какой-либо эдиционной истории данных текстов, поэтому представляется возможным полагать, что в архиве Потанина содержится их единственный список.

Важно отметить тот факт, что тексты существуют на двух языках: в архиве также хранятся их алтайские версии. Объем обеих

поэм стандартен для произведений подобного жанра — 15-20 тыс. строк. Сюжет также соответствует общим жанровым тенденциям. Действие поэмы «Темир-бий, имеющий коня железного цвета» происходит в пространстве мифопоэтического Алтая, сюжет заключается в следующем: у Темир-бия есть множество богатых владений и огромное войско, однако его сына похищают две змеи (самец и самка) и уносят в подземную пещеру, где они держат ранее украденных детей. При помощи дочерей друзей Темир-бия парень спасается сам и спасает других, проходя в «потустороннем мире» инициацию как воина и взрослого человека. Сюжет поэмы «Кара-кубек» сконцентрирован вокруг противостояния богатыря Кара-кубека и подземного бога Эрлика и путешествии богатыря по нижнему, среднему и верхнему мирам.

Подводя промежуточные выводы, стоит отметить, что найденные в архиве Потанина этнографические и фольклорные материалы являются прямым доказательством и яркой иллюстрацией активной просветительской политики, которой следовали сотрудники сибирских отделений РГО. Фольклорный материал, рассмотренный в данной статье, является иллюстративным примером научных стратегий сотрудников РГО рубежа XIX-XX веков. Данные стратегии, в обобщенном понимании, являются репрезентантами культуртрегерской деятельности областников, а также явно выражают их позицию относительно «иностранческой» культуры и фольклора Сибири.

Литература

1. *Арсеньева Л.Г.* Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по изучению истории монгольских народов (середина XIX-первая четверть XX вв.): дисс. канд. филол. наук. Бурятский гос. университет, Улан-Удэ, 2015.

2. *Казаринов П.К.* Три четверти века. (к юбилею Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества) // Сибирская Живая Старина. Иркутск, 1926.

3. *Затопляев Н.* Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири // Записки ВСОРГО по этнографии. Т. II. Вып. 2. С. 1-9.

4. *Затопляев Н.* Некоторые из онгонов почитаемые в Аларском ведомстве // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1910. Т. ХLI. С.116-142.
5. *Бараев В.* Христианство с раскосыми глазами. [Электронный ресурс] Проза.ру URL: <https://www.proza.ru/2013/11/28/109>.
6. НБ ТГУ, Архив Г.Н. Потанина. Дело № 54. Л. 3211-3247.
7. Письма Г.Н. Потанина. Т. 5 /Сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Н.Н. Яновский. Иркутск: Изд-во Иркут, ун-та. 1991.
8. НБ ТГУ Архив Г.Н. Потанина. Дело 2. Л. 1774-1806.
9. *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А., Литвинов А.В.* Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919-1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77-81.
10. *Потанин Г.Н.* Письма Г.Н. Потанина. Т. 4 / Отв. ред. Н.А. Логачев, Ю.П. Козлов. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990.
11. *Никифоров Н.Я. (сост.)* Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев. Горно-Алтайск: Ак чечек, 1995.
12. *Сизова Е.В.* Письма западносибирских корреспондентов Г.Н. Потанина в научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. №2 (14). С.71-76.
13. НБ ТГУ. Архив Г.Н. Потанина. Д. 20 В. Л. 2207-2326.
14. НБ ТГУ. Архив Г.Н. Потанина. Д. 20 Б. Л. 2148-2206.

Н.В. Хомук

**Роман Н.И. Греча «Поездка в Германию»:
диалог русской и немецкой культур в аспекте
бидермайера**

Аннотация: В статье рассматривается поэтика романа Н.И.Греча «Поездка в Германию» через призму бидермайера, для которого характерны поэтизация быта, усреднение разностилевых начал, особое внимание к житейским формам выражения идеального. Автор приходит к выводу, что обращение Н.И. Греча к нравоописанию петербургских немцев задействует бидермайер как тему, имманентную объекту описания, и в то же время многие элементы бидермайера активизируются в художественном дискурсе и поэтологической системе романа, что в целом соответствует тенденциям русской культуры 30-40 годов XIX века.

The article discusses the poetics of the N. Gretsч's novel "Trip to Germany" through the prism of Biedermeier, which is characterized by poetizing life, averaging the difference in origins, and special attention to everyday forms of the expression of the ideal. The author concludes that the appeal of N. Gretsч to the moral description of Petersburg Germans involves Biedermeier as a topic immanent to the object of description, and at the same time many elements of Biedermeier are activated in the artistic discourse and the poetical system of the novel, which generally corresponds to the trends of Russian culture of the 30-40s of the XIX century.

Ключевые слова: Н.И. Греч, бидермайер, Поездка в Германию, роман | N. Gretsч, Biedermeier, Trip to Germany, novel.

«**С**оставляя план моей повести, я вздумал коснуться струны, у нас еще нетронутой — нравов и обычаев петербургских немцев», [1, с. 4] — писал Н.И. Греч в предисловии к роману «Поездка в Германию» (1831). Авторская установка на нравоописание перерастает в отражение диалога русской и немецкой культур, который определяется влиянием бидермайера, как основным стилем немецкой культуры этих лет.

Бидермайер характеризует эпоху и как стиль культуры влияет на повествование. «Бидермайер (нем. *Biedermeier*) — стилевое направление в искусстве и литературе Западной Европы, получившее особое развитие в Австрии и Германии в 1815-1848 гг. Типологически в России после 1812 г. сложился эстетический комплекс, близкий к бидермайеру. Послевоенное время способствовало созданию условий для культивирования эстетики “простого и непритязательного” (прежде считаемого “низким”), ныне же выступившего носителем подлинных ценностей и решившего стойко оберегать их» [2, с. 17]. И хотя в письмах героя этого эпистолярного романа вводятся ретроспекции, относящиеся к периоду Отечественной войны 1812 года, но настоящее время событий романа — 1815-16 года.

Европа, потерпевшая крах своих амбиций, выразившихся в гибели революции, а затем в крушении Наполеона, успокоилась и была вынуждена довольствоваться скромным достатком. Бидермайер стал порождением вкуса обеспеченного мещанства, равно чуждого размаха неоклассицизма и мятежности романтиков. Его национальные границы определялись германскими народами, чья усредненность являет собой оппозицию латинской тяге к грандиозности» [3, с. 100].

Для бидермайера важны: мир домашней жизни, культивирование чувства порядка, умеренности, спокойный оптимизм, отказ от героики в пользу лиризма или мягкого юмора, граничащего с сентиментальностью и ироничностью» [4, с. 157].

Семья петербургских немцев Миллеров, изображенных в романе, соответствует бидермайеру, которому свойственны умеренность, укрощение страстей, простоватость, «консерватизм, баланс, уют, мечтательность и добродушие, семейственность и патриотизм, любовь к старине и тихая религиозность, интерес к деталям и теплый юмор» [5, с. 23]. Буквальный перевод понятия *Biedermann*: порядочный прямодушный человек. Такая характеристика в полной мере относится к старшему Миллеру. Это скромный бюргер, он довольствуется невинными радостями своего домашнего круга и честно выполняет обязанности учителя. А что касается русского чиновника Мстиславцева, то со стороны

«немецкого мира» Фризель, дядя Луизы, следующим образом характеризует главного героя романа:

Дмитрий Сергеевич человек — не знаю, как по-русски выразить — *rechtshaffen* (правдивый, честный, прямой).

Главный герой романа Мстиславцев, уехав в Германию по служебному заданию, воссоздает в письмах свое прошлое и мир дорогой ему семьи петербургских немцев Миллеров как мир ценностей бидермайера в другом пространстве, противопоставляет их все меняющему времени:

Я люблю носиться памятью во днях давно минувших, люблю воскресать в своем воображении людей, давно почивших сном непробудным, люблю питаться сими сладостно-горькими мечтами [1, с.26].

Бидермайер стремится найти черты идиллической привлекательности в мире маленького человека. Домашний уют, бытовые сценки используются в качестве объекта изображения. Драматичное состояние Мстиславцева определяет в его письмах точку зрения, с которой видятся идеальные картины. Тем самым они важны не только сами по себе, но в отношении к иному состоянию мира, что оттеняет их особую роль для внутренней опоры личности при диссонирующем соседстве истории¹. Воспоминания идеализируют домашний мир прошлого. В результате возникает усиление идиллического через точку зрения «со стороны», связанную с временной и пространственной границей из-за «дистанционной» сопричастности Я к этому идиллическому:

Помню наш дом, деревянный, зеленый, с садом; помню детскую, в которой более всего занимала меня балка, подпиравшая потолок, помню комнату, в которой сживала матушка, у окна, на приступе, в

¹ Луиза, возвращаясь под отчий кров, замечает: «В доме родителей моих особенно нравится мне необыкновенное постоянство, отсутствие всяких перемен. Как было прошлого, третьего года, так и теперь. Все мебели прежние, и все на тех же местах. Тот же порядок жизни, те же блюда на столе. И в этом есть какое-то благополучие: не желаешь чужаго, не ищешь лишняго, а благодаришь Бога за то, что есть» [1, с. 222].

креслах; под ногами у ней была скамеечка с вышитым по канве земным попугаем; перед нею стоял рабочий столик, с выдвижным ящичком; на столике ларчик, выложенный разноцветным деревом. Матушка ходила обыкновенно в цветном платье, в белом чепчике с голубою лентою, в башмаках на высоких каблуках. — Помню берега Днепра, Андреевский Собор, Лавру, пещеры [1, с. 24].

«Идеальный дом эпохи бидермейера — это семейный дом, в котором обыкновенный человек, не задумываясь о масштабных исторических событиях, строит свой маленький мир, который будет зависеть от него и в то же время оберегать его» [6, с. 82]. Дом определяет единство Я с окружающим пространством. «Дом из статичного, ограниченного пространства превращается в мечту, идиллию, “модель рая на земле”» [6, с. 81]. И после, спустя двадцать лет, Мстиславцев посещает дом своего детства:

<...> вышел, блаженствуя воспоминанием минувшего, проливая слезы о том, что было, и чего уже нет [1, с. 29].

Поездка в Германию определяет для героя необходимую дистанцию, чтобы писать, креативно воссоздавать и тем самым задавать идеальный флер. Рисуемое явление уже несет в себе пространственно-временную и ценностную границу, что делает его внутренне шире того внешнего континуума, к которому оно принадлежит. В доме Миллеров он видит похожий интерьер:

Это мне напомнило матушку, и уже заранее приготовило к ласковому приему [1, с. 83-84].

Перед нами сентиментальные воспоминания, обязательно подкрепленные вещественным антуражем. «Возникает гармоничное равновесие между человеком и предметным миром» <...> вещи «становятся источником эстетического удовольствия» [6, с. 83]. Тщательное изображение бытовых деталей в бидермайере предполагает комфортность, соединенную с поэтизацией вещей. «Средоточием малого и одновременно великого для бюргера оказывался вещный мир: будучи функциональным, предмет нес в себе отблеск божественной целесообразности и вместе с тем теп-

ло человечности» [7, с. 20]. Так, в стилистике бидермайера героем описывается интерьер немецкого почтмейстера:

Комната чистая, усыпанная песком, с ореховой панелью; в углу большая печь, темновишневая, изразцовая, на круглых каменных ножках. Далее — канапе простого дерева, обитое черною кожей, с закругленными ручками, с круглыми подушками. Перед ним столик, накрытый белой салфеткою; на столике закрытая Библия. Стулья с кожаными подушками и высокими сквозными задками. В углу стевные часы, с надписью: Johann Schmidt fee Berlin. 1744. На стене большое зеркало в резной дубовой рамке; под ним картинка, представляющая свидание Александра I с Королем и Королевою над гробницею Фридриха II. Еще ниже изображение Королевы (имени ее начертать не смею) на смертном одре. Подле зеркала шкаф стеклянный, с посудю. И все это уютно, просто, чисто [1, с. 21].

Обязательно в картине подчеркиваются детали уважения к государственной власти и национальной истории, эти детали расширяют границы «одомашненной» Истории как формы ценностно упорядоченной жизни. Вещи в бидермайере хранят тепло человеческой жизни; ностальгия способствует их поэтизации с точки зрения Я, а не их репрезентативности самих по себе. Как определял А.В. Михайлов этот бидермайерский порядок вещей: «Вещи сами по себе спокойны и заключают идею заботливости внутри себя, руководя человеком, чье существование вложено внутрь этого размельчено-многообразного упорядоченного мира. Между вещами и человеком нет смысловой грани; сама заботливость вписана в аккуратно прибранные одежды» [8, с. 697]. Любование мелочами, единство исходит из их компановки вокруг человека, как в свою очередь, внешней части общего. Это картина, объединяющая вещи и людей. Идеал обычного скромного непритязательного существования заключается в едином знаменателе, который несет опредмеченность вещей, людей и смыслов (единая поверхность внешнего, уравнивающая внешнее и внутреннее), когда каждое явление, равное себе, уже самим своим образом показывает. В бидермайере все «овнешнено» и все может быть показано. Воссоздается выразительная сама по себе картина, не требующая комментария:

Старик сидит подле фортепиана, и, уставив веселые глаза на Волгина, бьет такг пальцами по крышке. За ним стоит, склонясь ва спинку стула, верная его Бавкида, в темной кофточке и юбке, в белом переднике и нарядном чепчике с лиловою лентою. Левою рукою держит она за руку трехлетнего внука, который прислонился к коленям деда. По сю сторону фортепиана, сидят мои прозаические спутники. Их оставляю для четвертой стены комнаты, которая, на картинах, обыкновенно дописывается воображением [1, с. 21].

В такой живой картине соотносится динамика непосредственно происходящего и та опредмеченность смысла в вещах и деталях, которая сопротивляется изменчивости. Полнота вещественно запечатленного смысла останавливает картину и в этом делает ее сходной с «эмблемой».

Но вещественность важна для бидермайера не только как объект изображения, в своей успокоенности выражающая полноту запечатленности идеального в круге человеческого быта, но и как материал «заземления» и конкретизации духовных переживаний. Так, Мстиславцев в письме касается своей любви к дочери немца Миллера, Луизе:

Видишь ли, что я поправляюсь! видишь ли, как я благограумен — по вашему! Начинаю писать четвертую страницу, о еще не сбился на свой неподвижный пункт — на неподвижную звездочку, которая сияет мне с небесного свода, и без которой все это синее небо было бы для меня одним длинным гробовым покровом! Но нет! посреди дела и безделья, когда я читаю поэта или подорожную, когда слышу Моцартову мелодию или сытое храпение моего товарища — мысль о ней безостановочно тянется в душе моей. Не помню, где-то, кажется в Гете, читал я прекрасное уподобление этой непрерывной мысли о милом предмете: во всех снастях, канатах, веревках, изготовляемых для английского флота, тянется в самой их середине тоненькая красная шелковинка, по которой тотчас можно узнать вещи, принадлежащая казне. Любовь истинная, душевная подобна этой шелковинке: она тянется, неприметная, посреди тысячи других нитей с начала до конца жизни любящего. Несчастлив тот, кто лишен этой шелковинки: он не принадлежит высшему властелину, а есть собственность какого-нибудь торгаша [1, с. 12].

Гете оказывается в роли «подручного» для беседы, из него (гадательно) берется не поэтическая, а прозаическая метафора,

определяющая не яркое чувство романтика, а мысль, скрывающаяся в восприятии героем окружающего. Мысль о любви — шелковинка — не случайно задействует «казну». Это, однако, вещественно-ремесленная метафора определяет возвышение к Богу (вступающего в отрывке в сопоставительную связь с «торгашем»).

Вещественные формы опосредуют образ, который тем самым как бы прорастает в вещественность и прячет в ней свое духовное начало, выявляемое постепенно в плотном обрамлении материального мира. Например, сначала Мстиславцев увидел только портрет Луизы:

<...> миниатюрный портрет ее. Я увидел длинное, сухое, смуглое лицо, с рыжими волосами и карими, вздернутыми вверх глазами, с приторною на устах улыбкою. Она изображена была без теней, в древнем немецком костюме [1, с. 98-99].

Собранные телесные детали — это вещественная схема облика, в котором важна лишь сама принадлежность немецкому миру: древний немецкий костюм. Затем — письмо Луизы, в котором обязательно отмечена предметность, отражающая, по-видимому, натуру пишущей, — почерк. Завершает этот ряд иконических образов скульптурная фигура в Страсбурге (12 письмо), в которой Мстиславцев увидел черты Луизы. Бидермайерская установка выражается в последовательности эпизодов в этом письме: сначала Мстиславцев испытывает романтический аффект сакрализации земного образа — видение «гения чистой красоты» (Ср. сказанное им ниже: «нахожу в ней сходства с моим гением мучителем и утешителем!»).

Но затем трезво и по порядку объясняет, как они оказались в Страсбурге (по служебной надобности): «встретилось затруднение по расчету с Страсбургской Ратушею» [1, с. 153]. Когда они осматривают Страсбургский собор, Мстиславцев в альбоме путешественников оставил свою подпись «с парафом, изображающим букву L» [1, с. 153] — как литеру имени своей возлюбленной Луизы¹, а его приятель-сослуживец Волгин двинулся вверх

¹ Подобное «заклинание» судьбы вещественно-иконическим «текстом» произойдет и в 13-м письме (Франкфурт на Майне), когда Мстиславцев

на башню по внешней винтовой лестнице и был «заперт» наверху из-за того, что англичанин застрял своим грузным телом на этой винтовой лестнице. Когда приятели после отправились в лютеранскую церковь, именно Волгин обратил внимание Мстиславцева на скульптурную фигуру, в которой Мстиславцев видит Луизу и не может оторваться от этой фигуры, постоянно его к себе притягивающей.

В этой функции «уловления» фигура соответствует англичанину («несчастному годдему»). Волгин зовет Мстиславцева: «пора обедать», т.е. возвращаться «вниз», к житейским делам и потребностям жизни, а Мстиславцев оказывается «заперт», т.е. привязан к своему «видению». «Хозяин трактира привел ко мне искусного рисовальщика», с помощью которого и осуществляется перевод вещественно-сакрального образа в земную форму — как копирование копии, обосновываемое сугубо личным отношением реципиента, его личным видением. Если скульптура в церкви, отождествляемая с Луизой — сакрализация ее земного воспоминания и воображения, то рисунок с этой скульптуры — репрезентация самого этого личного отношения. В эпизоде мотив «обедать» сначала противопоставлен «видению», он прерывает высокое созерцание, но после, через несущего в себе эту коннотацию «трактирщика», нашедшего художника, этот мотив «житейского» уже действительно присоединяется, становится позитивным источником снятия «запертости» (как был освобожден до этого с «высоты» Волгин «при помощи сторожа» [1, с. 154].

В романе мотив еды (как выражение претензий житейского) присоединяется к «высоким» мотивам самым разнообразным образом¹. Это может быть явно юмористическое замечание о душевном состоянии:

при въезде в город обращает внимание на вывески, ища знакомую фамилию Миллеров, а затем по этой же причине обратит внимание на судебное дело Людвига Миллера, по ошибке заключенного в тюрьму, и, как обнаружится в финале романа, оказавшимся братом петербургского Миллера.

¹ К линии этого мотива присоединяется то, что немецкому купцу Кибитцу сказали, будто Мстиславцев служит по провиантской части.

<...> этот господин сегодня в каком-то важном пароксизме: выпил только пять чашек чаю, гораздо менее против обыкновения, и изволил скушать только четыре булочки. В нем что-то зреет [1, с. 39].

Из-за булок при отмечании лютерантской Масленицы возникает спор между Миллером и Мстиславцевым о возможности, из компромисса к немецкому гостеприимству, нарушить православный пост. Или сцена у гроба покойного дяди Марьи Ивановны Миллер на похоронах:

Неутешная вдова, бывшая кухарка, сидела в глубоком трауре на первом месте, и бессмысленно смотрела на гроб, как на потухший очаг. <...> Вдруг распахиваются обе половинки дверей, и церковные сторожа, в черных кафтанах, вносят на больших подносах шоколад, пунш и вино. Анна Ивановна кричит вслед за пуншевым подносом: «Матвей! прежде всех поднеси господину штادت-Физику!» Мужчины взяли по стакану пуншу; дамы начали прихлебывать шоколад и сладкое вино. Засим внесли подносы, наполненные конфетами в черных бумажках с белыми выпушками. И дамы и кавалеры, забыв недавнюю горечь, стали хватать конфеты горстями, и совать в большие ридикули и карманы. И у каждого из оглашенных членов фамилии явилось в руке по стакану пуншу — тут я догадался, что побуждает их так усердно воздавать честь покойному. Шумные разговоры и изредка хохот сменили господствовавшее дотоле безмолвие [1, с. 119-120];

<...>

Гроб поставили на выдвинутую из дрог доску, прикрепили к ней ремнями, вдвинули под низенький балдахин, как сковороду в печь, и дроги отправились на Волковское кладбище, в сопровождении десятка и более наемных четвероместных карет, везомых лошадиными скелетами [1, с. 121].

Барочная по своим истокам театральная репрезентация смерти здесь преломляется в бидермайерский масштаб наивно-жителейской непредвзятости. Шаржированность в этом отрывке не перевешивает юмористическое «самоуправство» бидермайерского индивида, в театральном-игровом ключе со всей серьезностью переустраивающего свое положение перед надличностными силами смерти (в их религиозном и бытийном ключе). Конфеты в «черных бумажках с белыми выпушками» в своей малости и смехотворности тем не менее являются ответом житейского человека

Смерти. Мифологические основы ритуала поминок неузнаваемо теряются в детски сластолюбивом жизнелюбии и суетности, за которой — своя упрямая правота, оттесняющая суровость и непреложность Смерти.

В бидермайере специфично соотношение изображенной реальности с культурой, что сдвигает образ из границ единого и меняющегося реального к границам остановившейся в полноте репрезентации смысла картины. Когда Мстиславский побывал в доме Миллеров, он испытывает такие впечатления:

Я пошел домой с каким-то сладостным чувством. Предо мною открылся новый мир, который я дотоле знал из Лафонтеновых романов и Ифландовых драм. Я думал, что этот мир вымышлен поэтами, а теперь увидел, что он существует в самом деле [1, с. 92].

Этот малый мир бидермайера, казалось бы, живет резонансами большой культуры. В нем поются песни, цитируются поэты (но поскольку миром присваивается их слово как собственная духовная сущность, то не важно крупный поэт или нет, — все они уравниваются по отношению к этому миру). Таковая реальность пронизана различными деталями культуры.

Мы все повторили хором последний стих. Затем последовало молчание, которое прервал младший из детей. «Ах, маменька» закричал он: «посмотрите, какая у меня большая тень!» — Миллер, улыбаясь, посмотрел на малютку, и сказал протяжно:

Wie der Schatten früh am Morgen,
Ist die Freundschaft mit dem Bösen:
Stund' auf Stunde nimmt er ab.
Aber Freundschaft mit dem Guten
Wachset wie der Abendschatten,
Bis des Lebens Sonne sinkt¹

¹ Примечание Н.И. Греча: «Дружество с злым человеком подобно утренней тени: она с каждым часом уменьшается, но дружество с человеком добрым возрастает подобно вечерней тени, доколе не закатится солнце жизни (Гердер)».

С последним словом он дружески меня обнял. Такое выражение искренней любви доброго, почтенного человека меня тронуло [1, с.193-194].

Цитирование становится девизом при эмблеме, в которую превращается эмпирический визуальный ее повод: тень мальчика при закатном пейзаже. Как остаток требуемой зашифрованности эмблемы внутреннее значение картины здесь углубляется надвигающимися событиями разлада дружбы героя с семьей Миллера, отдающего Луизу за «злого человека» Кибица, и одновременно включает перспективу непрерывности связи с «человеком добрым» для семьи Миллеров — уехавшим в Германию Мстиславцевым.

Исторический горизонт для малого мира бидермайера крайне узок; он опосредуется (подменяется) предметными знаками. Во многом такая подмена может относиться к разным сторонам поэтики и перекликаться с принципом барочной аппликации. Активизация знаков культуры может быть объяснена снятием для житейского мира бидермайера мифологичности (символичности)¹. Историческое может представлять через предметную «метонимию» (как картина моря на стене для героя бидермайера может заменять море)².

На «старое доброе прошлое» малого мира надвигается «тревожное настоящее» (см. первое письмо Луизы), но ориентация

¹ В бидермайере осуществляется метафизическое «опрощение» культуры, ее демифологизация. Как пишет Ф.П. Федоров: «Эра великой метафизики, великой устремленности в сверхреальное, в инобытие, если не завершена, то переживает свое последнее время. Европа устремлена к истории, к повседневности, к утилитарным ценностям, к наслаждению малым миром, семьей, домом; великие потрясения конца XVIII — начала XIX века рождают тоску по миру, по идиллии; титаны, герои — Фаусты, Манфреды, Наполеоны, одержимые тоской по прекрасному Крейслеры — уходят в прошлое; функцию демиургов обретают Иваны Петровичи Белкины; Гете подводит итоги метафизической эпохе во второй части «Фауста», но создает идиллический мир Филемона и Бавкиды...» [9, с. 248].

² Например, как отмечает Е.Р. Иванова: «Природа бидермейера — это пейзаж за окном, цветы на подоконнике, грядки возле дома и птица в клетке» [6, с. 83].

человека бидермайера в исторической эпохе предполагает «указатели», вещественные вспомогательные средства (дом, служба, близкий коллектив). «Но все гладкое, по-домашнему уютное, интимное и все приведенное к минимальности своей меры, что есть в искусстве той поры и что определяет лицо эпохи. — все это живет на вулкане и способно еще укрощать его; но его энергия несет и отрицание всего этого гладкого, домашнего и уютного и, главное, заключает в себе потребность и готовность страдать ради искупления провинности этой неоправданной жизненно-художественной гладкости» [8, с. 691]. Исподволь в идиллию бидермайера закрадывается «ощущение тревожности и шаткости жизни, порожденное несбывшимися мечтами социальных преобразований, атмосферой реакции и застоя» [10, с. 87].

Продуцирование текстов призвано показать устойчивость этого мира. Тексты эти двойственной природы, они — от какого—либо субъекта, но их озвучивает, ими живет сам мир бидермайера. Стихотворение Гете из «Вильгельма Мейстера»: «Кто не обливал слезами дневной своей пищи, кто плача, не проводил без сна мучительных ночей на одре своем, тот не знает вас, небесные силы!» [1, с. 248] прилагается к событию обеда у Кибица при помолвке Луизы с ним. Этот стих и возвышает, и дает боковой ракурс смысла бытовому событию и делает его крайне двойственным. Это касается и приводимых Фризелем анекдотов на каждый случай: они строятся на неподобающем подобии ситуации и анекдота как квазиисторического случая и чреватые юмористической «унификацией» (уравниванием) в бидермайерском духе.

Культурная аллюзионность призвана восполнить ущербность направленности этого мира на себя, его креативный дилетантизм, симулякры его креативности. Тексты насыщают и пронизывают этот малый мир, потому что он уже вне магистрали прежней риторической реальности (мифологической, символической и пр.), которая этой своей сущностью (отсвечиваемой от универсального) перевешивала Историю (за которой проступает релятивизм того, что есть перед лицом будущего).

— Вся Россия превратилась в армию. Увидите, как погонят французов!

— Париж, Париж! — бормотал Миллер с досадою.

— Ну полно сердиться, почтеннейший! Почему нам в этом общем горе и не помечтать? Ваш же Виланд говорит:

Ein Wahn, der mich beglückt,
Ist einer Wahrheit werth, die mich zu Boden drückt. .

— Правда! — отвечал он со слезами. — Ну, так и быть! выпьем за здравие покорителей Парижа! [1, с. 125].

В период Отечественной войны во время семейного ритуала рубки капусты в семье Миллеров Мстиславцев читает им «Светлану» В.А. Жуковского. В чем различие цитирования в романе немецкого текста немцем и русского текста русским? Немецкие стихи имеют вид комментария, «надписи», следуют логике картины жизни как эмблемы с приводимым девизом-надписью. А «Светлана» концентрированно передает национальное единство, идеал, т.е. текст занимает место духовного центра, на который ориентируется жизнь, через который она очищается и возвышается. Через этот акт осуществляется встреча малого мира бидермайера с большим национально-историческим миром.

Но у Греча всегда возможна ирония из несоответствия различных планов: бытового и культурно-исторического, хотя балладный жанр предполагает снятие границы между бытом и бытием. Иронично проецируются в сюжет романа аллюзии «возвращения мертвеца за своей возлюбленной». Важен и сам «перевод» немецкого поэтического текста Готфрида Бюргера в русское оригинальное произведение Жуковского.

Для бидермайера — равновесие и «усреднение» малого и большого центра. Малый мир свою сущность продляет до всеобщности, соуравновешивая тем самым с собой внешнее большое. Соотношение малого мира бидермайера с культурой, с обществом, с буржуазными отношениями, с индивидуализмом, лишает его ценностной статичности однородности. Полюса «низкого» примитивного и возвышенного идеального заключены во внутренней природе этого мира, и одновременно предстают внешним условием¹ для продуцирования возможной его цен-

¹ Подобно тому, как художественный образ барокко включает полюсы «ада» и «рая», низа и верха и как риторически внешние к разворачиванию его парадоксальной семантики и как внутренние для семантической «игры».

ностно-стилевой спектральности из соседства и следовательно житейского единства различных полюсов.

У Греча критерий реалистической достоверности, объективности, через личную точку зрения пристрастного повествователя уступает место преувеличению, ценностной акцентировке идиллии и анекдота. Эксплицируется идиллия и анекдот как жанровые субстраты в эпистолярном повествовании и как ценностные полюса для единого спектра тривиальной жизни, располагающейся между ними. Мстиславцев постоянно проговаривается о характере своих писем: стилевая авторефлексия «сцены грустные сменяются буфонством» [1, с. 37];

Что может быть на земле благороднее, могу сказать священнее — женщины добродетельной, любимой и любящей? — Прости! Негде писать, а то не кончил бы до завтра [1, с. 12-13];

<...>

Перечитывая написанные мною страницы, вижу, что я сделал удивительный скачок, от капусты к образованию женщины! [1, с. 144].

Парадигматическое единство противоположных по характеру сюжетов, идиллически-положительного и профанно-карикатурно, представляют собой Волгин с его любовной идиллией¹ (которая

¹ «В начале июня узнает он, что один наш почтенный земляк, которого он видал несколько раз в обществах в Петербурге, приехал с своим семейством во Франкфурт, на пути к теплым водам, и остановился в трактире Вейденгоф. Волгин немедленно бежит туда (это было после обеда), входит в указанную ему комнату, и видит, что приезжий, с женою и дочерью, девицею, сидит по-русски за самоваром. Этой картины отечественной бедный мой изгнанник давно не видал. Еще не поздоровавшись с приезжими, он вскричал: “Боже мой! неужели я в России, между своими?” заплакал и бросился обнимать людей, ему почти вовсе неизвестных. Это движение сблизило их. Приезжие в ту же минуту узнали и полюбили Волгина. Он просидел у них до глубокой ночи, беседа по-русски о России, как в родном семействе. На другой день явился он к ним поутру, водил и возил по Франкфурту, показывал все достопамятности исторического города, и снабдил маршрутом и инструкциею для поездки в Эмс, куда они собирались, обещая им вскоре туда приехать. Они отправились дня чрез три, и он полетел вслед за ними, не зная что так сильно влечет его туда. В Эмсе старики пользовались ваннами, а Волгин был собеседником девицы, сопутником ее на прогулках; вскоре узнал ее, нашел в ней то, чего давно искала

отчасти соответствует характеру отношений Мстиславцева с Луизой и ее родителями) и анекдотическая история чиновника Иванова: «...познакомился я здесь, в Берлине, в одном знатном доме, у графини Бернар, и успел внушить нежные чувства ее племяннице, Эмилии фон — как бишь! — ну все равно» [1, с. 40], которая соответствует анекдотичной матримониальной «попытке» свести Мстиславцева с «сироткой» Аннет, воспитанницей знатной графини (письмо 7-ое). Причем эти эпизоды близко соседствуют: письмо 6 — в Германии дурачат Иванова с графиней; а следом в 7 письме — эпизод «матримонального» сюжета Мстиславцева с Аннет.

Проводится в повествовании единство профанных и «личностных» персонажей в их стремлении перевести мир в знание и тем самым освоить его для жизни. Слуга Афанасий при въезде в Пруссию недоумевает:

«Помилуйте, что это за Пруссия! Здесь трава такая же зеленая, как в России, а в Пруссии она должна быть красная!»— «Что за вздор!» сказал я: «с чего ты взял эту глупость?» — «Да с вашей карты, Дмитрий Сергеевич, которую вы так часто и пристально рассматривали пред отъездом. Курьер департаментский, Васильев, — он человек грамотный и ездил при покойном Императоре за границу, — растолковал мне, что зеленая земля Россия, а красная Пруссия — вот я и жду: где же Пруссия? — все зелено, как у нас!» — Я невольно расхохотался [1, с. 6].

<...>

Соскучась сидеть в экипажах, мы все вышли и отправились пешком. «Вот, господа» — сказал нам грамотный почтальон, указывая на оставленный дом на песчаном пригорке: знаменитое место. Здесь господин Фон-Коцебу, принужденный остановиться за усталостью лошадей, написал прекрасную песню:

Es kann ja nicht immer so bleiben

душа его: нежное сердце, тихий нрав, ум необыкновенный, редкую образованность. Пламенная, нежнейшая любовь вспыхнула в его сердце, чистом и непорочном. Он увидел, что и девица к нему равнодушна; они открылись друг другу во взаимной любви, и он на ней посватался. Родители ее уже любили его, как сына, и после нескольких пустых, но необходимых в таком случае возражений, обручили юных счастливых» [1, с. 206-207].

flier unter dem wechselnden Mond!¹.

«Счастлирое предзнаменование!» сказал Волгин: «и дорога наша не всегда будете такою скучною. Поищем-те, между тем янтарю; авось либо найдем на память». Мы рылись, рылись в песке, и на всей дороге не нашли ничего. Иванов выкопал какой-то ком грязи, и утверждал, что это янтарь в коре. Репейков, по обычаю, рассердился, и чуть было не приколотил его [1, с. 9].

Знание и материальная непосредственность жизни объединяются через единый коррелят, каковым становится средний человек, обретающийся в спектре множества различных своих образных вариантов. Для подобного усреднения соплагаются разные формы человеческого изъяснения («высокие» и «низкие»). Эта разность складывается в единство, в житейское соответствие самому обывателю начал жизни, которые прежде считались «надличностными».

И тогда тема «писания» главного героя резонирует в писании комического персонажа — Иванова:

Впрочем, как в природе нет такого животного, которое не приносило бы какой-нибудь пользы, так и Иванов имеет свое достоинство: он отличный каллиграф, и очень искусно и красиво не пишет, а малюет буквы. Особенно великолепно умеет он размазать слово: Отчет. К тому присовокупляется еще необыкновенная и неоцененная в писце добродетель: он вовсе не понимает того, что пишет. Не раз случалось ему переписывать в департаменте, по просьбе товарищей, довольно ясные эпиграммы на самого себя. Перепишет и носит с самодовольством по всем отделениям и столам, приговаривая: «Каково написано? а? Да! Иванов простак, человек лишний в министерстве [1, с. 11-12].

К служебной функции письма (Мстиславцев — чиновник, имеющий дело со служебными бумагами; они участвуют в ряде сюжетных ситуаций романа) и к эпистолярному повествованию в виде писем Мстиславцева и Луизы — своеобразным интегралом противоположностей становится эпиграф с акцентировкой чисто

¹ В примечании: «Не всегда останется понынешнему здесь, под изменяющею луною».

житейского вещественного фактора: «Ах, сколько я в мой век бумаги исписал. Дмитриев».

Письмо как промежуточный акт к реальности и к идеалу устанавливает внутреннее равновесие противоположностей (чувства и разума, своего и чужого — во всем времени, пространстве, быте и пр.). Эпистолярный дискурс нанизывает разные темы и аспекты, которые «добавочны» к личности, но не усложняют ее. Она — форма их интеграции.

Немецкая культура как объект изображения способствует введению литературных аллюзий. Луиза Миллер прозрачно ориентирует на шиллеровский контекст, хотя любовь героев сталкивается не с «коварством» власти, а с желанием отца видеть свою дочь замужем за богатым немцем. Жанр эпистолярного романа, используемый Гречем, также ориентирован на немецкий претекст — «Страдания юного Вертера», которые обсуждаются героями «Поездки в Германию». Но главная бидермайерская установка, проводимая через «любовные страдания» Мстиславцева — смирение страстей. Ведь для бидермайера важен «вместо движимой бурными страстями личности — человек, жизнь которого, как и жизнь природы, подчиняется единому закону «справедливости и добрых нравов» [10, с. 87]. Внешние конвенции смягчаются через этический комплекс «Я»:

Как же мы, люди смертные, слабые, слепые, дерзнем сказать, что мы справедливы? Мы можем только хотеть быть справедливыми, и это хотение смягчить любовью, кротостью, снисхождением» [1, с. 23-24].

И для такого героя формирующими началами становятся: «внимание к малому во всем <...> скромность требований, самоограничение, покорность судьбе, соблюдение во всем середины и меры, укрощение страстей, стремление сгладить противоречия, морализаторство и умиротворенность» [10, с. 87].

Какова сюжетная тенденция писем Мстиславцева (от 1-го к 14-му)? Вначале опустошение, резиньяции (внешне фабульно они объясняются любовным страданием, но сущностно касаются более широкого контекста), что ведет к пассивному (внешнему)

примиренному соседству с ограниченной бытовой и общественной средой.

У меня два рода утешения: утешение земное—когда слушаю своих сопутников, когда гляжу, как они едят, спят; когда Иванов поправляет владимирскую ленточку в петлице, а Афанасий снимает с себя форменную фуражку, и осмотрев, надевает ее, как Наполеон чужую корону. Мне кажется в эти минуты, что я профессор зоологии, и в каком-нибудь зверинце наблюдаю свойства, склонности и привычки разнообразных обезьян. Но это утешение скоро проходит, и я опять погружаюсь в тоскливую дремоту; вижу пред собою какое-то беспредельное, пустое пространство, в котором клубятся мрачные вихри, в котором нет выхода, нет отрады; сердце мое стесняется, и вдруг в этом мраке зардеет искорка, больше, светлее, еще больше, еще светлее, и ангельское лицо с милою улыбкою меня приветствует. Я останавливаю на нем взоры, и вот оно облекается прозрачным покровом, его придерживают беленькие ручки; вот и локотки явились, вот и плечи, вот бюст ее—вот и вся она— вот летит навстречу — и я умираю в восторге!

Глупое дело любовь! скажешь ты. Глупое дело — жизнь! отвечаю я.

Любовь к существу, для нас созданному, к существу, которое должно возвысить, облагородить, сделать достойным бессмертия бытие наше, есть высшее наслаждение, какого человек может искать и желать в сем мире. Не всяк создан для этого ощущения; но кто для него создан— тот во сто крат счастливее, блаженнее своих собратий — ибо и страдания любви несчастной, безнадежной несказанно благороднее страданий, рождаемых другими лишениями. Но последствия любви — возразишь ты — она проходит....

Постой, прекратим разговор. Почтальон затрубил: мы приближаемся к Ниммерзату. Иванов зашевелился, и не раскрывая глаз, разинул рот, как голодный вороненок. Его сердце, желудок— видно забилося вожделением. Счастливец! хлеб, колбасы и штофикъ выглядывают из-за окошка в почтовой ресторации» [1, с. 7-8].

Стилевой прием Греча: он на малом повествовательном пространстве (на одной странице первого письма) создает перебивку регистров. Сначала: «У меня два рода утешений»: т.е. наблюдать низменные животные повадки спутников; затем — «В тоскливой дремоте» ... «и вдруг в этом мраке зардеет искорка, больше, светлее, еще больше, еще светлее, и ангельское лицо с милою улыбкою меня приветствует» — т.е. противопоставление этому

идеального образа возлюбленной в воображении. Следом резко в диалоге: «Глупое дело — любовь! — скажешь ты. Глупое дело — жизнь! Отвечаю я» и в этой связке объединяются два «утешения», что создает скептически-элегическую дистанцию, затем — рациональное: любовь придает смысл страданиям и пр. Этот вывод как-бы повисает в своей риторике сам по себе. Но обрывается рассуждение прозаически «Постой...». Последнее слово остается за житейской существенностью этой жизни. Толерантность по отношению к «низкому» примитивному, при такой с ним совместности, никакого конфликта не вызывает. Любовная драма получает связь со спектральностью ценностно-событийного и стилевого развертывания текста пространства «поедки» и «воспоминаний» и тем самым банальная любовная история должна получить другое измерение в ходе простого или парадигматического соположения различных событийно-ценностных вариантов перипетий жизни при едином среднем качестве ее потока (без каких-либо крайностей).

Нужно подчеркнуть, что герой и героиня «наполовину» принадлежат немецкому миру: он — полукровка, а она — была отдана на воспитание в богатую русскую семью. Сначала в письмах 3 и 4 главная тема — идиллия службы и дома¹. Ностальгическому усилению способствует граница прошлого и настоящего. Все внешние немецкие впечатления связаны с воспоминаниями. В письмах 6 и 7 превалирует комическое начало. Герой в роли «простака» переживает матримониальный казус (в событиях используется мотив театра и зеркала как коррелятов обманчивой видимости).

Поездка Мстиславцева в Германию диктуется требованиями государственной службы, но, с другой стороны, служба — необходимая равноденствующая константа исторического, личного, культурного начал. В круг идиллии входят отеческие семейные отношения начальников к подчиненным. Тема служебных отно-

¹ Идиллия создает своеобразную раму для мира Германии в романе Греча: картина награждения почтмейстера в 3 письме, написанном в Фридеберге и 14 письмо из Эмса (идиллия Волгина — его устроившийся в Германии брак).

шений становится важной для сюжета. Служебные отношения, когда Мстиславцев как непосредственный начальник брата Луизы настоял на его награждении, способствуют дружески-домашнему сближению героя с семьей Миллеров. В дальнейшем, благодаря своей служебной деятельности в Германии, Мстиславцев спас брата своего будущего тестя.

В Германии он описывает русских чиновников, а в России — диаспору петербургских немцев. Пространство оттеняет «свое» почти у каждого персонажа, усиленное в чертах оригинальности, экстравагантности, шаржированности. Положительные оценки вызывает или сфера частной жизни, следующая правилам, или сфера службы. Но буржуа, т.е. предприниматель, ставящий свои интересы выше и тем самым нарушающий подчиненность общему порядку, вызывает явно негативную реакцию. Например, во Франкфурте:

Другая несносная каста здешних жителей — богатые купцы и банкиры. Я зол вообще на этот сорт немцев, и не без причины, а здесь были бы они мне несносны, если б я даже любил им подобных. Я обедал у одного такого ходячаго сундука. Скука, натяжка смертная! Здесь выведена, в теплом жидовском гнезде, стая известных в мире банкиров [1, с. 113].

Негативной оценки подвергается в бидермайере персонаж, активность которого ведет к дисбалансу мира.

Значение шаржированности в бидермайере двойственно: с одной стороны, она — производное сатирической установки (или способна таковой стать); а с другой, — предполагает контекст «чуждества», странности, разнообразящей усредненно-унифицированный мир; и если к первому относится «чуждое», то ко второму — «свое» (когда профанный тип — часть общей жизни в ее разнообразии). Но при этом, как ни странно, таковая карикатурность у Греча в одинаковой мере нетождественна целиком ни первому (сатира), ни второму (чуждество).

Характеристика немецкого мира проводится в сравнении с русским (нравы, быт, порядки, национальный характер, отношение к службе, патриотизм, религиозность и пр.), но, с другой стороны, охвачена общим знаменателем обыкновенности житейского по-

рядка. Но часто немецко-типовое опрощено через травестию, анекдот (похороны, записки о компенсации за постой военных). А баланс карикатурного со стороны образов русских — лишь чиновник Иванов и провинциальные родственники Мстиславцева из Воронежа (но они не следуют порядку, а нарушают его), а у немцев же комичность коллективно-типовая.

В письмах 8 и 9 семья Миллеров «приватизирует» и соединяет в себе все прежде намеченные линии (что делает этот мир «двойственным») и одновременно обытовляет их. В укладе Миллеров странным образом соотносятся нравы и общественная система, история, смерть, религия, служба и дом; идиллия и анекдот; простота и экстравагантность, бюргерская примитивность и нравственное достоинство, консерватизм патриархальности и ограниченность. Это дает толчок к расширению контекста: вокруг семьи наращивается «кунсткамера» немецких типов (немецкий круг). Автор писем даже претендует на обобщение национальных типов.

В 9 письме речь уже идет о Германии, на которую Мстиславский смотрит с точки зрения человека системы, испытывая превосходство русского. И сюжет немцев в Германии (песенку печальную исполнить за плату во время похорон с колокольни) перекликается с сюжетом немцев в Петербурге (несуразный похоронный «фуршет» у гроба с покойником). В этих сюжетах «о странностях» общее то, что житейское в своих претензиях спорит с ценностно «вышестоящим», гротескно контаминирует с ним (государство, религия, величие смерти), отсюда — шарж, бытовой казус, снижение, которое сопровождается травестирующим мотивом «еды». В отличие от узко-обывательского выражения бидермайера в теме немцев автор следует консервативной концепции отношений семьи и государства, возвышающихся идеей национального единства, что должно урезонить так или иначе выбивающуюся из этих границ личность.

Мир семьи Миллеров заряжается двойственностью между плюсом личностно-культурным интенсивным и прагматичным буржуазным, что в силу простоты этих бюргеров оборачивается их беззащитностью перед влиянием последнего (в лице Кибица с его богатством).

Находясь в границах большого мира с его угрожающей исторической неподвластностью, анонимностью центра его организации, малый мир бидермайера продуцирует то, что поддерживает его суверенность. Связь с Абсолютом (домашняя религия, морально-религиозный стоицизм в малых, не героических дозах резиньяции, и нетрагической жертвы, потому что она соединяет отъединяющегося в его страданиях с требованиями общего).

И вот на следующем этапе в письмах Мстиславцева появляется Луиза, которая прежде в его переписке умалчивалась как олицетворение чувств героя. В этом сказывалось важное для героя разделение внутреннего «своего» и внешнего.

В связи с возникновением (неосознанно для героя) любви важны ее бидермайерские грани. Она сопровождается необходимой рассудительностью и даже дидактизмом в духе XVIII века. Но также в таком типе любви проявляются черты рококо с его театрально-вещественным «жестом», опосредующим чувство как интимную «шалость». Для такой рокальности характерен эпизод «рубки капусты»: Мстиславцев присоединяется к женщинам, изъявляя готовность по ходу обучиться этому занятию, но отвлекается любованием ручками Луизы, за которыми (в сравнении) следуют руки других женщин:

Я стал приглядываться, но, по какому-то странному влечению, приглядывался все к ручкам Луизы. «Что за пальчики!», думал я: «нежненькие, беленькие; кончики их покраснели от действия капусты; ноготки как точеные, и ямочки на каждом суставчике. Что подумают, когда увидят, что я разглядываю одну ее! Посмотрю и на других. Вот увесистые, жилистые лапы чувствительной Матильды: пальцы толстые, короткие, как гречневика; на каждой руке по одному уродливому ногтю. Вот и длинные когти ее соседки, сущие грабли. — А у Луизы! И эта нежная рука приговорена крошить капусту!» — «Ай! ай! что это?» закричала Марья Ивановна: «вы обризли себе палец, Дмитрий Сергеевич!» В самом деле я до того загляделся на пальчики Луизы, что не видал и не чувствовал, как ранил себя в палец левой руки. «Луиза! принеси поскорей английского пластыря и тряпочку!» — сказала Марья Ивановна. Матрена Христиановна, не поднимая, против обыкновения, глаз с своего кочня, проворчала: «Вот что значит глядеть не туда, куда надобно!». Луиза принесла все хирургические аппараты, взяла мою руку в свои, приложила к неважной ране моей обрезок английской тафты, обвязала батистовую тряпочкою, и сверх того чер-

ною тафтою. — По окончании перевязки, поцеловал я ей руку, а она, по нашему, по-русски, поцеловала меня в щеку. Все это происходило чинно, тихо, как должно» [1, с. 139].

В этот эпизод входит все из рокального набора бидермайера. За фривольность созерцания с целомудренным налетом эротизма, опосредованного уменьшительно-ласкательной анатомизацией ручек, следует щадяще-игровое наказание, не замеченное «кавалером», но привлекающее к нему ласкательно-внимательное попечение его «дамы», выраженное в декоруме «тафты английской», «батистовой тряпочки» и «тафты черной» как средств и «спасения» и «украшения», за которым следует театральноритуально двойственный поцелуй.

Луиза — идеальный вариант нераздельного единства отдельного и всеобщего. При развитости в ней личностного начала, что определяет ее соответствие герою, императивным для нее становится культ семьи (самосознание своих немецких истоков) и патриотизм (волнение за судьбу России). Но таковая гармонизация личности с ее бидермайерским кругом проверяется в следующих письмах через способность смирить в себе личностное и через преодоление семьей механистичности внешних установок. Начинается разрушение патриархально-идиллической замкнутости из-за двойственности бидермайерского мира семьи Миллеров.

Общая для 12 и 13 писем тема «праздника» раздваивается на ложный вариант — бал у Кибитца (12 письмо) и бидермаерско-семейное празднование в узком кругу близких друзей именин матушки Луизы на Елагином острове (13 письмо). В 13-ом письме помолвка Луизы с Кибитцем разрушит любовные надежды Мстиславцева и он будет искать забвения, удалясь по службе в Германию.

Далее в качестве эпистолярного нарратора выступает Луиза (ее короткие письма обращены к уже известным читателю событиям, раскрываемым бегло через внутреннее отношение героини, что переносит внимание с них на нее самое).

Для немецкого круга своей семьи экспатриант¹ Луиза изначально подхватывает то, к чему в своих письмах приходит Мстиславцев. Человек, выражая «свое», выражает всеобщее, «свое» чувство превращается в «братское» чувство, — семейной любви, любви к отечеству (патриотизм), «братское» уважение к Мстиславцеву. Даже хождение Луизы на рынок превращается в эксперимент религиозного доверия (торговец божится — и она ему верит).

Луиза открывает добродетели в Мстиславцеве (именно через его отношение к незначительному «другому», а не к самой Луизе: эпизод с бедной вдовой-швеей, которой он помог с пособием и этим убедил Луизу «сердцем» в споре о мужском эгоизме). В этом добром поступке помощи Мстиславцева вдове проявилось единство патриархально-бытового, официально-служебного и религиозно-этического, и это единство предстает через Луизу уже в ином, более «высшем» гармоничном единстве. Уже в ее эпистолярной нет явных анекдотов и явных идиллий (как прежде у Мстиславцева оценочной маркировки континуума). Личность — организующий центр ценностных начал при ее полной им самоотдаче (растворении в них). И проверка такого положения Я — помолвка Луизы с Кибицем:

Мне чудилось, что приговорена к смерти [1, с. 245].

В самопожертвовании героини по-бидермаерски соединяются высокая идея любви и спасения родительского уклада и тривиальный мотив денег. Но все разрешилось само собой без решительных противодействий со стороны личности, без конфликта «Я» с семьей или преступления семьей собственных принципов.

Вернувшись к Миллерам Мстиславцеву мать Луизы проговаривает случившееся, расставляя бидермайерские акценты:

¹ Архетип «блудного сына/дочери» объединяет линию Мстиславцева и Луизы и даже способствует «наложению» этих линий: 1) одна продолжает другую; 2) параллелизм; 3) наложение (к выявлению нового сверхличностного качества конфигуративного типа).

Бог послал на всех нас испытание, чтоб мы в горести и страдании увидели, как искренно любим друг друга, каким образом можем быть счастливы. Я видела, Дмитрий Сергеевич, как нежно и великодушно вы пожертвовали своею склонностью, когда могли думать, что это нужно для нашего счастья [1, с. 268].

Три последних письма Мстиславцева (15, 16, и 17) представляют собой описание возвращения на родину. Он выражает просветленное отношение к умершим тетеньке и дяденьке (прежде шаржированным в сцене посещения ими столичного театра) и после смерти оставившим племяннику немаленькое наследство. К тому же героя-чиновника наградили, вручив за службу «чин и три ордена, в том числе два иностранных» [1, с. 258]. Все это значимые для бидермайера материальные дивиденды будущего супружеского счастья.

Поездка Мстиславцева в Германию несет в себе сюжетобразующий мотив сказки: выход в «другой мир» и обретение счастья через добывание каких-то вещей («добывание» смиренной души и обретение себя в предметности мира). Финал «ведет героя... из большого, но чужого мира случайностей к маленькому, но обеспеченному и прочному родному миру семьи, где нет ничего чужого, случайного, непонятного» [11, с.165].

Какое отношение имеет бидермайер как почва диалога русской и немецкой культур в романе «Поездка в Германию»? Прежде всего, бидермайер — исходящее от немцев культурное влияние. Но бидермайер является коррелятом этой эпохи. По замечанию Р. Мутера, «в искусстве отражается не столько национальность, сколько эпоха... Везде поэтому существовали художники *Biedermeierzeit*» [2, с. 17]. И тогда, выражая общий характер эпохи, бидермайер служит интегралом соотношения этих культур в романе. Роман Н.И. Греча «Поездка в Германию» — редкий пример диалога немецкого бидермайера с отдельными самостоятельными тенденциями этого стиля в русской литературе XIX века.

Литература

1. Греч Н.И. Поездка в Германию. Роман в письмах // Сочинения Николая Греча Т.2 СПб. 1855. — 496 с.

2. *Вершинина Н.В.* Бидермайер // Литературоведческие термины: материалы к словарю. Вып. 2. Коломна: КПИ 1999. С.17-18.
3. Romantik. Klassizismus. Biedermeier. О выставке в венском Бельведере-1997. Автор статьи не указан // Пинакотека. № 4. М., 1998.
4. Мировая художественная культура. XIX век. Изобразительное искусство, музыка, театр. СПб. 2007. Т.3.
5. *Виницкий И.Ю.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 328с.
6. *Иванова Е.Р.* Литература немецкого бидермейера. Учебное пособие. М.: Изд-во «Флинта», 2017. — 140с.
7. *Сидорова Т.В.* Бидермайер и русская живопись первой половины XIX века. Дисс. ...канд. искусствоведения. М., 2011. — 194с.
8. *Михайлов А.В.* Искусство и истина поэтического в австрийской культуре середины XIX века // Михайлов А.В. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 683-715.
9. *Федоров Ф.П.* Романтизм и бидермайер // Russian Literature. Amsterdam. 1995. V.38 p. 241-258.
10. *Юрченко Т.Г.* Бидермайер // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак» 2001. С.87-89.
11. *Бахтин М.М.* Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.

И.А. Бедарева

**Алтай как Беловодье в творчестве
Г.Д. Гребенщикова и Г.И. Чорос-Гуркина¹**

Аннотация: Статья подготовлена в рамках изучения алтайского текста русской литературы и посвящена исследованию образа Алтая в книге Г.Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» и в эссе Г.И. Чорос-Гуркина. В статье рассмотрены сходные образы, мифологемы, настроения в творчестве данных писателей, а также выяснено, что Алтай в их художественном мире ассоциируется с Беловодьем.

The article is prepared as part of the study of the Altaian text of Russian literature and is devoted to the study of the image of Altai in G.D. Grebenschikov's book "My Siberia" and in G.I. Choros-Gurkin's essay. The article considers similar images, myths, mood in the works of these writers, and found that the Altai in the artistic world was associated to Belovode.

Ключевые слова: алтайский текст, мифологема, Алтай, Рай, Беловодье | Altai text, mythologeme, Altai, Paradise, Belovodie.

В последнее десятилетие отмечается очень активный исследовательский интерес к локальным литературным сверхтекстам. В исследованиях Е.Ш. Галимовой подчеркивается появление достаточно содержательных работ, посвященных «Сибирскому тексту русской литературы и Алтайскому тексту как его отдельной составляющей» [1, с. 122].

Следует подчеркнуть огромную роль в изучении алтайского текста коллектива ученых кафедры русской и зарубежной литературы Алтайского государственного университета, первыми ощутивших необходимость серьезного изучения феномена региональной культуры. С 2002 по 2015 годы вышло уже шесть сборников статей под названием «Алтайский текст в русской культу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай в рамках научного проекта № 18-412-040005.

ре», посвященных проблемам алтайского текста как важной неотъемлемой части национальной литературы и культуры. Особое место во всех сборниках занимают статьи, посвященные творчеству Г.Д. Гребенщикова, что справедливо оправдано словами Т.Г. Черняевой, прозвучавшими в первом выпуске «Алтайского текста в русской культуре»: «Творческая биография Г.Д. Гребенщикова сибирского периода до сих пор не написана, не осмыслено его место как в региональной литературе, так и в общенациональном литературном процессе» [2, с. 36]. Данная проблема оказалась практически решена благодаря всестороннему изучению творчества Г.Д. Гребенщикова рядом ученых, среди которых особое место занимают работы К.В. Анисимова, Т.И. Закаблукковой, А.П. Казаркина, О.Г. Левашовой, Т.В. Левиной, В.П. Проходовой, О.С. Сироты, Н.В. Халиной, С.С. Царегородцевой, Т.Г. Черняевой.

Задачей данной статьи является рассмотрение образа Алтая в творчестве Г.Д. Гребенщикова и Г.И. Чорос-Гуркина.

На наш взгляд, данный образ наиболее полно раскрыт Г.Д. Гребенщиковым в книге «Моя Сибирь», появившейся в печати в 2002 году. Это труд всей жизни Гребенщикова, итоги раздумий о малой родине, о земле Алтая, где прошли детство и юность писателя. По словам Д.С. Калмыковой, его «книга «Моя Сибирь» — один из первых шагов на пути обретения нами Георгия Дмитриевича Гребенщикова» [3, с. 9]. Сибирь произрастает у него из сурового Алтая. Книга создавалась почти 30 лет (сер. 20-х — 50-е). Автор дает обширный экскурс в историю Сибири, приводит этнографические и экономические сведения, сравнивает прошлое и настоящее. Сухость стиля изложения первой части резко контрастирует с последними главами, посвященными Алтаю, где писатель воспекает красоты горной страны, уделяя особое внимание Катуню и Белухе.

Толчком к написанию книги было совместное путешествие по Алтаю Г.Д. Гребенщикова и Н.К. Рериха, в котором последний и предложил написать небольшую книжечку об Алтае под названием «Алтай — жемчужина Сибири». Именно эта книга стала позже одной из ключевых глав «Моей Сибири». Изучая вместе с Н.К. Рерихом древнюю историю отдельных народов, Гребенщиков был убежден в том, что Алтай — это «колыбель мира», «ко-

тел народов» в котором созревала молодая культура. Именно поэтому каждое слово об Алтае написано с теплотой, любовью и восхищением.

Не случайно первым знаком Алтая являются снежные вершины гор, символизирующие вершины духа культуры. Для Г.Д. Гребенщикова Алтай является символом начала мира. Содержание разделов пятой части («Алтай — моя родина») посвящено первоначалам мира.

Ключевой в логике произведения является последняя часть книги «Хан-Алтай», где в форме алтайской легенды писатель передает свое «видение процесса становления человечества, показанное сквозь призму тюркских и алтайских мифологических представлений о мире» [4, с. 17].

С.С. Каташ также подчеркивает, что данная глава не является подстрочным переводом алтайского сказания о семи главах, а — «это поэтическое осмысление алтайского эпоса, выраженное истинно русским писателем» [5, с. 23].

Книгу «Моя Сибирь» Г.Д. Гребенщиков писал в Америке. Вероятно, жизнь в чужой стране, чужой культуре поспособствовала обострению чувства Родины. Писатель обращается к своим национальным корням и обновляет культурную память. В книге звучит постоянная тоска автора по родине:

Всегда, когда слышу или произношу слово Алтай, то даже вижу его сине-лиловатый цвет с белыми краями. И, конечно, для всех языков и народов должно быть понятно ласкающее, музыкальное созвучие этого слова — Алтай! Ибо оно звучит как Родина [6, с. 111]; Я сплю и вижу сизо-лиловые громады гор, похожие на грозные тучи; они далеко впереди молчат и зовут, и мне кажется, что я протягиваю к ним руки и руки мои делаются крыльями <...> [6, с. 159].

Аналогичное настроение мы встречаем и в произведениях Г.И. Чорос-Гуркина, который находясь, на чужбине, также остро чувствовал тоску по Алтаю, что вылилось в итоге в великолепный очерк «Алтай (Плач алтайца на чужбине)». Данное произведение в наибольшей степени отражает концептуальный взгляд писателя на сакральную значимость Алтая. Герой Г.Д. Гребен-

щикова, как и герой Г.И. Чорос-Гуркина чувствует себя чужаком, находясь вне пространства Алтая:

Из Франции судьба закинула меня на Кавказ, а оттуда я уехал искать первых литературных удач в Петербург <...>

Но холодно приняла столица полудикого пришельца из Алтайских гор, и горы вновь позвали меня, как ласковая, всеутешающая мать [6, с. 155].

Такая аналогия прослеживается в следующих строках очерка Г.И. Чорос-Гуркина «Алтай (Плач алтайца на чужбине)», где «свое» пространство Алтая комфортно для пребывания героя, а «чужое» — вне Алтая — невыносимо:

Далеко, далеко на чужбине я от тебя, мой милый, мой дорогой Алтай! За сотни, за тысячи верст! Я здесь один, я им чужой и мне чужда их природа. Их шум, толкотня и блеск надоели мне. Мне скучно здесь, мне грустно! И меня зовет и манит туда к тебе, мой любимый, славный Алтай, туда, к тебе на простор, на свободу.

Ты, чудный и славный, всегда стоишь в моем воображении. Твои цепи гор с легкой дымкой и прозрачными белками, как загадочный мираж, влекут меня к тебе, и твое имя, Алтай, так мило и так дорого звучит здесь для меня. И так много в этом слове своего, близкого, родного.

Есть другие знаменитые горы, но ты, Алтай, что можешь иметь с ними общего? Ты не так величественен и пышен как другие горы, но ты девственен, угрюм и нелюдим. В тебе своя красота, своя прелесть. Ты поражаешь своей нетронутостью. Ты как бы бежишь от очей культурных людей. Ты скромн и любишь одиночество! Ты как могучий зеленый кедр, который растет вдали от многолюдных сел и городов, тебе не по душе суета и толкотня людская» [7, с. 217].

Мифологическое пространство определяется в картине мира Г.И. Чорос-Гуркина концептуальной системой координат, где в роли вертикальной оси, направленной вверх — в небо, выступает мифологема Горы, а горизонтальной — мифологема Реки. Река и Гора — основные составляющие мифологемы Алтая — вместе на зрительном уровне создают ощущение разомкнутого пространства.

В другом эссе — «Алтай и Катунь» — писатель акцентирует внимание на двух основных составляющих мифологемы Алтай — Горе и Реке, что позволяет наиболее четко проследить их функционирование в поэтике произведения. Последовательность расположения мифологических образов в названии — «Алтай и Катунь» соответственно проецируется в текст произведения. Описание Алтая в начале эссе, представляющее собой своеобразную экспозицию, и описание Катунь в конце его, являющееся заключением, создают кольцевую композицию и тем самым выполняют структурирующую функцию:

Местными, каменистыми, пестрыми грядками раскинулась громада гор. Тесня одна другую, они раздвинулись в бесконечную ширь и даль, теряясь в голубой воздушной пыли.

Крутые скаты их глубоко прорезаны ущельями. Всюду нависли хмурые скалы, готовые обрушиться обвалами над темными зияющими безднами, за ними уступами к облакам высятся исполинские гребни утесов. А дальше и выше, над голубою гранью неба, в прозрачной синеве, как рать сказочных богатырей, стоят великаны-цари гор: кругом раскинувши свои шатры, гордо подняли они свои снежные вершины и сияют ими в высоте.

<...>

Вот она бурливая, страстная, переливается, изумрудной струей плещет и играет цветами радуги. Вся она полна волшебной силы, вся — движение и жизнь. Столпились к берегам ее пахучие сосны и протягивают к ней свои кудрявые ветви. А с высоты скалы и горы смотрят в ее кристальные воды. Она есть счастье и украшение Алтая» [7, с. 221-223].

Кроме того, в данном эссе наиболее четко проявлено функционирование мифологемы Гора/Алтай в качестве вертикального вектора и мифологемы Река/Катунь в качестве горизонтального вектора, пересечение которых образует точку отсчета во времени и пространстве системы координат картины мира Г.И. Чорос-Гуркина:

Какой везде простор и какая мощь!..

Это ты, заколдованный, угрюмый, царственный Алтай!..

Это ты окутался туманами, которые, как мысли, бегут с твоего могучего чела в неведомые стран ...

Это ты, богатырь, дремлешь веками, сдвинув свои морщинистые брови, и думаешь свои заветные добрые думы...

И вот, среди этого могучего заколдованного царства, среди величественной природы, среди громад голубых гор, среди дремучих темных лесов, по нежным, благоухающим цветами долинам, по золотому дну Алтая, течет изумрудная река — красавица Катунь. Глубоко врезалась она в самое сердце Алтая и между ущелий извилась голубою лентою. Бурная, неутомная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно, с шумом течет впереди ... [7, с. 222].

Именно здесь, в самом сердце Алтая, в центре мироздания, душа лирического героя обретает возможность вертикальной устремленности:

Спокойно, хорошо и мирно вокруг.

Чувствуется, что в природе зреют какие-то великие чары. Свободно дышит грудь, и душа в восторге рвется куда-то на недостижимые высоты, к другому бытию, в другой мир, в царство мысли и грез, к неведомому, желанному счастью... [7, с. 223].

Кроме того, мифологема Алтай функционирует в качестве варианта мирового древа, поскольку «гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства [8, с. 311].

Животный мир в произведении Г.И. Чорос-Гуркина представлен исключительно тотемными животными: благородные олени, бурая медведица, орел, которые имеют огромное значение в мифологических представлениях многих народов, в том числе и алтайцев, об устройстве мира. Так, согласно алтайским тотемным мифам об олене, это животное принадлежит миру людей и занимает место в средней части мирового древа/горы и является неприкосновенным. Орел в мифологиях разных народов мира, в том числе и алтайцев, является символом небесной силы, огня и бессмертия; одним из наиболее распространенных обожествляемых животных-символов богов и их посланцев. В рассматриваемом произведении орел выполняет двойную функцию: является двойником Ульгения в животном мире и выполняет роль медиатора между мирами.

Истоками образной системы во всех произведениях Г.И. Чорос-Гуркина является алтайская мифология. Все образы — Алтай,

Катунь, Озеро, кедр, Ульгень, орел, олень — направлены на раскрытие центрального мифологического образа Хан-Алтая и являются неотъемлемыми составляющими концептуальной системы координат в картине мира Гуркина, где в роли вертикальной оси выступает мифологема Горы / Алтая, а горизонтальной — мифологема Реки / Катунь. Алтай в художественном мире писателя тождественен Раю на земле, мифическому Беловодью.

В творчестве Г.Д. Гребенщикова можно отметить наличие аналогичных образов и мифологем, и это, на наш взгляд, не случайно. Писатели совместно работали над созданием «Алтайского альманаха» (1914), вышедшего в Петербурге, где Г.Д. Гребенщиков был редактором, а Г.И. Чорос-Гуркин — художником-оформителем. Единство альманаха было определено, по справедливому замечанию О.Г. Левашовой, «единым топосом — «Алтаем» [9, с. 38]. Визуализация данного топоса уже на обложке книги стала важным приемом в альманахе. Г.И. Чорос-Гуркин представил символический пейзаж, где центральными пространственными мифологемами являются Гора и Река, на фоне которых разворачивается картина жизни человека. Обложка книги, таким образом, обозначила символично-мифологическое пространство Алтая, обладающее определенной системой координат.

Первые три части книги посвящены Сибири, автор неоднократно обращается в них к истории Алтая, подробно описывает горнозаводское дело на Алтае, подчеркивая, что название «Алтай» буквально означает «золотая гора» и связано с месторождением золота и серебра. Посвящение практически половины книги Алтаю обосновано самим автором в финале четвертой части «Алтай — жемчужина Сибири». Подытоживая рассказ о несметных богатствах Сибири, автор подчеркивает, что самое ценное «угрюмо и задумчиво хранит под каменной броней гор и под серебряной чешуей снегов великий Хан-Алтай» [6, с. 107].

Алтай для Г.Д. Гребенщикова не просто родина — это «родина всего человечества», «колыбель мира», «колокол земли», центр мира:

Да и стоит он на земле. Как раз посреди самого большого материка, в самом сердце Азии, распростерши свои хребты-крылья... [6, с. 111].

Пространство Алтая в контексте художественного мира Г.Д. Гребенщикова характеризуется понятием бесконечности, причем и горизонтальный, и вертикальный векторы практически всегда указывают на безграничность, что позволительно рассматривать как одну из основных качественных семантических характеристик:

Но стоит подняться хоть на самую небольшую высоту, как откуда-то либо ваш взор ослепляет белизна, сверкающая в той или иной ближайшей от вас части края. И чем выше поднимаетесь вы, тем причудливее развертывающаяся перед вами панорама. Чем шире открывается простор, тем лиловее даль и тем неожиданней возникают в разных частях белые высоты. Порой они скрыты облаками, но в ясную погоду вы принимаете за облака целый какой-либо хребет, причудливо сплетающий небо и землю. Когда же тучи плавают на половине высоты, вам кажется, что целая белоснежная гора подхвачена на облака и уплывает от ваших взоров в неизвестную дымчатую даль.

И всегда перед вами целый ряд иных миров. Тотчас под вашими ногами глубокая темно-зеленая долина, за ней первый план, реальный и видимый, но сейчас же за следующей впадиной гор уже склон гор окрашен голубой дымкой, будто покрыт тонкой голубой прозрачной сеткой. А дальше эти сетки гуще и темнее, и, наконец, совсем вдали темно-лиловые застывшие в могучей зыби и залитые серебристой синькой окаменелые волны.

О, если бы только люди могли быть достойными данных им даров природы!

Если бы им удалось когда-нибудь возвысить свою жизнь до тех сверканий белизны и святости, которые блистают на высотах, как зацвела бы жизнь нашей планеты, с какой неизреченной красотой засверкала бы корона двуглавой заоблачной царицы Алтая Белухи, прозванной алтайскими народами Престолом Бога [6, с. 113].

Кроме характеристики пространства, в приведенном отрывке четко прослеживается цветовая гамма, достаточно часто встречающаяся в книге и наполняющая образ Алтая дополнительными характеристиками. Герой стремится совершить духовное восхождение через обретение Алтая. Семантику восхождения усиливает понятие белизны, традиционно ассоциирующейся с небесным и божественным. Особенно значимым в данном отрывке является единственное упоминание зеленого цвета среди многочисленных указаний на белизну, сверкание, блеск, прозрачность, голубизну.

По словам А.Ф. Лосева «первозданный Рай, который еще не выбрал ни добра, ни зла, должен быть обязательно зеленого цвета» [10, с. 394]. В данном случае позволительно утверждать, что Рай, по Г.Д. Гребенщикову, находится на Алтае.

Кроме того, Алтай/Рай густо населен животными (медведи, архары, лоси, маралы, серны, козлы, антилопы, лошади, куницы, бобры, соболя, белки, горностаи, волки), поражает разнообразием певчих птиц (тетерева, журавли, гуси, утки, шилохвость, кулики), обилием цветов, трав и деревьев, его реки переполнены рыбой.

Уверенность Г.Д. Гребенщикова в том, что первая человеческая семья стала развиваться на Алтае, упоминание Адама также подчеркивает аналогию Алтай — Рай в художественном мире писателя:

<...> в свое время все это будет установлено с максимальными подробностями и, может быть, доказано, что и рай, и первая семья Адама были именно на южных склонах Алтая, где, по крайней мере у киргизов, и до сих пор слово Адам означает «человек» [6, с. 119].

В пятой части «Алтай — моя родина» читатель видит Алтай через восприятие ребенка, и это дает автору дополнительные возможности в раскрытии данного образа.

Во-первых, образ мальчика дает возможность подчеркнуть первозданность Алтая. Число «первый» входит в название пяти глав данной части: «Первое солнышко», «Первый цветок», «Первое видение горы», «Первое видение реки», «Первое путешествие в горы». Все главные события в жизни мальчика произошли впервые именно на Алтае. Алтай — исток его первых впечатлений, первых ощущений, первого знакомства с миром. Указание на то, что все здесь было впервые, свидетельствует о сокровенности происходящего на Алтае. Первое — как число, имеющее значение чистоты, начала, первозданности, подчеркнуто важно и является своеобразным рефреном, усиливающим значимость чистоты и важности увиденного.

Во-вторых, чистое сознание ребенка способно воспринимать мир, в отличие от взрослого, во всей его полноте. Дети способны увидеть то, что не замечают взрослые. Ребенок видит и воспринимает Алтай со всеми его составляющими как живое существо,

как что-то необычное и восхитительное, постоянно привлекающее внимание и завораживающее.

Г.Д. Гребенщиков подчеркивает тот факт, что русские славяне были первыми из европейцев, пришедшими на Алтай. Причем этот приход был очень символичным, так как целью славян было не завоевание земель и не вражда, а обретение легендарного Беловодья:

Русские люди пришли на Алтай, буквально влекомые издревле прослышанной легендой о святости алтайских Белых вод и побуждаемые искренним религиозным чувством о спасении своей души [6, с. 122].

Тема спасения души неоднократно звучит в произведении, причем спасение обязательно связано с прибытием на Алтай, с обретением Алтая. Особенно показательна в этом плане история преступников, попавших на Алтай, которые получили возможность не только начать новую жизнь, но и обрести семью.

Обилие голубых, быстрых и говорливых рек, высоких причудливых гор, покрытых непроходимыми лесами и лугами с многочисленными, постоянно меняющимися цветами, — все это делало в глазах отшельника Алтай обетованным местом, земным раем. И люди, окруженные лишь птицами да дикими зверями, обвеянные безлюдием и тишиной, чувствовали близость Бога и полную неприкосновенность и защиту от насилия своих же братьев, а также столь необходимое им удаление от всякой суеты греховной. Потому даже злодеи и преступники, уединившиеся в горах Алтая, неожиданно превращались в мягких благоговяющих людей и мужественно переносили тяжелые лишения, одиночество, тревоги и страх за жизнь, пока с течением лет находили и увлекали в свое уединение и женщин, чтобы зажить очагом, семьей и общиной [6, с. 123].

Вполне логично книга заканчивается воспеванием Алтая в шестой части «Хан-Алтай» Человеком-Пастухом, который «глядел через стада свои ввысь и вдаль и молча задумывал первую песню. У ветра подслушал, у стука камней, у шелеста листьев, у шума воды, у щебета птиц и у свиста невидимых маленьких тварей — и взял первые звуки» [6, с. 171]. Ключевыми словами этой песни и всего произведения в целом можно считать последнее четверо-

стишие, завершающее книгу и подчеркивающее особую значимость Алтая в художественном мире Г.Д. Гребенщикова:

Потому что земля твоя -
Прекрасный рай.
Потому что дом твой -
Хан-Алтай [6, с. 192].

В эссе «Алтай (Плач алтайца на чужбине)» проявлена триединая картина мира, которая в своих конкретных образах и символах структурно тождественна мифологеме Алтай, основному смыслу— и структурообразующему элементу поэтики Г.И. Чорос-Гуркина. Вслед за В. Эдоковым, данное произведение, созданное на фольклорном материале, можно считать «своеобразной эстетической программой молодого художника», центральное место в которой занимал Горный Алтай [11, с. 78].

Таким образом, исследование книги Г.Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» и эссе Г.И. Чорос-Гуркина позволяет сделать вывод о наличии сходных образов, мифологем, настроений в творчестве данных авторов, а также о роли образа Алтай, ассоциирующегося с Беловодьем, в художественном мире писателей.

Литература

1. *Галимова Е.Ш.* Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121-129.
2. *Черняева Т.Г.* Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во АлтГУ. Вып. 1. 2002. С. 36-47.
3. *Калмыкова Д.С.* «Путем любви и сострадания...» // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 3-12.
4. *Балакина Е.И.* «Откуда есть пошла земля Сибирская...» // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 13-21.

5. *Каташ С.С.* Древняя мудрость народа. // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 22-28.
6. *Гребенщиков Г.Д.* Моя Сибирь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. — 214 с.
7. *Чорос-Гуркин Г.И.* Алтай (Плач алтайца на чужбине) // Памятное завещание: Алтайская дореволюционная проза. — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1990. С. 217-221.
8. Мифы народов мира: В 2-х т. Т.1. М., 2000.
9. *Левашова О.Г.* Топос «Алтай» в «Алтайском альманахе» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во АлтГУ. Вып. 3. 2006. С. 38-46.
10. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. — 558 с.
11. *Эдоков В.* Литературное творчество художника Г.И. Гуркина // Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1982. С. 77-94.

О.А. Иост

Географические меты Казахстана в поэзии Павла Васильева

Аннотация: В данной статье представлен опыт рассмотрения отдельных наиболее характерных примеров художественного функционирования географических мет Казахстана в лирике Павла Васильева, выступающих в качестве важных мировоззренческих знаков разнопланового характера наполнения. Объектом анализа являются произведения, в которых географические названия вынесены в название литературных текстов.

This article presents the experience of studying the geographical objects of Kazakhstan, and their functional peculiarities in P. Vasilyev's lyrics. These objects are regarded as his important worldview signs. The author of this article describes role of Asian geographical representations in author's worldview. The research subject of analysis is Vasilyev's works in which geographical names handed down in position of the titles.

Ключевые слова: Павел Васильев, евразийство, Казахстан, Павлодар, Семипалатинск | Pavel Vasiliev, Eurasianism, Kazakhstan, Pavlodar, Semipalatinsk.

Павел Васильев — значимый поэт первой трети прошлого столетия, который действительно реализует и собственной судьбой, и творческим наследием диалог культур различных народов, о чем говорилось в материалах предшествующей конференции [1]. Ключевым компонентом указанного диалога, по понятным причинам (прежде всего биографического характера), является процесс взаимодействия России и Востока, в первую очередь, среднеазиатского. Процесс, напрямую имеющий отношение к евразийской концепции, в которую Павел Васильев естественным образом вписался как один из главных представителей — но не как теоретик, а в качестве человека, реально в своей жизни находящегося на стыке европейской и азиатской цивилизаций.

Одним из проявлений художественного мира поэта, четко отражающих специфику авторской позиции в сложнейшей проблеме взаимоотношений русского и казахского народов, являются географические меты Казахстана в поэзии П. Васильева. Строя данное исследование в рамках геопэтики, акцентируем внимание на том, что речь в данном случае идет не о топонимике как таковой, не о бытовании географических названий Казахстана, упоминаемых в произведениях П. Васильева.

В силу того, что отличительной особенностью творческого метода поэта является изображение конкретных географических мест, превращающихся в знаковые ключевые образы, вполне уместно употребление слова «мета», которое в устаревших вариантах означает «метка, помета, знак», «цель», а в переносном значении — «предмет стремлений» [2]. В этом смысле наибольший интерес представляют отдельные наиболее характерные и яркие примеры художественного функционирования географических мет Казахстана, принципиально значимых для поэта по разным основаниям — биографическим, мировоззренческим. При этом объектом исследования в данном случае выступают тексты, в которых географическая мета вынесена в название.

Принципиально важное значение в творчестве П. Васильева имеет Прииртышье, включающее территории, прилегающие к одной из главных рек евразийского материка, исследование функционирования которого в лирике поэта привело нас ранее к следующим выводам: «родное для Павла Васильева Прииртышье, под которым с определенного момента им понималось все пространство Иртышского бассейна — “от тобольских мест к Усть-Каменогору”, действительно сыграло знаковую роль в его жизни, во многом определив ключевые моменты трагической судьбы. Став одним из важнейших поэтических образов лирического творчества Павла Васильева, Прииртышье стало для него по итогу знаком всего самого лучшего в себе самом, знаком неизбывной любви к родному старому миру русской жизни, измена которому грозит потерей собственной личности.

Прииртышье стало знаком верности Павла Васильева — себе, своему предназначению поэта, диктующему необходимость постижения Истины и несения ее в мир, что зачастую требует от человека жертвенности. Павел Васильев в полной мере исполнил

свое предназначение» [3, с. 207]. Особое место у поэта отведено именно Павлодарскому Прииртышью, присутствующее «в ключевые для его судьбы моменты, в которых реализуется программа жизни поэта» [4, с. 306].

При этом отдельной географической метой выступает город Павлодар. Знаковым представляется в этом плане и имя Павел, рифмующееся в названии города и наречении Васильева. Неоднократно упоминаемый в творческом наследии поэта Павлодар лишь единожды вынесен в название стихотворения 1931 г., являющегося квинтэссенцией его отношения к этому городу.

Для полного понимания того, что представлял собой город во времена Павла Васильева, следует дать краткую историческую справку. Павлодар ведет свою историю с 1720 г., когда в ряду военных крепостей и форпостов России на Иртыше появился форпост Коряковский, названный так потому, что был выстроен рядом со складами соли, добываемой на Коряковском озере. Форпост был построен в целях защиты от набегов джунгар. В течение второй половины XVIII века иртышское укрепление теряло свое военно-стратегическое значение, превращаясь в один из центров соледобычи в Сибири. В 1838 г. форпост преобразован в станицу Коряковскую.

Выгодное положение станицы, расположенной на берегу большой судоходной реки, соседство с округами, где развивались разработки свинца, меди, серебра, перекрестье торговых путей с кочевой степью — все эти обстоятельства были очень выгодными для экономического развития станицы. В 1861 г. Коряковская станица получает статус «заштатного города с наименованием Павлодар, в честь новорожденного Великого князя Павла Александровича» [5]. С этого времени уже всю разворачиваются купцы, в основном русские и татары. В 1868 г. Павлодар становится уездным центром Семипалатинской области. «В 1896 г. жителей 7624, киргизов 1385, прочих 97. Православных и единоверцев 5675, раскольников 217, католиков 28, протестантов 12, евреев 42, магометан 1594, прочих исповеданий 56. 3-классное городское училище, женское приходское, церковно-приходские школы мужская и женская, мусульманские школы мужская и женская. Обмен продуктов скотоводства на хлеб, мануфактурные, железные и колониальные товары. Получаемые от киргизов

кожи, шерсть, конский волос, овчины следуют из Павлодара в необделанном виде в Тюмень, а также на Ирбитскую и Яшимскую ярмарки. Хлеб привозится крестьянами ближайших мест Томской и Тобольской губерний. Торг с киргизами происходит по преимуществу на ежедневных базарах, особенно оживленных в первое время после замерзания Иртыша. Павлодарские купцы принимают участие в главных ярмарках области» [6].

В 1901 г. в городе случился большой пожар, уничтоживший большую часть деревянных строений, что вызвало необходимость отстраивания новых, в результате чего облик города меняется. С начала XX в. начинается довольно бурное развитие города — в самых разных направлениях: в 1908 г. учрежден Русский Азиатский для внешней торговли банк, открыто мужское приходское Алексеевское училище; в 1910 г. в доме А. Дерова открыто русско-киргизское двухклассное училище. «Азиатская Россия» в 1914 г. констатирует:

Из уездных городов Семипалатинской области нужно также особо упомянуть Павлодар. В смысле благоустройства быстро прогрессирует. Уже всюду по Иртышу ходят пароходы, ветряные мельницы фабриканты Герцен и Тиссен заменили паровыми, уже от угольных шахт Экибастуза проложена железная дорога к Иртышу. Нарастают купеческие капиталы. Татарин Ф. Рамазанов выстроил мечеть, А. Деров заложил на свои деньги Владимирский собор, на базарной площади выстроен деревянный цирк-шапито [7].

В 1924 г. пущена в эксплуатацию железная дорога «Славгород — Кулунда — Павлодар», построена станция Павлодар; в 1926 г. построена первая городская электростанция мощностью 100 кВт; в 1929 г. положено начало развития радио в Павлодаре; в 1929 г. на Гусином перелете (район города) экспедиция АН СССР ведет раскопки доисторических животных.

П. Васильев жил в Павлодаре с 1920 г. по 1926 г. — во время своего детства и юности, становления как личности и поэта. Павлодар времени Павла Васильева — город, в котором проживают люди разных национальностей и вероисповеданий (при подавляющем большинстве православных русских), разного социального статуса (при активности казаков и значимости купцов); город, в котором с приходом советской власти наступают изменения, и

дело не только и не столько в индустриализации, сколько в мировоззренческом сдвиге на уровне как индивидуального сознания, так и всего социума.

Павлодар — действительно одна из главных ключевых мет П. Васильева, любовь к нему неизбежна, ибо он ассоциируется со старым милым родным миром, который строился на сердечном отношении людей и который остался в прошлом.

Сердечный мой,
Мне говор твой знаком.
Я о тебе припомнил, как о брате,
Вспоенный полносочным молоком
Твоих коров, мычащих на закате.
Я вижу их, — они идут, пыля,
Склонив рога, раскачивая вымя,
И кланяются низко тополя,
Калитки раскрывая перед ними [8, т. I, с. 187].

Поэт описывает недавние реалии любимого города, вписывая в него свое прошлое:

И улицы!
Все в листьях, все в пыли.
Прислушайся, припомни — не вчера ли
По Троицкой мы с песнями прошли
И в прятки на Потанинской играли?
Не здесь ли, раздвигая камыши,
Почуяв одичавшую свободу,
Ныряли, как тяжелые ковши,
Рябые утки в утреннюю воду? [8, т. I, с. 187].

Именно в этом городе произошло становление его как поэта:

Так ветренен был облак надо мной,
И дни летели, ветреные сами.
Играло детство с легкою волной,
Вперяясь в нее пытливыми глазами.
Я вырос парнем с медью в волосах,
И вот настало время для элегий:
Я уезжал. И прыгали в овсах
Костистые и хриплые телеги [8, т. I, с. 187].

П. Васильев рад — после странствий и мытарств — вернуться в город детства:

И вот я вновь
Нашел в тебе приют,
Мой Павлодар, мой город ястребиный. [8, т. I, с. 187-188],

с болью ностальгируя по ушедшему прошлому:

Зажмурь глаза — по сердцу пробегут
Июльский гул и лепет сентябриный.
Амбары, палисадник, старый дом
В черемухе,
Приречных ветров шалость, -
Как ни стараюсь высмотреть — кругом
Как будто все по-прежнему осталось [8, т. I, с. 188].

На самом же деле все изменилось, прошлое — не вернуть:

Что прошлое!
Его уж нет в живых.
Мы возмужали, выросли под бурей
Гражданских войн [8, т. I, с. 188].

Наступившее настоящее, воспринимаемое «героем труда» и «ударником пятилетки» Пшеницыным восторженно:

Иная жизнь грохочет перед нами,
Ведь раньше здесь
Лишь мельницы одни
Махали деревянными руками [8, т. I, с. 188],

вызывает в поэте иное отношение, которое разделяется и многими его земляками, определившими метафизическую суть нового государственного строя:

Но мельники все прокляли завод,
Советское, антихристово чудо [8, т. I, с. 188].

П. Васильев, уступая натиску нового, тем не менее, не может принять его, в отличие от одноклассника Юрия Пшеницына, поэтому в ответ на его восторг от блестящих перспектив будущего, поэт уходит в мир любимого прошлого, в котором — живая приречная природа:

...С лугов приречных
Льется ветер, звеня,
И в сердце вновь
Чувств песенная замять... [8, т. 1, с. 189].

Поэт отдает себе отчет в том, что установившееся «царство антихриста» не простит ему памяти о прежней Руси, и тем более — любви к ней. И он, уступая инстинкту самосохранения (очень уж хочется жить — слишком еще молод, бушует физическая сила и энергия), пытается вписаться в настоящее. Пронзительные строки отражают эту попытку:

А, это теплой
Мордою коня
Меня опять
В плечо толкает память!
Так для нее я приготовил кнут -
Хлещи ее по морде домоседской,
По отроческой, юношеской, детской!
Бей, бей ее, как непокорных бьют!
Пусть взорван шорох прежней тишины
И далеки приятельские лица, -
С промышленными нуждами страны
Поэзия должна теперь сдружиться.
И я смотрю,
Как в пламени зари,
Под облачную высоту,
Полынные родные пустыри
Завод одел железною листвою [8, т. I, с. 189].

Итак, стихотворение «Павлодар» 1931 г. отражает сложнейший для его автора процесс выбора собственной мировоззренческой позиции, которая определила дальнейшую судьбу П. Васильева.

В ожесточенной борьбе между старым и новым поэт все-таки отдает предпочтение первому. Он остается верным родному миру, олицетворением которого для него был Павлодар. При всей реальной опасности указанного выбора, поэт не может принорочиться к новому строю жизни, который уничтожает все, что так дорого и мило его сердцу в прошлом.

Если Павлодар выступает как мета, принципиально важная в мировоззренческом движении поэта, то Семипалатинск в творчестве П. Васильева непосредственно связан с его евразийским наполнением.

Дважды в заглавие лирических стихотворений поэтом выносятся Семипалатинск — евразийский город и по своему местоположению (расположен на основной водной артерии страны и связывает восточные и южные регионы Казахстана с Россией), и по национальному составу населения (казахи — 63,23%, русские — 29,93%, татары — 3,67%, немцы — 0,99 %, украинцы — 0,77% и др. <данные на 1 января 2010 г.> [9]); и по структуре вероисповеданий (главными из которых выступают ислам и христианство).

Семипалатинск — один из старейших городов Казахстана, имеющий сложнейшую, уходящую в глубь веков историю, которая и по сей день составляет предмет непрекращающейся полемики. Не вдаваясь в спорные детали возникновения и развития города Семипалатинска, отметим, что так или иначе они свидетельствуют об участии в этом процессе различных этносов, принадлежащих к разным культурно-цивилизационным системам. В древней истории города традиционно упоминаются семь буддийских калмыцких храмов, существовавших неподалеку от джунгарского поселения Доржинкит (Цорджийнкийд). Современный исследователь истории Семипалатинска указывает: «После окончания междоусобной войны в Джунгарии и нового раздела территории между князьями, начался новый этап строительства культовых зданий на ее территории. Так в 1672 г. строится храм Учурту Хан Кийд, в 1676 г. — Бошокту Хан Кийд, где-то в этих годах были возведены и «Семь-Палат», возможно тем же ламой — Эрхэ Цорд-жи. Место, где они были построены, выбрано не случайно, оно было известно джунгарам очень давно, так как на нем возвышался огромный, почти двухметровый камень с изображенным человеческим лицом, воздвигнутый еще до джунгар-

ских времен. Об этих храмах русские исследователи знали еще в 1616 г. В 1660-1670 гг. эти сооружения подвергались разрушению в ходе частых казахско-джунгарских войн» [10].

В определенный момент свою роль в истории Семипалатинска сыграли русские, положившие начало новой истории города:

В 1717 г., по распоряжению князя Гагарина, посланы из Тары для постройки крепостей: сын боярский Павел Свиерский, с партией казаков, и дворянин Василий Чередов; первый из них построил Железинскую, а другой Калбасинскую крепость <...> Там существовало калмыцкое здание в виде башни, в котором была ламайская кумирня. Калмыки называли это здание Джалин-обо, потому что между 1689 и 1700 гг. там кочевал калмыцкий тайджа Джалин, изгнанный отсюда в 1702 г. башкирами. Русские же называли то строение Калбазинской башней [11].

Крепость, которая была основана как пограничная и военно-опорная база, по мере роста становилась важным торговым пунктом между Россией и Туркестаном, а в дальнейшем между Россией, Средней Азией и Западным Китаем. Для торговли в нее приезжали джунгарские калмыки, кокандцы, бухарцы, ташкентцы. Поэтому с 1728 г. для контроля над торговыми операциями была учреждена таможенная служба, которая находилась в подчинении Сибирского приказа, располагавшегося в Москве под управлением Государственной Коммерц-Коллегии. Дальнейшая история города не менее интересна. Особенно важна культурная составляющая этой истории. Чего стоит факт пребывания в 1850-е годы в ссылке Ф.М. Достоевского, который здесь пишет «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели»; встречается с П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, Ч. Валихановым, Г.Н. Потаниным. Каждый из них в своей области деятельности внес весомый вклад в развитие диалога культур России и Казахстана.

Именно с Семипалатинском связана и вся жизнь Абая Кунанбаева (1845-1904 гг.). Славный представитель казахского народа, основоположник казахской письменной литературы и ее первый классик, композитор, просветитель, мыслитель, общественный деятель, реформатор культуры в духе сближения с русской, а также европейской культурой. «Слова назидания» Абая — жемчужина казахской классической литературы.

Абай Кунанбаев оказал большое влияние на зарождавшуюся казахскую национальную интеллигенцию конца XIX-начала XX вв. Так, руководители движения Алаш-Орда воспринимали Абая как своего духовного предтечу и даже духовного вождя возрождения казахской нации. Казахская национально-демократическая партия в 1917-1920 гг. создала казахское автономное государственное образование под управлением правительства, именованного «Алаш-Орда». История сложных отношений алашординцев как с «красными», так с «белыми» (принципиальным моментом которой в плане нашего материала стал тот факт, что именно в Семипалатинске в августе 1918 г. был сформирован первый Алашский конный полк, принимавший участие в военных действиях против Советской власти) привела в конце концов к упразднению казахской автономии и уничтожению всех руководителей Алаш-Орды.

С Семипалатинском же напрямую связан и Мухтар Омарханович Ауэзов (1897-1961 гг.), один из основателей казахской советской литературы, председатель Союза писателей Казахстана, литературовед, доктор наук, Академик АН Казахской ССР; будучи с Абаем в родственных отношениях, создал роман-эпопею «Путь Абая». Родившись в Семипалатинской области, получил образование в городе — сначала в медресе, а затем — в Семипалатинской учительской семинарии, которую закончил в 1919 г. В 1917 г. он вместе с Жусупбеком Аймаутовым (1889-1931 гг.), также обучавшимся в указанном Семипалатинском учебном заведении, впоследствии — известным писателем, основоположником драмы и романа на казахском языке, ученым, просветителем, педагогом, основал казахскую молодежную организацию «Жанар». А в 1918 г. они издавали в Семипалатинске журнал «Абай», который после выхода двенадцатого номера был закрыт по идеологическим мотивам.

Приведенные выше данные о Семипалатинске вполне объясняют факт наличия в лирике П. Васильева двух стихотворений, посвященных этому городу, — «Бахча под Семипалатинском» (1829 г.) и «Семипалатинск» (1931 г.). Вероятно, отправной точкой их создания все же послужило посещение поэтом данного места. Достоверно известен факт его пребывания в Семипалатинске летом 1926 г., когда П. Васильев после окончания школы П

ступени в Павлодаре «через Семипалатинск и Омск отправляется во Владивосток» [12]. Оказавшись в Семипалатинске, который в то время был центром губернии, П. Васильев, скорее всего, узнал какие-то исторические факты о его происхождении и т.п. Что же касается культурной истории, в частности, указанных выше казахских писателей, то это была для П. Васильева современность. Наверняка привлекла внимание Павла Васильева личность Абая, первого переводчика на казахский язык Пушкина, перед которым русский поэт XX столетия благоговел, осознавая некие типологические схождения с первым поэтом России и ощущая некую близость с ним¹.

Тем не менее, стихотворения, в название которых выносятся название Семипалатинска, пишутся позже — через три и пять лет после первого посещения города. И происходит это в рамках усилившегося в поэте интереса к Казахстану, обусловленного как внешними обстоятельствами, так и внутренними (духовными и творческими) потребностями. В частности, будучи корреспон-

¹ Так, одно из первых схождений, явленное самим Васильевым, — в констатации «скитальчества». В отрывке «Дорога» из поэмы «Большой город» (1933 г.), посвященной родному казахстанскому миру, читаем:

Но сколько их влачилось здесь в пыли –
Героев наших, как они скитались,
Как жизни их, как мысли их текли,
Какие сны им по пути встречались!..
И Александр в метелях сих плутал –
О, бубны троек и копыт провал! [8, т. II, с. 149].

Здесь присутствует указание на непосредственный факт практически постоянного нахождения в дороге, превратившегося буквально в страсть к путешествию — географическому, пространственному. Страсть, которая, как известно, была свойственна как Пушкину, так и П. Васильеву. Причем если Пушкин, преимущественно путешествуя по европейской части России, добрался в своих странствиях до начала азиатской ее части, достигнув казахстанской земли (что является дополнительным основанием Васильеву упомянуть Пушкина при описании «далекого края» родины), то Васильев расширил географию путешествия до Дальнего Востока, охватив уже всю страну — в направлении именно восточном. Подробнее о типологических схождениях поэтов см. [13].

дентом газеты «Голос рыбака» (1930-1931 гг.), он «едет на Каспий и Арал, где пишет стихи и очерки. В Актюбинской области записывает песни казахов-акынов. Работает над «Песнями киргиз-казаков» [12]. В процессе реализации мечты — стать не просто сибирским, но «русским поэтом», завоевывая реально значимое место в литературной жизни Москвы и России в целом, П. Васильев все чаще обращается к восточным ее территориям, к родному азиатскому миру, который при всей противопоставленности разных этносов (иногда агрессивной и потому опасной), тем не менее, таит в себе потенциальную гармонию лада, красоты, силы.

«Бахча под Семипалатинском» при натуралистичности картины внешнего описания пира плодородия содержит понимание автором глубинной сути проживающих на одной земле представителей разных цивилизаций, с их различным — западным и восточным — менталитетом, которая заключается во взаимном тяготении друг к другу, дополнении друг друга:

Змеи щурят глаза на песке перегретом,
Тополя опадают. Но в травах густых
Тяжело поднимаются жарким рассветом
Перезревшие солнца обветренных тыкв.
В них накопленной силы таится обуза -
Плодородьем добротным покой нагружен,
И изранено спелое сердце арбуза
Беспощадным и острым казацким ножом.

<...>

Соляною корою примяты равнины,
Но в подсолнухи вытканый пестрый ковер,
Засияв, расстелила в степях Украина
У глухих берегов пересохших озер!
Наклонись и прислушайся к дальним подковам
Посмотри — как распластано небо пустынь...
Отогрета ладонь в шалаше камышовом
Золотою корою веснушчатых дынь.
Опускается вечер.
И видно отсюда,
Как у древних колодцев блестят валуны
И, глазами сверкая, вздымают верблюды
Одичавшие морды до самой луны [8, т. I, с. 105].

Если Павлодар у П. Васильева — «город ястребиный», то Семипалатинск определяется в одноименном стихотворении как «верблюжий»:

Семипалатинск, город верблюжий,
Коршуны плавают над тобой.
Здесь, на грани твоей пустыни,
Нежна полынь, синева чиста.
Упала в иртышскую зыбь и стынет
Верблюжья тень твоего моста.
И той же шерстью, верблюжьей, грубой,
Вьется трава у конских копыт [8, т. I, с. 175].

Это, конечно, классическое описание среднеазиатского Востока. Примечательно, что поэт упоминает в этом тексте горный Алтай с его снежными вершинами как антитезу казахстанской солончаковой степи:

Висит казахстанское небо прочно,
И только Алтай покрыт сединой [8, т. I, с. 175].

Сквозь физические приметы казахстанского разнообразия природного ландшафта, сочетающего в себе разнородные проявления, просвечивает осознание автором евразийской сути казахстанского пространства, соединяющего разные части мира — не только географически, но главным образом ментально, мировоззренчески:

Нам путь преграждают ржавые груды
Камней. И хотя бы один листок!
И снова, снова идут верблюды
На север, на запад и на восток.

Горьки озера! Навстречу зною
Тяжелой кошмой развернута мгла,
Но соль ледовитую белизною
Нам сердце высушила и сожгла [8, т. I, с. 175-176].

И если ранее город, затерянный в песках, был именно азиатским (описание восточного колорита дано в первой части стихотворения: условное деление — первые семь строф из четырнадцати), то далее автор говорит об изменении его статуса:

Круги коршуны смыкаются туже,
Камень гремит под взмахом подков.
Семипалатинск, город верблюжий,
Ты поднимаешься из песков! [8, т. I, с. 176].

И речь здесь не только и не столько о технических новшествах (в частности, железной дороге), добравшихся с запада до глухой азиатской степи:

И здорово жизнь ударяет метко, -
Семипалатинск, — лучше ответь!
Мы первую железнодорожную ветку
Дарим тебе, как зеленую ветвь [8, т. I, с. 176].

Поэт имеет ввиду, на наш взгляд, изменения в долевым присутствии Азии (и шире — Востока) в семиотике города:

Здесь долго ждали улыбок наших, -
Прямая дорога всегда права.
Мы пьем кумыс из широких чашек
И помним: так пахла в степях трава.

Кочевники с нами пьют под навесом,
И в меру закат спокоен и ал,
Меж тем как под первым червонным экспрессом
Мост первую радостью затрепетал.

Меж тем как с длинным, верблюжьим ревом
Город оглядывается назад...
Но мы тебя сделаем трижды новым,
Старый город Семи Палат! [8, т. I, с. 176].

Действительно, если Павлодар — при всей евразийской его специфике все-таки изначально определялся русским приоритетным присутствием, то Семипалатинск — в противовес, историче-

ски определялся азиатским (и в частности, с конкретного момента — казахским) началом. П. Васильев говорит об изменении этого расклада в новый, советский, период развития.

Итак, анализ стихотворений, в название которых вынесены Павлодар и Семипалатинск, свидетельствует о том, что данные географические пункты имеют для Павла Васильева принципиально важное значение, превратившись — в силу разнопланового характера наполнения — в значимые для него мировоззренческие меты. При этом Павлодар принципиально важен, в первую очередь, в плане личных (биографических и духовных) внутренних обстоятельств, явлений и процессов; Семипалатинск же в творчестве П. Васильева приоритетно и непосредственно связан с евразийским содержанием, имманентно присущим данному поэту.

Литература

1. *Иост О.А.* Павел Васильев: к проблеме диалога культур // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26-29 сентября 2016 г. / Под ред. П.В. Алексеева: В 2-х т. Т. 1. С. 157-168.

2. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: В 2-х т. М., 2000.

3. *Иост О.А.* Павел Васильев и Прииртышье: знаковость и судьба // Язык и личность: коллективная монография. Павлодар, 2015. С. 181-207.

4. *Иост О.А.* Павел Васильев и Павлодарское Прииртышье (к вопросу о символической взаимосвязи) // Материалы Международной научно-практической конференции «VII Торайгыровские чтения. Качество жизни в Павлодарской области. Состояние и перспективы», посвященной 55-летию Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова. Павлодар, 2015. Т. 1. С. 300-306.

5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXVI. Отд. 1. Зап. 36814. URL: www.runivers.ru.

6. Павлодар // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Санкт-Петербург, 1890 -1907. Т. XXII (1897). С 574-575.

7. История Павлодара // URL: www.pavlodar.ru.
8. *Васильев П.Н.* Собр. соч.: в 2-х т. Алматы, 2009.
9. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года / Под ред. А.А. Смаилова. Астана, 2011. — 242 с.
10. *Кауляк В.* Семь палат. URL: bumbinorn.ru/history_articles/1138951185-sem_palat.html.
11. *Абрамов Н.А.* Областный город Семипалатинск// Записки Императорского Русского географического общества, 1861, кн.1. URL: yablor.ru/blogs/oblastnoy-gorod-semipalatinsk-23/6215077.
12. Краткая биографическая хроника // Васильев П.Н. Сочинения. Письма. 2014. URL: <http://litresp.ru/Knigi/NotFound?asperrorpath=/chitat/vasiljev-pavel-nikolaevich/sochineni%20ya-pisjma>.
13. *Иост О.А.* Павел Васильев и Александр Пушкин: к вопросу о типологических сходениях// Наследие Павла Васильева в его ретро- и перспективном окружении. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Васильева. Алматы, 2009. С. 29-36.

Л.Н. Мукаева

**Историческая составляющая
геологоморфологического изучения
Горного Алтая в начале XX в. на примере
экспедиционных исследований финского ученого
Й.Г. Гранё (на материалах юго-западной части
Горного Алтая — современного Усть-
Коксинского района Республики Алтай)¹**

Аннотация: Статья посвящена экспедиционным исследованиям финского ученого-геоморфолога Й.Г. Гранё в юго-западной части Горного Алтая в начале XX в. На основе анализа текста сочинения Й.Г. Гранё «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» освещается историческая и социокультурная составляющая геоморфологического исследования финского ученого-геоморфолога.

The article is devoted to the expedition research of the Finnish geomorphologist I.G. Granö in the South-Western part of Mountain Altai in the beginning of XX century. On the basis of text analysis of I.G. Granö's travelogue on Altai the historical and socio-cultural component of the geomorphological study of the Finnish scientist-geomorphologist is investigated.

Ключевые слова: экспедиционные исследования, историческая составляющая, социокультурная характеристика населения | expeditionary research, historical component, socio-cultural characteristics of the population

Целью данной статьи является характеристика историко-культурной составляющей геоморфологического исследования финского ученого Й.Г. Гранё Горного Алтая в начале XX в. на основе анализа текста его сочинения «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий». Данное сочинение впервые бы-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Алтай № 18-49-040005 p_a.

ло опубликовано в 1919-1921 гг., в 1993 г. оно было переиздано Финским литературным обществом. На средства гранта Академии наук Финляндии, выделенного на проект «Этнокультурные традиции в Азии», был выполнен перевод книги ученого на русский язык. Само издание книги на русском языке вышло в 2012 г. на средства гранта фонда Н. Геландера. Геоморфологическое путешествие Й.Г. Гранё стало одним из самых значимых экспедиционных исследований на Алтае в начале XX в. Его целью являлись проверка теории оледенения и выяснение происхождения Алтайских гор. В соответствии с поставленной целью ученый определил для себя важные задачи освещения истории ледникового периода Алтая, выяснения геологических особенностей процессов горообразования, описания горного рельефа и горных пород.

В своем сочинении финский ученый подробно изложил ценные материалы по геологии, геоморфологии, гляциологии, природным ресурсам Горного Алтая и соответственно его юго-западной части, то есть современного Усть-Коксинского района. Основой сочинения являлись путевые очерки, написанные ярким выразительным языком. Усть-Коксинскому краю, его людям и Катунскому высокогорью И.Г. Гранё посвятил следующие разделы своей книги: «Субботин» первой главы «Проводники»; «В деревнях Уймона», «Первая демонстрация умения Субботина» и «Столбы Катуня» 7-ой главы «В сердце горной страны». Подробные материалы по истории алтайского мараловодства он поместил в отдельный раздел «Странный (на самом деле старинный) промысел мараловодов» 8-ой главы «На территории Иртыша». Свое сочинение ученый подкрепил фотоснимками очень хорошего качества населенных пунктов, местных жителей, горных пейзажей. По итогам своих экспедиционных исследований он уточнил картографию обследованного им высокогорного района. Собранные посредством фотографирования и картографирования материалы и практические результаты экспедиций финского исследователя позже сыграли важную роль в развитии нового направления науки — горного ландшафтоведения.

Анализ материалов Й.Г. Гранё по научному изучению юго-западной части Горного Алтая, изложенных в его книге «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий», показывает, что уче-

ный был хорошо знаком с научными трудами своих предшественников, побывавших в данном регионе в разные годы: К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге, Г.П. Гельмерсена, Ф.В. Геблера, В.В. Радлова, В.В. Сапожникова, П.Н. Крылова. С сочинениями исследователей он знакомился на языке оригинала, причем изучал их основательно. Об этом свидетельствует почти дословное цитирование многих высказываний и положений из трудов авторов. Например, Тайменье озеро он называет, как и В.В. Сапожников, уменьшенной и очень красивой копией Телецкого [1, с. 21].

Особенно тщательно Й.Г. Гранё знакомился с картографическими материалами и описанием исследовательских маршрутов своих предшественников, изучавших Катунский и Терехтинский горные хребты, речные долины Уймоны и другие природные объекты региона. Он детально изучил все материалы и карты экспедиций В.В. Сапожникова 1895 г., 1897 г., 1898 г., 1899 г. и 1911 г.; был хорошо знаком с теориями горообразования германского естествоиспытателя А. Гумбольдта и виднейшего сибирского геолога В.В. Обручева, считавшегося непререкаемым авторитетом в научном мире России.

В своей экспедиции по Усть-Коксинскому району в 1915 г. Й.Г. Гранё повторил маршруты Ф.В. Геблера 1835 г. и В.В. Сапожникова 1895 г. и 1911 г. к истокам Катунки и подножью Белухи. Так, от Тайменьего озера он двигался по маршруту Ф.В. Геблера. Кроме того, он прошелся по отдельным участкам маршрутов К.Ф. Ледебура и А.А. Бунге, посетивших старообрядческие поселения Уймоны в 1826 г., Г.П. Гельмерсена, побывавшего в горах Катунского и Терехтинского хребтов в 1834 г., и других ученых. Отправляясь в Горный Алтай, Й.Г. Гранё познакомился с исследовательской методикой Омской научной школы и получил карты региона, выполненные высококвалифицированными топографами-офицерами Омского военного штаба. Методам сбора полевого материала он учился у академика В.В. Радлова, охотно пришедшего на помощь молодому финскому исследователю.

Исследовательский маршрут экспедиции Й.Г. Гранё по высокогорному Алтаю начался с Катанды — населенного пункта, из которого отправлялись многие экспедиции В.В. Сапожникова, других ученых и путешественников. В.В. Сапожников так и писал, что в «Катанде лучше всего снаряжаться на Катунские белки и

вообще в Центральный Алтай Здесь найдутся и лошади и знающие проводники, которые исколесили Алтай» во время охотничьего и рыболовного промысла» [3, с. 26, 84, 114; 2, с. 346]. В Катанду Й.Г. Гранё прибыл из Бийска в начале июля 1915 г. Он за 4 дня на земском транспорте добрался до Катанды через Уймонскую и Катандинскую степи [1, с. 375-376].

В Катанде он задержался на целую неделю, подбирая себе проводника для высокогорной экспедиции к истокам Катуня и подножью Белухи. Поскольку опытные проводники за свои услуги запрашивали такие деньги, которых у Й.Г. Гранё не было, то он решил удовлетвориться более дешевыми и скромными услугами и стал искать проводника из числа второго и третьего сорта квалификации. В итоге, он нанял отца хозяйки земской станции, где он квартировал — К.М. Субботина вместе со старшим внуком П. Фроловым. Тем более, что зять Субботина Фролов обещал дать в аренду достаточное количество лошадей, а внук мог оказать своему деду посильную помощь. Именно К.М. Субботин со своим 15-летним внуком Павлом Фроловым сопровождал Й.Г. Гранё по всем горам Катунского и Чуйских хребтов и на Белуху [1, с. 378-379; 2, с. 344-345].

В экспедиции сложилось содружество трех мужчин разного возраста, отношения между которыми были простыми и «без излишних церемоний» [1, с. 381]. Экспедиционный маршрут пролегал через следующие пункты: Катанда — переправа через Катунь — р. Мульта — большая мараловодческая ферма — озеро Таймень — истоки Катуня, подножье Белухи — р. Белая Берель — аргутский приток Коксу — с. Кош-Агач. Оттуда маленькая экспедиция Й.Г. Гранё вернулась в Катанду через Биш-Ийирду и другие нагорья Северо-Чуйского хребта.

Высокогорные районы ученый образно назвал Белым Алтаем, посвятив ему проникновенные строки:

Белый Алтай стоит незыблемо, хотя на краях его снежных риз скрежещут груды глыб и клокочут потоки воды. Он возвышается за блуждающими облаками, как мраморный храм мир и постоянства на вечно изменчивом основании тленности. Белый Алтай — это вечное стремление к высоте, <...> там, на высоте, настоящее и будущее пере-

плетаются в удивительную чистую и гармоничную целостность [1, с. 345].

Следует отметить, что изучив все подходы к высоким вершинам Катунского и Северо-Чуйского хребтов Й.Г. Гранё ни разу не решился на восхождение на одну из этих вершин. Впоследствии он вспоминал:

<...> я видел перед собой вздымающиеся в небесную синь сверкающие снежные склоны, но не решился вступить на наст, на котором никто не оставил следов [1, с. 345].

Й.Г. Гранё в своем сочинении дал полную регионально-географическую и геологическую характеристику Белухинского горного массива и других вершин Катунского хребта, Уймонской и Катандинской степей. Выводы ученого расширили геологические и геоморфологические представления об этом высокогорном регионе. Он произвел измерения Белухи, определив ее высоту в 4540 метров. [1, с. 21]. Ученый зафиксировал на Белухе 16 ледников общей площадью в 70 кв. км., включая самый большой из них ледник Менсу длиной в 11 км. [1, с. 349]. Везде исследователь наблюдал следы ледниковой деятельности: крупные валуны окатанной формы, хорошо сохранившаяся щебенка, многочисленные морены, долинны равнины. Все озера Катунского хребта, утверждал Й.Г. Гранё, имеют ледниковое происхождение. Так, по его выводам, озеро Тайменье возникло в языковой впадине древнего ледника [1, с. 21].

Несмотря на все трудности высокогорного путешествия, Й.Г. Гранё удалось достичь истоков Катунки. Он подтвердил данные Ф.В. Геблера, побывавшего здесь в 1835 г.:

<...> вода, похожая на кипящее молоко, выкатывалась на воздух из-под черного, глубокого свода под ледником» <...> в белой «пене лежали огромные каменные глыбы, отколовшиеся от устья пещеры [1, с. 397].

При подступах к Белухе, эту главную вершину Алтая Й.Г. Гранё образно называл «Святыми столбами Катунки», ученый нашел бывший лагерь В.В. Сапожникова и его метки — замеры

Катунского ледника, которые томский профессор оставил в 1898 г. и 1911 г. Сравнив измерения В.В. Сапожникова со своими данными, ученый пришел к выводу о достаточно быстром таянии ледников Белухинского массива. По подсчетам Й.Г. Гранё, Катунский ледник в год сдвигался на 40-50 метров. Ученый оставил собственные метки, помеченные 1915 г., для будущих поколений исследователей [1, с. 395]. На леднике он, как и Ф.В. Геблер до него, наблюдал явление ледяных столбов. Ученый оставил детальное описание ледников, морен и многочисленных моренных борозд [1, с. 397].

Геологические наблюдения на Белухе дали Й.Г. Гранё материалы, подтверждающие его гипотезу о молодом возрасте Алтайских гор. Это стало выдающимся научным открытием мирового значения, поскольку в зарубежной и отечественной исследовательской мысли того времени царило единодушное мнение, что Алтайские горы — это старые горы [3, с. 65]. Лишь русский геолог В.А. Обручев годом раньше пришел к такому же выводу. Между финским исследователем и В.А. Обручевым завязалась научная переписка. В.А. Обручев даже написал положительный отзыв на сочинение Й.Г. Гранё, посвященное формированию рельефа Алтая. Выводы В.А. Обручева и Й.Г. Гранё о молодом возрасте Алтайских гор и о существовании на их месте исчезнувших древних высокогорных хребтов позднее подтвердили все ученые — геологи.

Собранный материал Й.Г. Гранё использовал для воссоздания геологической картины высокогорного Алтая «в великой драме сотворения земного шара» [1, с. 40]. Согласно выводам ученого, Алтай сформировался как глыбовая зона, на которую в течение сотен тысяч лет влияли периоды оледенения и потепления, причем воздействие ледников на рельеф местности стало определяющим. На территории Усть-Коксинского района громадные ледники в древности выпахали глубокие долины и русла рек [1, с. 29-30].

Й.Г. Гранё использовал термин «долинные равнины», под которым он понимал долины, образованные в результате движения ледников. Согласно его выводам, долинными равнинами являются Уймонская и Катандинская степи [1, с. 35]. В этой связи заслуживает внимания подробная картина природно-

климатических условий Усть-Коксинского района с точки зрения геоморфологии и рельефа местности. Расположенную на высоте более 1 км. над уровнем моря Уймонскую долинную степь длиной в 40 км. и шириной в 6-8 км. Й.Г. Гранё характеризовал как самую широкую из всех долинных равнин Катуня [1, с. 350]. На формирование рельефа Уймонской степи большое влияние, утверждал ученый, оказали тектонические процессы, древний ледник и древнее озеро, дном которого она как раз и являлась. Вторая равнинная долина района — это Катандинская степь треугольной формы. По словам ученого, Уймонская и Катандинская долинные равнины имели большое хозяйственное значение для скотоводства и земледелия, как отменные пастбища и самые плодородные земли [1, с. 35, 350]. Уймонскую степь он назвал культурным центром Горного Алтая, указывая на ее определяющее антропогеографическое значение [1, с. 350].

Важной стороной исследования Й.Г. Гранё, помимо геоморфологической и геологической, является историческая и социокультурная составляющая. Он не ставил перед собой задачи научного изучения местного населения, так как целью его путешествия было геологическое и геоморфологическое изучение Алтайских гор. Но, будучи наблюдательным исследователем, он описал социумы западной части Горного Алтая: староверческий, старожильский и алтайский. В его сочинении содержатся портретные зарисовки, сценки из повседневности того времени, оценки хозяйственной деятельности населения, расширяющие наши представления по истории и культуре Усть-Коксинского района в начале XX в.

В Уймонской степи исследователь насчитал восемь деревень, самыми крупными из которых являлись Верхний Уймон, Нижний Уймон (Мульта), Усть-Кокса. Чистая, опрятная Усть-Кокса, состоявшая из добротных и хороших домов, произвела на него самое благоприятное впечатление. В деревне проживало смешанное население: русские крестьяне, оседлые инородцы и алтайцы [1, с. 376].

Ученый сообщил интересные сведения, позволяющие расширить картину экономики старообрядческих деревень Уймона. Й.Г. Гранё отметил такую черту повседневной жизни староверческих деревень, как печать зажиточности. По его словам, благосо-

стояние старообрядцев и старожилов Уймона «просто бросалось в глаза» [1, с. 374]. Финский исследователь дал исчерпывающую характеристику хозяйственно-практической деятельности уймонского старообрядчества. Он верно подметил, что староверы обеспечивали зерном значительную часть населения Горного Алтая. По его словам, в Уймонской степи <...> повсюду видны поля, зерновые культуры растут прекрасно. <...> Заморозки редки, но летом земледелие и огородничество требуют орошения» [1, с. 376], поэтому почти вся вода катунских притоков, стекающих с Теректинского хребта, была выведена в оросительные каналы.

Другая отрасль, имевшая важное экономическое значение для населения Уймонского края в начале XX в., — это скотоводство. Домашнее животноводство, по наблюдениям Й.Г. Гранё, стимулировало развитие товарного маслоделия и сыроварения. Сыроварни, отмечал ученый, имелись во многих деревнях Уймона. Масло уймонцы вывозили по Уймонскому тракту в Бийск и Усть-Чарыш [1, с. 376].

Но самым ценным видом хозяйственной деятельности старообрядцев являлось мараловодство, обеспечивающее им значительную часть доходов. Мараловодство было настолько важным в экономике горных крестьянских деревень, что Й.Г. Гранё посвятил ему целый раздел [1, с. 464-471]. Конечный продукт мараловодческого промысла — панты староверы сбывали основным покупателям — китайцам, которые готовили из него лекарственные препараты для поднятия тонуса.

Ученый отметил охранительные меры кабинетской администрации, направленные на сохранение в дикой природе этих зверей. Кабинетское начальство законодательными актами строго запретило не только отстрел этих ценных животных, но и их отлов. В своей книге ученый отметил, что коренные жители и старообрядцы Алтая, если они оказывались в местах, где не бывало кабинетских лесничих, то все же не отказывались от охоты на маралов. В местах по Уймену, Чебдару Й.Г. Гранё встречал уймонцев, тайно охотившихся на благородных оленей. Финский ученый первым из исследователей обратил внимание на то, что разведение маралов на Уймоне и Бухтарме достигло такого уровня развития и соответствия содержания маралов в условиях, приближенных к естественным, что домашних маралов можно было

разводить независимо от численности поголовья диких животных в тайге [1, с. 464-466]. Он неоднократно подчеркивал высокую доходность мараловодства, благодаря которому уймонцы получали «сумасшедшие деньги» [1, с. 469].

В сочинении ученого содержится подробная характеристика технологий разведения маралов в мараловодческих парках — маральниках. Согласно описанию ученого, на территории любого маральника, охватывающего обязательно северные и южные склоны горы, имелись лес, поляны и ручей с проточной водой. Маральник огораживался изгородью высотой в русскую сажень — 2,13 м. Без ремонта такая изгородь держалась примерно 10 лет. Й.Г. Гранё привел точные расчеты территории маральника относительно поголовья животных. Поскольку на 1 марала требовалось до 0,5 га пастбища, то 50 животных содержались в маральнике площадью в 20 га. Маральник из 20 га и 50 зверей стоил 1200 — 1600 рублей. Заботливый мараловод свой парк обязательно делил на две зоны для того, чтобы маралы переходили с одного пастбища на другое.

Зимой маралам давали два раза в день сено и немного овса. Й.Г. Гранё привел очень интересные данные о пантах, которые староверы получали от маралов. Панты у оленя появляются на втором году жизни. С маралов-рогачей в расцвете сил мараловоды снимали рога весом от 8 до 12 кг., а в некоторых случаях даже 15-19 кг. [1, с. 468-469]. Резка пантов, на которую ученому удалось попасть, проходила в загоне, располагавшемся напротив маральника. Он лично видел все приспособления и инструменты для ловли рогачей и резки пантов. Для животных снятие рогов представляло очень мучительную операцию. Во время резки в маральники стягивались больные люди. Так Й.Г. Гранё был свидетелем того, как две больные женщины собирали в чашки брызжущую кровь и пили ее. Кровавые пеньки рогов, оставшиеся после резки, посыпали золой и обвязывали лентами из коровьих желудков. Спленные рога кипятили 1-2 раза в соленой воле, иногда в крепком чае. После варки вес пантов уменьшался вдвое [1, с. 471]. Уймонские мараловоды старались увозить рога на реализацию в Кобдо и в Улясутай. Й.Г. Гранё на Чуйском тракте видел много китайских перекупщиков рогов.

Финский ученый первым обратил внимание на создание В.В. Сапожниковым такого промысла в высокогорье, как работа проводником. Самым известным из всех алтайских проводников в начале XX в. был Иннокентий Матай, участвовавший практически во всех экспедициях В.В. Сапожникова и во многих путешествиях И.Г. Гранё. По словам финского ученого, Матай с нетерпением ожидал приезда знакомых ему исследователей, чтобы сопровождать их в далекий путь по Алтайским горам. Он даже себе место выбирал для проживания таким образом, чтобы «перехватывать» путешественников и английских туристов. В начале XX в. он обосновался на стрелке Чуи и Катуня, на пересечении двух дорог [1, с. 55]. В Иннокентии Матае И.Г. Гранё увидел серьезную изыскательскую подготовку, своего рода «школу», пройденную у В.В. Сапожникова [1, с. 58]. Хорошими проводниками рекомендовали себя катандинские крестьяне: отец и сын Архиповы, Черепановы, Субботины, Кузьмины, досконально знавшие все перевалы по Катунскому хребту [4, с. 26, 84, 114; 2, с. 346].

Большой научно-практический интерес представляет описание И.Г. Гранё Катанды. Местность, где располагалось селение, он образно назвал Катандинским Двуречьем и Алтайской Месопотамией [1, с. 377]. В селе проживали староверы, православные крестьяне и крещеные алтайцы общей численностью более 2000 человек. Для сравнения, после посещения Катанды красноармейским отрядом И. Долгих в ней осталось 900 жителей: большинство деревенских мужчин были убиты. На момент пребывания в Катанде И.Г. Гранё в деревне имелись здание волостной управы, земская, которую держал предприимчивый крестьянин Фролов, хороший магазин предпринимателя Орехова. Земская Фролова представляла двухэтажный дом, на каждом этаже имелись две комнаты, разделенные коридором.

На нижнем этаже обитала семья Фролова: православный Фролов, его супруга старообрядка из семьи Субботиных и их множество красивых детей, из которых самым старшим был Павел Фролов. 2-ой этаж предназначался для проезжих. Здесь И.Г. Гранё выбрал для себя большую светлую комнату в 4 окна [1, с. 377]. В 1915 г. многие катандинские мужчины призывались на фронт в действующую армию, в том числе и хозяин земской Фролов. Ученый оказался в Катанде как раз в тот момент, когда

деревня провожала на фронт своих односельчан. Их печальные песни потом долго звучали в ушах исследователя. Уход Фролова отмечали во дворе в летнем доме [1, с. 377 — 377].

Й.Г. Гранё дал социокультурную характеристику уймонского старообрядчества. Уймонские староверы по его описанию — это здоровенные, румяные, бывалые охотники [1, с. 211]. Он встречал их в самых разных местах Алтая: на Чулышмане, Уймене, в Чебдарском ущелье, куда они забирались во время своих охотничьих странствий [1, с. 211 — 212]. Уймонские староверы прекрасно знали все верховые тропы и старинные китайские тракты, которыми широко пользовались для посещения старообрядческих сообществ Урянхая для сватовства или просто в гости [1, с. 329].

Финский ученый счел уймонское старообрядчество не религией и образом жизни, а некоей модой, которая в определенных кругах и в отдельных семьях поддерживалась страхом вечных мук в загробном мире [1, с. 375]. Он отметил такие черты повседневного быта староверов: полное отсутствие курения, поклонение литым металлическим иконам, наложение на себя креста двумя перстами, старинную одежду: мужские кафтаны длиной до колена, женские сарафаны, уникальный старинный строительный стиль, не встречающийся в других местах Алтая. Старообрядцы коротко подстригали волосы на затылке и темени. На остальное же староверы, сделал вывод Й.Г. Гранё, не обращали внимания. В начале XX в. они употребляли водку, не все благополучно было и в нравственном отношении [1, с. 375].

Старообрядцам финский ученый симпатизировал, хотя и называл их лесовиками и разбойниками. В обращении они просты, отмечал исследователь, лично к нему часто обращаясь на «ты», и все они суеверны. Й.Г. Гранё упомянул старообрядческие предрассудки против употребления китайского чая, в котором по утверждениям уймонцев, содержалась змеиная кровь. На примере К.М. Субботина, служившего у него проводником в высокогорных экспедициях по горам Катунского и Северо-Чуйского хребтов, исследователь пришел к выводу, что мировоззрение староверов под влиянием местного коренного населения алтаизировалось. Так, К.М. Субботин, как и коренные жители края, искренне верил в таинственный мир природы, населенный духами гор,

озер, источников, тайги. «Краешек этого загадочного мира» открылся и самому Й.Г. Гранё при более близком знакомстве со своим проводником [1, с. 71]. С самого своего детства от старых людей К.М. Субботин усвоил представления о том, что на Столбах Катуня (то есть двухглавой вершине Белухи) обитают горные духи, а над Кучерлинским озером властвует настолько могущественный дух, что о нем нельзя упоминать, находясь в тайге [1, с. 70-71].

Научный интерес представляет описание ученым своего проводника, старообрядца К.М. Субботина. Куприян Михайлович Субботин, писал ученый, — старообрядец 73 лет, антропологически похожий на выходца из средней полосы России с примесью финно-угорского компонента. Своей массивной плотной фигурой он напоминал исследователю русского писателя Л.Н. Толстого [1, с. 68]. К.М. Субботин по наблюдениям Й.Г. Гранё, был на редкость суеверен, чем пользовался его 15-летний внук Павел Фролов, пугая деда поздними вечерами на привалах имитацией жуткого медвежьего рева. Суеверный проводник во время путешествий по горам не любил на привале оставаться в темноте, поэтому каждый вечер он на ночь разжигал огромный костер из валяжника. Исследователь описал несколько случаев, подтверждавших склонность старовера-проводника к суевериям.

На пути к истокам Катуня К.М. Субботин вместе с лошастью сорвался с высокого обрыва в бурный водопад: старик, писал Й.Г. Гранё, летел подобно древесной колоде, его дважды повернуло в водовороте, но он сам сумел выбраться на берег [1, с. 394]. Когда К.М. Субботин второй раз упал с лошади, то он счел, что злые духи не хотят его посещения истоков Катуня и подножья Белухи. Ученому стоило больших усилий уверить своего старого проводника в том, что, наоборот, добрые духи каждый раз его спасают для того, чтобы он еще раз увидел Белуху.

Горно-алтайский период научной деятельности ученого закончился в конце 1916 г. В будущем Й.Г. Гранё намеревался продолжить исследования в высокогорном Алтае, но помешала революция 1917 г. После распада Российской империи в 1917 г. ученый остался в Финляндии, отделившейся от России, и ему больше никогда не довелось побывать в Горном Алтае. Его труды являются важнейшими исследованиями не только по истории науч-

ного изучения высокогорного Алтая, но и по истории и культуре старообрядческого, старожильского и алтайского населения юго-западной части Горного Алтая этого времени.

Литература

1. Гранё Й.Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. М.: «Индрик», 2012. — 608 с.

2. Мукаева Л.Н. Горно-алтайские проводники в изыскательских экспедициях досоветского времени (к постановке проблемы) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Материалы международной научно-практической конференции / Отв. Ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: Издательство: РИО Горно-Алтайского государственного университета. 2014. С. 340-348.

3. Мукаева Л.Н. Экспедиционные исследования финского геоморфолога Й.Г. Гранё в Северо-Восточном Алтае в начале XX в. // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (Археология, этнография, устная история). Вып.13: Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр ГАГУ, 2018. С. 56-65.

4. Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912. — 166 с.

Э.П. Чинина, Т.Н. Юрченко

Литературные зарисовки в прозе Дьергелей Маскиной

Аннотация: В центре статьи — литературный жанр зарисовки в творчестве представителя современной алтайской литературы Дьергелей Маскиной. Анализ «Зарисовок» приводит к выводам об особой концепции творчества писателя, вырастающей из национальных представлений о жизни в целом.

In the center of the article there is a literary genre of sketches in the works of Dyergelya Maskina, the representative person of modern Altai literature. The analysis of her «Sketches» leads to conclusions about the special concept of the writer's work, which grows out of national ideas about life in general.

Ключевые слова: Дьергелей Маскина, алтайская литература, литературные зарисовки, национальный характер | Dyergelya Maskina, Altai literature, sketches, national character

По наблюдению М. Эпштейна, «художественно-беллетристические и понятийно-логические формы оказываются чересчур тесными для творческого сознания XX века, которое ищет реализации в сочинительстве как таковом, во внежанровом или сверхжанровом мыслительстве-писательстве, первоначально развитом в жанровой форме эссе» [1].

Эссе воплощается в различных литературных формах, в том числе, в литературных зарисовках. Жанр литературной зарисовки раскрывает личность и творчество писателя изнутри его собственных эмоций и переживаний. Пожалуй, в качестве основной жанровой черты выступает отсутствие сюжета и прописанных персонажей. Являясь небольшим по объему фрагментом (отрывком), литературная зарисовка, как правило, фиксирует субъективные моменты встречи автора в потоке жизни — с другим человеком, животным или природным явлением, а в итоге происходит узнавание самого себя.

В зарисовке автор обращается к ситуации одномоментной и локальной. Эмоциональность, динамичность, ассоциативность, нередко публицистичность отличают литературную зарисовку. Зарисовки Дьергелей Маскиной — представителя современной алтайской литературы, начавшей свой творческий путь в 1970-е годы, — это жанровый диалог с русской классикой (И.С. Тургенев), с литературой XX века (В. Солоухин, А. Солженицын). Ее зарисовки — важное звено в индивидуальной системе писателя, они создают атмосферу творческого видения мира, связанного с жизненным опытом женщины-алтайки.

Двадцать шесть зарисовок образуют цикл, в котором главным художественным образом становится образ Алтая. От начальной зарисовки «Аромат Родины» до финальной — «Осенний Алтай» художник создает целостный национальный мир.

В восприятии родного места участвуют все органы — зрения, слуха, обоняния. Весна, лето, осень описаны как смена разнообразных запахов природы. Художественная изобразительность зарисовки основана на приеме синестезии. При помощи этого приема часто в творчестве выражается романтический идеал, связанный с воспоминаниями. В зарисовке Д. Маскиной первый весенний «аромат родины» — «зеленый»:

Весной он зеленый, жизнедарящий. Когда в предгорьях появляется первая зелень, и на ней дети и ягнята играют вместе — пахнет детством [2, с. 91].

Здесь, как видим, совмещаются видовые признаки зарисовок — пейзажный и ассоциативный. С чего начинается восприятие родины? С памяти о детстве. Эта память становится условием исцеления. Возвращение домой — возвращение чувства жизни: «когда на солнцепеке на тонюсеньких ножках прорастают дикий лук и чеснок, своим кислым и сильным запахом напоминая о новой весне — тянет домой, как к последнему целителю» [2, с. 91]. Далее идет описание запахов по времени суток и места: «после заката солнца» — «терпкий густой аромат весеннего лога», «сырой запах молодой листвы», после дождя к вечеру — «запах свежих лиственных дров», «легкого белого дыма из жестяных труб, овечьей шерсти, а чуть позже запахнет мокрым теленком и парным

молоком» [2, с. 92]. Как видим, описание динамично — в зарисовке происходит тонкая едва уловимая смена одного запаха другим. Утренние запахи — «аромат подросшей за ночь травы и согревающейся земли». В описании выражается чувство автора, возникающее от переживаемых ощущений — доверие к миру и чувство безопасности, защищенности. Есть еще один семантический оттенок — религиозного поклонения жизни («Хочется молчать и жить» [2, с. 92]).

Следует отметить, что образ тишины, молчания является лейтмотивом в сборнике прозы «В горной тишине», что соответствует его названию. Интересны эпитеты для осеннего аромата родины: «умиротворенный» и «оценивающий». Второй эпитет — импрессионистический — есть впечатление самого автора об осени, оценка этого времени года, как времени жизни, когда существует потребность подвести итоги сделанного, сотворенного. Оценка часто связана с анализом, т.е. более сухим рациональным подходом к жизни. Так, например:

Осенью воздух суше и реже, больше пахнет увядшей травой, преющими листьями. Особо пахнет плодами. Зрелой жизнью. Аромат весомый, насыщенный, проникающий [2, с. 91].

Но постепенно земля засыпает и «благовония» уходят:

Теперь по утрам стоит запах покоя [2, с. 92].

Последняя строчка зарисовки отрицает утверждение в том, что данный жанр не содержит проблемы. Как видим, проблема поставлена:

Если ты не помнишь и не носишь в сердце аромат родины, жив ли ты? [2, с. 92].

Это проблема ценности человека и его внутреннего мира, константой которого является любовь к родине.

Тема любви к Алтаю звучит и в зарисовке «Родная симфония». Но здесь она выражена преимущественно через слуховые, музыкальные образы. Главным персонажем является ветер. Он и ис-

полняет симфонию природы: «зашумели могучие лиственницы», «зашумела молодая поросль», «березы начали трепетать», «лесной шорох <...> стал спускаться ниже». Движение ветра идет вниз, порождая новые звуки — тальника, жимолости, травы, цветов. В мелодию вплетаются голоса птиц и животных. Затем симфония таежного ветра затихает: «его дивный напев становился все тише и тише, пока совсем не смолк». Дополнительный штрих глубокого переживания родины, композиционно завершающий зарисовку в том, что эту симфонию природы «может слышать только ухо алтайца...» [2, с. 92]. Последний штрих — рисунок вечности: «И здесь я останусь» [2, с. 92].

Звуковые образы, наряду с обонятельными и слуховыми, также являются ведущими в создании мира национальной природы и личного внутреннего мира. Природная соносфера, как и сфера запахов, градуирована от начала к концу зарисовки («еле слышная» таежная река, «шуршит сухая трава», «осенний шелест» и — «тишь да покой»). В целом национальный мир расценивается как гармоничный, а сопоставление земли, уходящей на покой, со «старенькой молчаливой бабушкой» добавляет семантику родства с природой, понимания ее мудрости, связанной с образом тишины.

В концепции жизни, поддерживаемой автором и соответствующей национальным представлениям, приоритетная роль принадлежит мотиву тишины. В рассказах Маскиной, в повестях, а также в цикле «Зарисовки», объединенных при издании в одной книге «В горной тишине», мотив наделяется различными семантическими оттенками, дополняемыми друг друга. Во-первых, это связь с родным местом (что передается через название), во-вторых, тишина — как поведенческая составляющая культуры алтайцев. Жить тихо — не бросаться в глаза людям, а если удивлять людей, то не своим внешним видом и непохожестью на других, а кротостью и чистотой. Об этом миниатюра «Зонтик» из цикла «Зарисовки», смысловая доминанта которой перекликается с пословицами алтайского народа (например, «Уйдын бажинда да, уйдын учында да болбо!» (досл. *алт.* «Не будь во главе стада [коров], не будь позади стада [коров]!»)).

С мотивом тишины связана у Маскиной тема творчества. В цикле «Зарисовки» эта тема присутствует латентно в большин-

стве миниатюр. А так как зарисовки Маскиной отличаются исповедальностью, то и отношение к творчеству часто прямо проговаривается повествователем. Творчество для Дьергелей Маскиной — это признание в любви своей малой Родине: «сверкающим вершинам», «молчаливым и мудрым» землякам («Кулады»). Сердце художника должно быть заполнено — образами из прошлого, любовью, трудностями, тоской, горечью, страданиями тысяч сердец — тогда оно живет. «Тихая боль» на сердце — состояние поэта, которое не все видят и понимают. Для большинства поэт — «только крыльями машет, как разноцветная бабочка». Но сердце поэта открыто для всех, «в судьбе поэта, как в зеркале, отражается судьба народа» (миниатюра «Одному парню»). «Ти-и-хая боль» в сердце связана с размышлениями и переживаниями автора за судьбу родного края. И хотя вокруг «стоит божья благодать — тишь да покой», но «в сердце ти-и-хая боль, будто что-то невосполнимое потеряно, будто очень дорогое уходит...» [2, с.117].

Тишина — как состояние, в котором рождается откровение («Как тихо. Впервые не тревожно» [2, с. 209]). Тишина — покой — благодать как человеческое состояние, в котором обретается истина, знаемая старыми людьми (у Маскиной это бабушка, Мать, которая умела ценить простоту). И это важное человеческое состояние соотносимо с «облагораживающей красотой и величавым покоем» родной земли (повесть Маскиной «Белые цветы (Из дневника одинокой женщины)»).

Зарисовки, как и рассказы, дают представление о современной жизни, о современном обществе, нравы в котором идут вразрез с традицией и национальными устоями, о чем с болью говорит автор [3]. Образ настоящего времени создается в цикле за счет сопоставления, доходящего до прямой антитезы. Так, в зарисовке «Сельская королева» рассказывается история красивой алтайской девочки, воплощающей народный идеал красоты. «Густые, волнистые черные волосы, рассыпавшиеся по спине, блестели на солнце. На бело-розовом личике мерцали, как звездочки, красивые черные глаза. Высоко поднятые брови напоминали крылья взлетевшей птицы. Губы были как бы нарисованы великим художником. Я в жизни не встречала такой дивной человеческой красоты» [2, с. 109]. Ее же портрет через семнадцать лет выводит

автора из эмоционально ровного состояния, заставляя воскликнуть:

Ну что мы за народ! Не умеем ценить все хорошее и прекрасное, не даем им возможности расцвести в полную силу. Какой великий грех лежит на нашем народе! [2, с.109].

Так или иначе, автор от частных историй земляков, от своей судьбы выходит к судьбе алтайского народа, к судьбе Алтая.

Родному селу посвящена зарисовка «Кулады», где возникает тревожная нота разлуки и невозможности осуществления романтического идеала:

Ласточкой хотела свить гнездо в своих горах... Дитем обласканным хотела жить среди родных. Не вышло [2, с. 94].

Но одновременно идеал Дома — Алтай утверждается в творчестве:

А зерно моего творчества, мой стойкий дух и светлые мысли — от сверкающих вершин, от этого крохотного уголка земли, от дорогих мне земляков [2, с. 94].

В зарисовках выражена тема мировой культуры, предупреждение о необходимости преодолевать узость восприятия, национальные рамки собственной культуры, семьи, земли. Как женщина автор дает совет другим замужним женщинам в зарисовке «Цветы и музыка»: «не сторожите порог дома, выйдите на улицу. Наперекор всему оденьтесь нарядно, идите к поляне, где много цветов» [2, с. 94]. В тексте возникает два мира — родного Алтая и всей земли. Необходимо постоянное движение. Другие национальные миры могут быть освоены изнутри через искусство и воображение.

Тема культуры продолжена в зарисовке «Новая книга»:

Какое счастье — уметь читать. Книга добрым прибавит ума, раба избавит от унижения, позовет на борьбу за свободу... Книга незаметно для тебя зажигает надежду на лучшее, как большой огонь вдалеке, когда ты потерял дорогу ночью [2, с. 95].

В зарисовках, посвященных теме любви, звучат мотивы одиночества и разделенного счастья, благодарности и радости. В них кроме личной темы выражена забота о сохранении алтайской семьи. Поэтому часто лирический текст приобретает форму совета и благопожелания в духе национальной культуры.

Зарисовки Д. Маскиной разнообразны по своему содержанию и интонации. Они имеют довольно четкую разработанную образную систему. Но в них нет определенного сюжета, если не говорить о развитии лирического сюжета. По тематике литературные зарисовки Д. Маскиной близки ее рассказам: о малой родине, об особенностях национальной культуры, национальном характере, о судьбе алтайского народа, творчестве, о жесткой современности, природе и любви. Д. Маскина как рассказчик сумела передать в малой жанровой форме свое видение национального мира в его изяществе и эстетической новизне, открывающей красоту алтайского слова и чувства. Это не философские сентенции, это, скорее, заметы сердца, размышления. Здесь, как и в рассказах, утверждается народный взгляд на жизнь: терпение, принятие малости, кротость, жертвенность. Дальнее отрицается в пользу земного, ближнего.

Литература

1. *Эпштейн М.* Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М., 1988. https://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/43.htm.
2. *Маскина Д.* В горной тишине / Маскина Д. Горно-Алтайск: «Юч-Сюмер — Белуха» РА, 2005. — 216 с.
3. *Чинина Э.П., Юрченко Т.Н.* Женская проза в современной алтайской литературе // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: изд-во Алт. ун-та. Вып.7. С. 208-216.

В.Н. Карпухина

**Диалог культур в публицистике
Г.Д. Гребенщикова**

Аннотация: Статья посвящена изучению диалога культур в публицистических статьях Г.Д. Гребенщикова об Алтае, которые встраиваются в аксиологическую парадигму его предшественников, этнографов и просветителей Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Основная цель статьи — выявить сходства и различия аксиологических парадигм публицистических текстов об Алтае на рубеже XIX-XX вв., посвященных диалогу культур разных народов, живущих на территории Алтая. Материалом статьи являются публицистические статьи и очерки, созданные Г.Д. Гребенщиковым.

The paper considers dialogue of cultures in the publicistic texts about Altai by George Grebenstchikoff, which are analyzed in the course of the axiological paradigm of his literary ancestors, ethnographers and enlighteners, Grigory Potanin and Nikolay Yadrinsev. The paper aims at similar and different features in the axiological paradigms of publicistic texts about Altai in the late 19th — early 20th centuries, which are connected to the dialogue of cultures of different nations living in Altai at that time. The paper deals with publicistic articles and essays by George Grebenstchikoff.

Ключевые слова: диалог культур, аксиологическая парадигма, публицистика, Г.Д. Гребенщикова | Dialogue of cultures, axiological paradigm, publicistic texts, George Grebenstchikoff.

Тексты Г.Д. Гребенщикова рассматривались в разных аспектах: историко-филологическом [1; 2; 3; 4; 5], лингвостилистическом [6], интертекстуальном [7; 8; 9] и др. Мотив «ученичества» и «наследничества» в текстах Г.Д. Гребенщикова достаточно подробно рассматривался в работах [4; 10], при этом сам Гребенщикова называл своими учителями многих русских писателей и общественных деятелей, в частности, Л.Н. Толстого, М. Горького и Г.Н. Потанина. И если с Горьким литературные отношения развивались достаточно сложно (см.: [4]), то

восторженные воспоминания о Г.Н. Потанине, по словам самого Гребенщикова, тот же Горький назвал «акафистом» [11].

В очерке «На склоне дней его (из воспоминаний о Гр. Ник. Потанине)» Гребенщиков приводит цитату из потанинского письма:

И, наконец, когда вышли первые мои книги сибирских рассказов, я получаю в Петербурге письмо от Г.Н. Потанина, из которого отчетливо помню очень взволновавшие и смутившие меня строки: «Знамя Ядринцева лежит не поднятым, и я думаю, вы должны его поднять и понести в будущее» [11].

В статье рассматриваются публицистические тексты Г.Д. Гребенщикова (очерки «Алтайская Русь», «Моя Сибирь», «На склоне дней его (из воспоминаний о Гр. Ник. Потанине)»), Г.Н. Потанина (очерк «Алтай»), Н.М. Ядринцева (очерк «Алтай и его инородческое царство», статья «Сибирская Швейцария»). Основная цель статьи — выявить сходства и различия аксиологических парадигм публицистических текстов об Алтае на рубеже XIX-XX вв., посвященных диалогу культур разных народов, живущих на территории Алтая. Объект рассмотрения в данном исследовании — публицистические тексты об Алтае на рубеже XIX-XX вв., связанные с осмыслением диалога культур разных народов Алтая и определяющим участием русского населения в этом диалоге. Предметом рассмотрения являются аксиологические приоритеты текстов Г.Д. Гребенщикова в локальном тексте об Алтае, меняющиеся на рубеже веков.

Ключевыми аксиологическими приоритетами публицистического дискурса писателей, просветителей и этнографов — таких, как Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, — на рубеже XIX-XX вв. можно назвать следующие принципы: этнографическое представление описываемых территорий и народов в сопоставлении с другими странами и народами; литературно-художественное, отчасти романтизированное представление о взаимоотношениях природы описываемой территории и ее населения; объективность повествования (за счет введения в беллетризованный нарратив фигуры путешественника и его спутников); просветительская направленность нарратива; борьба за права «инородческого населения» описываемых территорий. Большинство данных принци-

пов четко выражены в публицистических текстах и Потанина, и Ядринцева, будь это историко-этнографические статьи, бытописательские «очерки о нравах» или отчеты об этнографических экспедициях по Сибири.

Выражение этих аксиологических приоритетов с помощью символических образов позволяет наглядно представить для целевой аудитории как позитивно оцениваемый «образ прошлого» в диалоге разных народов и культур, так и предполагаемый «негативный образ будущего», моделируемый в сознании воспринимающего. Изначально описывая или моделируя определенную аксиогенную ситуацию, публицисты на рубеже XIX-XX вв. активно используют в своих текстах воздействующие средства художественного дискурса. Под аксиогенными ситуациями В.И. Карасик понимает «ситуации, осмысление которых прямо связано с определением ценностей» [12, с. 7]. Учитывая, что «список аксиогенных ситуаций очень велик и в определенном плане соотносим со списком сюжетов в мировой литературе» [12, с. 8], мы можем определить основную аксиогенную ситуацию просветительского публицистического дискурса как ситуацию описания экологической и этнографической катастрофы, происходящей (или уже произошедшей) на описываемой территории.

Так, например, в ситуации этнографического представления описываемых территорий и народов в сопоставлении с иными странами и народами Г.Н. Потанин в очерке «Алтай» сравнивает Алтайские горы со Швейцарией:

Из русского Алтая можно выкроить целых три Швейцарии», называет плоскогорье Укок (в его написании «Укэк») «алтайским Памиром» [13, с. 300].

Н.М. Ядринцев, вторя Потанину, называет свой очерк об Алтае «Сибирская Швейцария» [14, с. 83]. Эти сравнения горных систем Алтая с высочайшими и красивейшими горными системами мира, безусловно, задают с самого начала повествования авторскую высокую оценку описываемых земель. Г.Д. Гребенщиков в очерке «Моя Сибирь» не просто встраивает свой текст в данную парадигму оценок, но и развивает идеи о всемирном родстве народов, живущих в Сибири и в других частях земного шара,

например, в Америке [15, с. 369]. «Светозарный Алтай» в данном случае оказывается едва ли не прародиной всего человечества:

Именно отсюда, с южных и восточных склонов Алтая и с равнин Семиречья, стали растекаться по всему миру человеческие расы [15, с. 400].

Подобное антропологическое и культурологическое допущение о происхождении рас в тексте очерка Гребенщикова появляется не в последнюю очередь благодаря одному из самых известных этнографических отчетов о поездке по Алтаю Н.М. Ядринцева, опубликованному в 1882 г. в «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» [16]. Ядринцев пишет:

В средней Сибири инородческое население является вкрапленным среди русского, на окраинах оно представляет сплошную массу. Русские, застав инородческое царство в Сибири, только раздвинули инородцев и оттеснили их к окраинам. <...> Два видных явления вследствие этого отражаются на жизни и истории Сибири. Первое — слияние и скрещивание с инородцами, которое отражается на русских жителях изменением типа и восприятием инородческих привычек. Второе — воздействие на инородцев русской народности [16, с. 108].

Второй тип влияния Ядринцев оценивает крайне негативно, в качестве основного аксиологического приоритета выдвигая необходимость сохранения самобытной культуры «инородческого царства» на Алтае:

К таким весьма мало известным племенам принадлежит алтайская народность, несмотря на то, что значение ее в истории Сибири огромно [16, с. 108].

Называя Алтай «колыбелью народностей», Ядринцев рассуждает о возможном «слитии рас» на данной территории [16, с. 111] и дает подробнейшее этнографическое описание живущих на данной территории народов.

Литературно-художественное описание природы Алтая и его жителей в публицистическом дискурсе рубежа веков создает осо-

бую романтическую ситуацию восприятия прошлого как «потерянного рая» и техногенного будущего, губящего красоту природы. Н.М. Ядринцев, осмысляя приход русского крестьянина на алтайские земли, сравнивает данную ситуацию с западным явлением «скватерства» [17, с. 277], самовольного заселения и вытеснения «инородцев» с их традиционными промыслами в не пригодные для жизни районы.

Используя этнографические метафоры Ядринцева (колыбель народов, слияние рас), Г.Д. Гребенщиков развивает данную аксиогенную ситуацию до «сантиментального дон-кихотства», идеи о необходимости «братского единения всех народов», живущих на сибирской земле [15, с. 385]. Однако в аксиологической парадигме Гребенщикова, при всем его интересе к этнографической и антропологической составляющей истории «инородческого царства» на Алтае, проскальзывают ноты «великодержавного» отношения к малым народам Сибири и Алтая:

Да, если есть на свете маленькие народцы, которые способны стать великими за истинное проявление любви, то это именно алтайские народы [15, с. 410].

Гребенщиков говорит о русской нации с достаточной долей гордости как о нации великодержавной:

Как и всякая многочисленная и великодержавная нация, русские люди, по преимуществу господствующего православного вероисповедания, несмотря на все свое бесправие и невежество, свысока смотрели всегда на «немчуру», на «хранцузика», на «агличанку» и прочих «заморских людей». С тем большим пренебрежением стали они относиться к разноплеменным полудиким «нехристям» тотчас, как только вслед за Ермаком пришли в Сибирь. ...Тяжелая и неуклюжая русская хозяйственность сумела вскоре не только подчинить полудикие народцы, но она сумела и расположить их в свою пользу и, по мере надобности, приручить [15, с. 382-383].

Подобные оценки становятся возможными в текстах очерков Гребенщикова за счет принципиального изменения роли нарратора в публицистических текстах по сравнению с ситуацией в текстах Потанина и Ядринцева (см. наблюдения над разными

ипостасями нарратора в военной публицистике Гребенщикова в: [5]). Несмотря на принципиальную беллетризованность публицистического нарратива в текстах Потанина и Ядринцева, фигура рассказчика в них придает определенную объективность повествованию и ориентирована на то, чтобы показать возможность диалога культур между разными народами.

Нарратор Потанина и Ядринцева — ученый-путешественник, проходящий по неизвестным территориям и описывающий их для грядущих поколений (Путешественник, приближающийся к этой части Алтая от Барнаула, синеву предгорий начинает различать уже от станции Белоглазовой... [13, с. 305]; Колыванское озеро и Колыванская фабрика редко посещаются приезжими, потому что они расположены в глуши и вдали от главного сибирского тракта, но кто из путешественников заглядывал сюда, выносил самые яркие, самые неожиданные впечатления [14, с. 85]).

Нарратор в публицистических текстах Гребенщикова принципиально вымышлен и идеологизирован, его путь — это путь умозрительный:

Однако, признавая подобные догадки преждевременными, мы, вместо размышлений о всемирном потоке, сделаем примерное путешествие через всю Сибирь по великому сибирскому пути от Урала до Владивостока и мимолетно проследим как за очертаниями самой природы, так равно и за расселением народов и за приблизительным расположением главных городов Сибири. Вот мы выехали из Москвы через Самару на Сибирь и на третий день наш поезд мчится по Уралу... [15, с. 378].

Условностью весьма пристрастного и идеологически ангажированного нарратора объясняются и его экскурсии в историю (от времен Аввакума до времен адмирала Колчака) на протяжении всего «примерного путешествия». В этом смысле аксиологические приоритеты публицистического дискурса Г.Д. Гребенщикова существенно отличаются от аксиологической парадигмы его учителей и предшественников.

Подобная ситуация наблюдается и в случае обращения к религиозным воззрениям «инородцев». В текстах Потанина и Ядринцева нарратор занимает принципиально просвещенческую позицию, не принимая те или иные религиозные положения, но пода-

вая их как аксиологически значимые для понимания культуры других народностей:

Мне осталось коснуться религии и мирозерцания черневых татар и алтайцев, у которых много общего, как в деле культуры, так и в области религиозного мирозерцания. Эта народность сохранила связь с древнейшими религиями Азии, унаследовала их языческие мифы, наконец, пережила несколько стадий в религиозных воззрениях, поэтому представляет богатый материал для мифологии [16, с. 117].

Помимо алтайского шаманизма, Ядринцев рассматривает (в том числе и основываясь на статистических подсчетах) три религии, оказывающие влияние на сибирские народности: буддизм, магометанство и христианство [16, с. 121]. Нарратор-просветитель дает достаточно объективное описание влияния этих религий на алтайцев, приводя примеры разнообразных обрядов и молитв местным богам. Подобная объективность повествования помогает понять, что диалог культур вполне возможен.

Описывая шаманизм и бурханизм на Алтае, Г.Д. Гребенщиков доверяет повествование весьма скептически и иронически настроенному нарратору. Так, совершенно очевидна его ирония в пересказе эпических алтайских текстов о великане Канзе:

По рассказам некоторых алтайцев, русские даже сами о Канзе книгу написали, и книга эта у алтайцев была, только русские, боясь алтайского народа, переменили имя Канзы и назвали его Гулливер <...> [15, с. 413].

Та же «великодержавная ирония» присутствует и в пересказе легенд о хане Ойроте и встрече Чета Челпанова с мифическим Белым Бурханом [15, с. 414-422]. Главным аксиологическим приоритетом для Гребенщикова в религиозной сфере являются христианские ценности:

<...> у народа русского не может не быть того главного, что может сделать его никогда никем не победимым — это мудрой христианской милости» [15, с. 385].

В данном случае аксиогенная ситуация разрушения культурного и религиозного мира алтайских народов рассматривается Гребенщиковым сквозь призму необходимости повсеместного введения христианства и установления новых ценностей на территории «концерта сибирских народов» [15, с. 372].

В очерках Гребенщикова, провозглашавшего свое «наследничество» по отношению к Потанину и отчасти Ядринцеву, есть понимание «иного» собственного пути:

<...> видимо, я не оправдал надежд любимейшего своего учителя. Ни Горький не заразил меня “безумством храбрых”, ни Лев Толстой, одобрявший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, и ни Г.Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму ядринцевское, то есть его, потанинское, знамя — никто не сделал из меня своего честного последователя [11].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В ситуации представления возможного диалога русской и алтайской культур Гребенщиков разделяет некоторые из аксиологических установок публицистического дискурса своих предшественников, ученых, этнографов и просветителей рубежа XIX-XX веков, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. К данным установкам относятся романтизация географических и геологических описаний, беллетризация публицистического дискурса, опора на опыт авторитетных предшественников в науке и в литературе.

Другая же часть аксиологической парадигмы Гребенщикова сформировалась уже независимо от его опыта «ученичества» и «наследничества», и к ней относятся его аксиологические установки в представлении антропологической и идеологической составляющей истории — как локальной, так и всемирной. В этом смысле Г.Д. Гребенщиков оказывается носителем российской великодержавной православной идеологии, провозглашающей христианские ценности и необходимость братского единения разных народов на русской культурной почве.

Литература

1. *Черняева Т.Г.* Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул, 2002. С. 36-47.
2. *Казаркин А.П.* Сибирский классик // Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений: В 2-х тт. Томск, 2004. Т. 1. С. 584-596.
3. *Росов В.А.* Писатель Г.Д. Гребенщиков в Константинополе // Славяноведение. 2009. № 4. С. 91-101.
4. *Примочкина Н.* «Первым своим учителем считаю М. Горького». М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/48/prim-pr.html>.
5. *Мансков С.А., Семилет Т.А., Деминова М.А., Лукашевич Е.В.* Военная публицистика Георгия Гребенщикова в газете «Жизнь Алтая» 1916 года // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 19-29.
6. *Чернышова Т.В.* Смысломоделлирующие функции сравнений в рассказах Г.Д. Гребенщикова: опыт функционально-стилистической интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 30-41.
7. *Горбенко А.Ю.* «Слепые фарисеи» и «слуга народа»: идеология врага в автомифотворчестве Г. Гребенщикова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4. С. 126-129.
8. *Горбенко А.Ю.* К механизмам жизнестроительства Георгия Гребенщикова: Чураевка как реплика скита Сергия Радонежского // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 3. С. 193-197.
9. *Десятов В.В.* Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5-18.
10. Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., автор вступ. статьи, примеч. Т.Г. Черняева / прим. Т.Г. Черняевой (при участии В.К. Корниенко и К.В. Анисимова). Барнаул, 2008.
11. *Гребенщиков Г.Д.* На склоне дней его (из воспоминаний о Гр. Ник. Потанине). URL: <http://grebensh.narod.ru>.

12. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград, 2015.

13. *Потанин Г.Н.* Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков: В 4-х т. [сост. В.А. Скубневский и др.; редкол.: В.А. Скубневский и др.]. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 300-332.

14. *Ядринцев Н.М.* Сибирская Швейцария // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков: В 4-х т. [сост. В.А. Скубневский и др.; редкол.: В.А. Скубневский и др.]. Т. 2. Барнаул, 2007. С. 83-95.

15. *Гребенщиков Г.Д.* Моя Сибирь // Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений: В 2-х т. Т. 2. Томск, 2004. С. 369-437.

16. *Ядринцев Н.М.* Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня, члена-сотрудника отдела Н.М. Ядринцева в 1880 году // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков: В 4-х тт. [сост. В.А. Скубневский и др.; редкол.: В.А. Скубневский и др.]. Т. 2. Барнаул, 2007. С. 95-126.

17. *Ядринцев Н.М.* Алтай и его инородческое царство // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков: В 4-х тт. [сост. В.А. Скубневский и др.; редкол.: В.А. Скубневский и др.]. Т. 1. Барнаул, 2005. С. 267-296.

II. Дискурсивные практики

«...Во всех частях земного шара имеются свои, даже иногда очень любопытные, другие части»

К. Прутков

**И.А. Бедарева, Т.И. Орехова,
А.А. Алексеева, Л.Р. Ултарикова**

**Фольклорные и мифологические образы
в повести Николая Глебова
«Кара-Баарчык»¹**

Аннотация: Статья посвящена исследованию фольклорных и мифологических образов в повести Николая Глебова «Кара-Баарчык». Особое внимание уделяется центральным образам коня и птицы, которые тесно связаны с эстетическими и психологическими характеристиками главного героя и широко известны в славянском и тюркском фольклоре и мифологии.

The article is devoted to the study of folklore and mythological images in the story “Kara Barczyk” by Nikolai Glebov. Particular attention is paid to the central images of the horse and bird, which are closely related to the aesthetic and psychological characteristics of story’s protagonist and are widely known in Slavic and Turkic folklore and mythology.

Ключевые слова: Алтай, фольклор, мифология, образ, птица, конь | Altai, folklore, mythology, image, bird, horse.

Повесть Николая Глебова «Кара-Баарчык» была издана в 1946 году в Горно-Алтайске и явилась единственным в сороковые годы сочинением, не только хорошо принятым современниками писателя, но и заслуживающим внимания читателей иных поколений. В 1950 году повесть была отмечена премией на Всесоюзном конкурсе детской литературы, переведена на несколько языков народов СССР и вышла за рубежом [1, с. 3].

«Кара-Баарчык» — это повесть о детях и для детей, в центре ее сюжета — дружба двух мальчиков: алтайца Кара-Баарчыка и русского Яньки.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай в рамках научного проекта № 18-412-040005.

Центральными в повести являются образы *коня* и *птицы*, тесно связанные с эстетическими и психологическими характеристиками главного героя, Кара-Баарчыка. Кроме того, данные образы широко известны в славянском и тюркском фольклоре и мифологии.

Дав главному герою имя *Кара-Баарчык*, которое с алтайского переводится как *скворец*, и поставив имя в заглавие повести, Глебов тем самым изначально включил в произведение определенный мифологический подтекст. Скворец в алтайских и в русских языческих поверьях связан с приходом весны, с переменами к лучшему, с верой в светлое будущее. Так, услышав имя мальчика, один из персонажей повести — старик Барамай без сомнения отметил:

Кара-Баарчык — хороший знак. На Алтае скоро будет весна. <...> Смутная надежда в светлое будущее поселилась в сердцах простых людей [1, с. 25].

В повести нашли отражение легенды о природе, которые считаются очень поучительными и глубоко содержательными с точки зрения воспитания моральных качеств человека. В мифологии алтайцев являются распространенными поверья о том, что животные и птицы произошли от человека и, следовательно, все они обладают человеческими качествами [2, с. 15-16].

Так, например, алтайская легенда «Черный скворец» повествует о том, что *скворец* может разговаривать с разными животными и людьми и даже побуждать их к каким-либо действиям [3, с. 144-147].

А.М. Сагалаев, автор монографии «Урало-алтайская мифология: Символ и архетип», отмечает, что в алтайской мифологии прослеживается глубинная связь птицы и человека, так как «архаическое сознание урало-алтайских народов считало человека существом двуединой природы. <...> В обрядовых текстах манси предки именуется «семь крылатых, семь ног имеющих». Тем самым подчеркивалась приобщенность человека к миру пернатых. Согласно представлениям ваховских хантов, человек произошел от «крылатого зверя-духа», и потому первые люди были крылатыми. Отсюда уподобление человека птенцу...» [4, с. 85].

В повести Глебова именно главный герой получает имя и признаки птицы. Кара-Баарчык и внешне выглядит как забитый птенец, и отношения к нему окружающих близки к отношениям к птице:

Возьми в коробке калмычонка, унеси к себе в избу <...> только гляди, чтоб не убежал;

<...>

Точно загнанный зверек, Кара-Баарчык прижался в угол стены, не спуская глаз со своего мучителя;

<...>

Кирик, *точно птица*, бился в крепких руках зотниковского работника» [1, с. 4, 8, 28].

Здесь прослеживается соблюдение основного закона мифологического и фольклорного сюжетосложения, который, по словам О.М. Фрейденберг, «заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развивается в действие, составляющее мотив: герой делает только то, что семантически сам означает» [5, с. 338].

Прием характеристики персонажей через соотношение с птицей Глебов применяет и в отношении других действующих лиц. Так, Степанида, жена Прокопия, приютившего мальчика у себя дома, сравнивается с заботливой матерью-птицей:

Из избы выскочила Степанида, точно птица, увидавшая птенца в когтях коршуна, она понеслась к Кирику. Схватила на ходу брошенную палку и, задыхаясь от гнева, занесла ее над головой хозяйки» [1, с. 13].

Черты охотника Дьалтанбаса, нашедшего Кара-Баарчыка в лесу после побега от Зотникова, сходны с чертами орла:

Среднего роста, сильный, мускулистый, точно сотканный из жил, Дьалтанбас был настоящий таежный крепыш. Широкий овал лица с коричневым загаром, выдающиеся скулы, орлиный нос выдавали в нем принадлежность к древнему роду ирkitов [1, с. 22].

Не случайно Глебов вводит в текст произведения сцену истязания воробья мальчиком из богатой семьи — Степанко:

Однажды ребята, играя на дворе, поймали воробья. Степанко предложил привязать его на веревочку и, подбрасывая в воздух птенца, они носились с ним вперегонку. Слабо трепыхая крыльями, воробья то взлетал вверх, то летел низко над землей, пытаясь вырваться от своих мучителей. С разинутым ртом, с трудом дыша, он упал недалеко от изгороди. К нему рванулся Тарзан. Отпихнув щенка ногой, Янька бережно поднял птенца и стал раскачивать его в руке. Воробья закрыл желтый ободок глаз и казался мертвым.

— Отпустить надо, а то пропадет, — сказал Янька Кара-Баарчыку и передал ему птенца. — Покачай.

Найденыш пустил ему слюну в рот и стал раскачивать.

Неожиданно Степанко выбил воробья из его рук и, схватив, помчался с ним к дому. Ребята за ним. Настигнув его возле крыльца, они уцепились за обидчика.

— Отдай воробья!

Степанко с силой сжал его в руке и тот, слабо пискнув, вытянул ноги.

— Возьмите! — бросив ребятам мертвого птенца, он поднялся на первую ступеньку крыльца и плюнул на Кара-Баарчыка [1, с. 8-9].

Данную сцену в определенной степени позволительно считать метафорическим выражением жизни Кара-Баарчыка, но только воробей погибает, а мальчик борется, становится сильным и продолжает жить. Это, прежде всего, связано с тем, что герой обрел новую семью, товарищей и верного друга — Яньку. Дружба с русским мальчиком помогает Кара-Баарчыку выжить и окрепнуть, эта дружба становится одним из центральных мотивов повести.

Так в повести находит отражение фольклорный мотив побратимства, который является традиционным и для русского, и для алтайского эпоса:

Боевое содружество в эпосе нередко принимает форму побратимства. В период военной демократии складывался исторически новый тип отношений, основанный на дружинной верности между воинами, не связанными ни родственными узами, ни даже общностью территориальной, людьми совершенно незнакомыми друг другу, пока их не свела воинская судьба. Присяга же на верность друг другу сохраняла старую форму обычая побратимства и принятия в род [6, с. 96].

Симптоматично, что первая встреча Кара-Баарчыка с Янькой подобна яркой солнечной вспышке:

Когда яркое солнце брызнуло лучами в окно, он (Кара-Баарчык) проснулся и с удивлением посмотрел на сидящего рядом с ним белокурого мальчика [1, с. 5].

Мотив дружбы в повести тесно переплетается с мифологическим мотивом о мудром коне — друге, который чрезвычайно развит в общемировом, в славянском и в алтайском эпосе. Именно Янька дарит Кара-Баарчыку игрушечного коня и тем самым способствует усилению этого образа, его сюжето- и смыслообразующей функции в произведении.

Следует подчеркнуть, что автор особое внимание уделяет именно мифологическим образам-мотивам *коня* и *птицы*, и именно они являются концептуальным выражением фольклорно-мифологической системы произведения Николая Глебова, структурные элементы которой автор берет, почти в равных долях, и в славянской, и в алтайской культурах.

В повести Глебова сближение главного героя с образом птицы проходит в процессе повествования путь преобразования от загнанного, незащитного «птенца» до человека — сильного и свободного духовно. Несмотря на все трудности, встречающиеся на пути главного героя — Кара-Баарчыка, прослеживается стремительное движение к лучшему, к победе справедливости. И это стремительное движение вперед раскрывается прежде всего посредством двух центральных зооморфических образов, имеющих непосредственное отношение к мифологии алтайцев и русских — это, как уже было сказано, образы птицы и коня, которые в конце повести сливаются в один образ-символ — птицы-коня, символизирующий победу и являющийся главным смысло-, сюжето- и структурообразующим образом в повести.

Аналогичный образ-символ птицы-коня имел место и в культуре других народов. Так, исследования А.Н. Афанасьева свидетельствуют о том, что «у многих народов находим мифическое представление стихийных явлений в образе птицы и коня, которое возникло из одного общего им впечатления быстроты», и далее: «По свидетельству всех индоевропейских народов, птица

была некогда священным образом ветра, молнии и света; стихиям этим были приписаны свойства птицы, и наоборот: с птицами соединялись мифологические представления, заимствованные от стихий. <...> Значение птиц в области мифологии придало им характер вещей (т. е. предвещающих будущее)» [7, с. 145, 147-152]. Впечатление быстроты сблизило стихии и с птицею, и с конем, а сказочные кони наделялись крыльями, что роднило их с мифическими птицами [8, с. 147-148].

Образ вещей птицы четко прослеживается и в повести Глебова, так как главный герой отождествляется со скворцом, предвещающим перемены.

В.Я. Пропп также отмечает характерную в мировой мифологии ассимиляцию коня с птицей — крылатого коня, который, собственно, и есть птица-конь [9, с. 139-178]. Конь также играет важную роль во многих мифологических системах Евразии [10, с. 666].

Важность образа коня отмечал известный исследователь тюркского фольклора С.С. Суразаков: «В тюркских эпических сказаниях конь занимает центральное место, наряду с самим богатырем, о жизни и подвигах которого ведется повествование» [11, с. 34]. Следует отметить, что в традиционном эпическом сказании, вне зависимости от его этнической принадлежности, является особенно важной именно первая встреча героя и коня, так как эта встреча predetermined высшими силами. «Батыр или сам выбирает коня, или ему предлагает табунщик <...>, или, по условию, батыр должен выбрать коня, который сам оглянется на будущего хозяина или попадет на укрюк, причем это повторяется трижды, так как батыр недоволен экстерьером коня» [11, с. 202].

В повести Глебова также присутствует принцип троичности в отношении встречи героя и коня, и влияние на это событие высших сил. Так, первое появление главного героя и коня на страницах повести происходит практически одновременно. Более того, мальчик спасается от голодной смерти только лишь благодаря лошади Евстигнея Зотникова:

Вдруг лошадь остановилась и беспокойно запряла ушами. Евстигней проснулся и лениво подстегнул коня.

— Н-но-о!

Лошадь не двигалась.

— Что за оказия? — Зотников вылез из тарантаса и остолбенел. На дороге лежал труп женщины, судя по лицу, алтайки. Возле нее сидел мальчик лет девяти, похожий на высохший скелет. Охватив тонкими, как плеть, руками голые колени, он плакал беззвучно. По его лицу, оставляя грязный след, катились крупные слезы» [1, с. 3].

Другая значимая встреча мальчика — со вторым конем — происходит на праздновании Рождества в доме Зотникова. Именно в этот момент у Кара-Баарчыка возникает желание иметь коня. В это же Рождество друг Янька подарил Кара-Баарчыку игрушечную лошадку и, как уже упоминалось выше, поспособствовал сближению коня и мальчика.

Встреча главного героя с третьим конем произошла в гостях у охотника Дьалтанбаса, в результате которой мальчик окончательно был охвачен мечтой о том, чтобы промчаться на коне:

Кара-Баарчык знал коня Дьалтанбаса. Это была небольшая сухопарая лошадь с развитой грудью на тонких жилистых ногах. Вдоль спины, начиная от мягкой волнистой гривы до хвоста, шла темная как ремень полоска — признак породности. Конь имел красную голову, со лба которой опускалась пышная челка, достоящая до темных агатовых глаз. Сдерживая схватившее волнение, Кара-Баарчык спросил:

— А кто поедет на буланом?

Дьалтанбас, скрывая улыбку, ответил:

— Самый отважный из вас. <...>

Мечта мчаться на буланом коне охватила Кара-Баарчыка» [1, с. 35-36].

В контексте повести и в контексте нашей работы представляется важным указание на масть коня — буланный, то есть имеющий рыжий цвет. Данный цвет коня, по В.Я. Проппу, соответствует образу огненного коня [9, с. 148]. Такой конь в контексте православной культуры ассоциируется с образом Архангела Михаила, то есть со схваткой и победой над силами зла. В.П. Ойношев отмечает, что образ коня с рыжей мастью является наиболее распространенным в алтайском эпосе, так как «рыжая масть коня ассоциируется с цветом огня и солнца» [12, с. 15].

Кульминационной в развитии мотива коня-птицы является сцена соревнований наездников. Здесь происходит окончательное слияние мальчика и коня:

Нагнав арабского коня, Кирик в третий раз ударил буланого нагайкой и выскочил вперед.

— Дорогу! Дорогу! — прозвенел его голос, и толпа народа шарахнулась. По узкому коридору, бешено работая ногами, первым промчался алтайский конь [1, с. 47-49].

Победа Кара-Баарчыка в скачках стала преддверием Преображения: он хоть и не стал свободен физически, но преобразился духовно. Христианский мотив Преображения в повести также тесно связан с образом Рождественского дерева — ели. Как уже упоминалось выше, встреча Кара-Баарчыка с игрушечным конем произошла в доме Зотникова именно в Рождество, и именно в руках игрушечного старика с бородой, стоящего под елью, находился желанный конь:

Переступив порог, он остановился изумленный. В середине большой комнаты, увешанная разноцветными игрушками, вся в огнях сверкала елка. Вокруг нее, взявшись за руки, кружились нарядно одетые дети.

Найденыш, затаив дыхание, не мог оторвать взгляда от невиданного зрелища. У самого основания стоял в белом тулупе и такой же шапке, опираясь на палку, длиннобородый старик. В одной руке он держал корзинку, из которой выглядывала чудесная лошадка. С ее гордой шеи спускалась черная грива, и бисерные глаза деревянного коня горели при свете елочных свечей. На лошадке была узда и лакированное седло с серебряными стремянами, с подфеей. Белый старик безучастно смотрел на веселящихся детей и стоял неподвижно.

Точно очарованный, Кирик не спускал глаз с елочного деда с конем [1, с. 19].

Эту встречу можно назвать кульминационной в жизни главного героя, так как только после нее у Кара-Баарчыка появились силы противостоять своим обидчикам.

В то же Рождество друг Янька дарит Кара-Баарчыку деревянную лошадку, выступая в данном случае в образе друга-дарителя:

Правда конь был хуже, чем тот, которого Кирик видел на елке, вместо черной волосяной гривы свисала мочалка, и не было седла, но зато это был настоящий конь на деревянных колесиках и хвост держал трубой.

Кирик осторожно покатил коня по полатнице. Колесики заскрипели. Теперь у него был свой конь [1, с. 20].

После того, как сын Зотникова, Степанко, сломал деревянного коня, в Кара-Баарчыке возникает бунтарское чувство и желание отомстить за обиду. И если до этого происшествия Кара-Баарчык вел себя как забитый, загнанный в угол птенец, то после — в нем появляются силы отомстить за обиду:

Кирик вошел во вторую комнату и взял в руки блестящего коня, которого он видел первый раз на елке. Повернувшись и остановившись на миг возле пылающей жаром печки, бросил коня в огонь [1, с. 21].

Поступок мальчика в контексте повести можно расценить не только как месть за обиду, но и, с мифологической точки зрения, как обряд жертвоприношения, который в дальнейшем обусловил вторую встречу главного героя со стариком под елью, так как, согласно одному из древнейших культов алтайцев, именно огонь служил «посредником между человеком и божествами, передавал жертву различным духам» [13, с. 154].

Кроме того, символичным является побег Кара-Баарчыка именно в лес. В данном случае прослеживается присутствие в повести сказочного обряда посвящения, который как правило происходит именно в лесу. «Сказочный лес, — считает В.Я. Пропп, — с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производится обряд, с другой стороны — как о входе в царство мертвых» [9, с. 41].

Закономерным представляется и то, что вторая встреча мальчика с загадочным стариком под елью происходит в состоянии забытья. Как известно, забытье граничит со сном, а в мотиве сна, — по утверждению Н.А. Кузьминой, «воплощается иной мир, а следовательно, само обращение к нему (мотиву сна) указывает на межмировое соотношение» [14, с. 137].

Ю.В. Доманский также отмечает, что наличие мифологического мотива сна «указывает на ирреальность происходящего, на

вторжение в жизнь обыкновенного человека потустороннего мира со всеми его атрибутами» [15, с. 80].

Изнемогая от усталости, чувствуя голод, Кара-Баарчык выбрал сухое место под пихтой и, прислонившись к стволу, задремал. Мороз крепчал. Открыв отяжелевшие веки, Кирик увидел перед собой небольшую ель, осыпанную изумрудами блестящих снежинок. Где он видел ее раньше? В доме Зотникова, в ночь под Рождество. Ему казалось, что под елью стоит и тот добрый Дед Мороз, у которого в корзине была чудесная лошадка. <...> Полузамерзший мальчик впал в забытье. Очнулся от прикосновения чьей-то руки» [1, с. 22].

Образы старца и ели, с одной стороны, имеют отношение к славянской мифологии, где ель — священное новогоднее дерево, а Дед Мороз — добрый сказочный старец, приносящий новогодние подарки, с другой стороны — данные образы корреспондируют и с алтайскими мифологическими образами кедра и доброго бога — духа Ульгения. Кроме того, очевидны и христианские мотивы, так как мальчик в Рождество получает второе рождение, и поскольку видит именно ель — священное дерево в христианстве.

Известно, что дерево в алтайских легендах, сказаниях и сказках является защитником человека [2, с. 21]. В повести Николая Глебова мальчику удастся выжить зимой в лесу только благодаря покровительству высших сил, а именно — доброму богу — духу, который оберегает сироту до прихода охотника Дьалтанбаса, впоследствии выбравшего для мальчика того коня, который принесет Кара-Баарчыку победу в состязании и, вследствие этого, возможность духовного преображения. Необходимо подчеркнуть, что в тексте повести очень четко прослеживается семантика ели — в качестве аналога мирового древа и в качестве медиатора между мирами верхним и средним, что и обуславливает встречу мальчика с высшими силами.

В контексте всей фольклорно-мифологической системы повести закономерно, что данная встреча происходит именно в Рождество, так как в мировой мифологии «обновление в основном осуществляется как раз в Новый год, с наступлением нового сезонного цикла <...> обновление, ритуально осуществленное в это время, является, по сути, повторением сотворения мира. Оно по-

вторяется каждый Новый год. И именно космогонические мифы напоминают людям, как был создан мир, и что произошло впоследствии» [16, с. 45].

Мотив обновления, преобразования тесно связан в повести с мотивом сироты. Позволительно утверждать, что автор проецирует в текст именно фольклорный мотив сироты, соединяя традиционные аспекты этого мотива в различных субкультурах. Так, например, в ряде мифологий (в частности, в калмыцкой и монгольской) присутствуют сироты-боги, близкие по функциям культурным героям [15, с. 44]. Главный герой повести — сирота Кара-Баарчык — становится преобразенным, то есть человеком, способным к победоносным свершениям. И именно встреча мальчика со старцем под елью является точкой отсчета в новой жизни героя.

Таким образом, позволительно утверждать, что фольклорные и мифологические образы *птицы, коня, мирового древа и старца* являются безусловно, полифункциональными, решают успешно структуро-, сюжето- и смыслообразующие задачи в повести.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в повесть Н. Глебова «Кара-Баарчык» включены в качестве определенных структурных элементов русские и алтайские пословицы, поговорки, песни, поверья, приметы.

Так, введение в текст пословиц и поговорок делает речь персонажей естественной и выразительной, то есть, по словам М.М. Бахтина, «слово говорящего человека... не просто передается и не воспроизводится, а именно художественно изображается» [17, с. 145]: русские — «мрут как мухи»; «всяк сверчок знай свой шесток»; «яблоко от яблони недалеко падает»; «одного поля ягоды»; «алтайские — из гнилого рта не жди добрых слов»; «пусть будет покрыто травой место, где ты ночуешь, пусть будет праздничным место, куда ты приходишь».

Введение алтайской песни усиливает семантику тяжелых условий жизни рабочих Зотникова:

Гусь усталый летит по Катунь вниз,
Ниже вершины березы.
Я смотрю на свою невеселую жизнь,
Из глаз моих льются слезы.

Отправляются гуси в большой перелет,
Крылья у них устали.
В наших аилах злая бедность живет,
И глаза мои слезы застлали... [1, с. 24]

Истории, рассказанные Янькой, о домовых и русалках, свидетельствуют о сохранении отголосков языческих верований в сознании русских персонажей повести:

А дед Варфоломейко, что живет в Тюдларе, рассказывал: тело будто у ней наполовину как у человека, наполовину как у рыбы <...> так рассказывал и видел будто бы своими глазами, иду, говорит, однажды берегом Чарыша, слышу всплеск, как ровно человек упал в воду. Стал за лиственницу, смотрю, показалась из воды сначала голова, потом тело и вышла русалка. Села на камень и так это чудно запела, потом видимо испугалась кого-то и бултых в воду [1, с. 12].

Алтайские поверья и приметы также подчеркивают сохранение в среде алтайского населения языческих традиций:

Шаман из Яконура, Каакаш, велел привести к нему белую кобылицу, а то злой дух Эрлик пошлет на наше урочище несчастье [1, с. 24].

Таким образом, в повести Н. Глебова отчетливо прослеживается паритетное взаимодействие элементов тюркского и славянского фольклора и мифологии.

Литература

1. *Глебов Н.* Кара-Баарчык. Горно-Алтайск: Облнациздат, 1946. — 127 с.
2. Легенды северного Алтая: (На материале чалканского фольклора). Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. тип., 1994. — 88 с.
3. Алтайский фольклор: Сб. устн. нар. творчества. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1988. — 213 с.
4. *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. — 152 с.
5. *Фрейденберг О.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. — 448 с.

6. *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. — 264 с.

7. *Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии, мифологии. М.: Изд-во «Индрик», 1996. — 640 с.

8. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избр. статьи. М.: Современник, 1982. — 464 с.

9. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.

10. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1: А-К. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. 672 с.

11. *Суразаков С.С.* Из глубины веков. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1989. — 144 с.

12. *Ойношев В.П.* Символика мифологии алтайского героического эпоса. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 1998. — 22 с.

13. *Шатинова Н.И.* Мир «невидимых» по традиционным представлениям алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. — С. 149-161.

14. *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. — 268 с.

15. *Доманский Ю.В.* Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. — 94 с.

16. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000. — 222 с.

17. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. — 502 с.

Е.А. Вишнякова

**Поэтика мультязычия в эпистолярной
русских классиков XIX века
(на примере писем Н.В. Гоголя)¹**

Аннотация: Исследование посвящено изучению мультилингвизма русской словесности, иноязычные вкрапления понимаются как его форма. Рассматриваются иноязычные вкрапления в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя. Анализируются типы и функции вкраплений, делается вывод о роли вкраплений в поэтике гоголевского эпистолярия.

The paper studies the multilingualism of Russian literature. The author considers foreign inclusions as a variety of multilingualism and analyses foreign inclusions in Nicolai Gogol's epistolary heritage. Taken together, these findings suggest a role of foreign inclusions as a productive functional element of Gogol's correspondence.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, мультилингвизм русской литературы, Гоголь | Foreign inclusions, multilingualism of Russian literature, Nicolai Gogol.

В богатейшем наследии русской литературы отдельного внимания заслуживает ее иноязычный сегмент, который традиционно обозначается термином мультилингвизм русской литературы. Ярче всего он отразился в эпистолярном наследии русских классиков. Иноязычные вкрапления (далее по тексту — *ИВ*) как форма литературного мультилингвизма представляет собой феномен, требующий теоретического осмысления. Усилившиеся транслингвальные тенденции гуманитарной науки к изучению диалога культур, цели использования иноязычия, его функций и влияния на художественное творчество обуславливают актуальность настоящего исследования.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00050.

Вместе с тем эпистолярные тексты совмещают в себе целый комплекс практик многоязычия. Прежде всего, речь идет о понятии русско-французской диглоссии, подробно описанной в отечественной гуманитарной науке [1, 2, 3, 4, 5], а также иноязычных вкраплениях, особенности функционирования которых и являются целью исследования.

Переписка Н.В. Гоголя имеет свою эдиционную историю. Для рассмотрения иноязычных вкраплений мы выбрали Полное собрание сочинений и писем в 17 томах 2009 г., 6 томов из них составлены текстами писем, созданных писателем с 1820 по 1852 гг. Издание подготовлено издательством московской Патриархии (Москва, Киев) [6]. Составлением, подготовкой текстов, их комментированием занимались старший научный сотрудник ИМЛИ РАН И.А. Виноградов и профессор МГУ им. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН В.А. Воропаев. Уникальность издания состоит не только в собрании под одной обложкой всех писем Гоголя, но и включении ответных писем, собранных воедино из различных источников. Корпус писем составляет 1893 письма Гоголя и его адресатов. В собрание не были включены литературные письма Гоголя к А.С. Пушкину от 25 мая 1836 г. и к П.А. Плетневу от ноября 1837 г. Отдельно отметим, что в настоящем издании *ИБ* не сопровождаются переводом, кроме тех случаев, когда письма написаны полностью на другом языке.

Эпистолярное наследие Гоголя неоднократно привлекало внимание литературоведов. С одной стороны, письма писателя рассматривались в имагологическом аспекте (образы Германии, Швейцарии, Италии, «родины души») [7; 8; 9; 10; 11], с другой — исследователи обращались к письмам писателя в контексте литературного путешествия XIX века [12]. Изучение характера функционирования иноязычных вкраплений позволит углубить представления о языковой личности автора. Методологической базой для исследования являются труды в области зарубежных контактов Гоголя и мультязычию в его текстах, это работы Ю.В. Манна [13], представителей томской школы гоголеведения, ИМЛИ РАН, итальянских русистов и др. В основе гипотезы настоящего исследования находится тезис о значимости *ИБ* для поэтики эпистолярных русских классиков, в том числе для писем Н.В. Гоголя,

в которых указанные иноязычные элементы образуют системный элемент и реализуют авторскую стратегию писателя, его точку зрения на констелляцию различных лингвокультурных традиций.

Фронтальный анализ показал, что эпистолярный Гоголя включает 181 вкрапление на иностранных языках, из них: итальянских вкраплений — 120, латинских — 27, немецких — 25, украинских — 10.

Нельзя отрицать, что *ИБ* являются продуктивным элементом поэтики гоголевского письма, однако статистика указывает на особое отношение Гоголя к иноязычию: во-первых, вкраплений относительно немного. Если сравнить среднее количество *ИБ* на одно письмо с другими авторами XIX века, то получим такие результаты: В.А. Жуковский — 0,64, К.Н. Батюшков — 0,14 и, наконец, Н.В. Гоголь — 0,13. Гоголь предпочитает писать по-русски даже тогда, когда того требовала традиция; во-вторых, он практически отказывается от русско-французской диглоссии. Показательным примером является его позднее произведение «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В этом публицистическом сборнике нашлось лишь 4 вкрапления на французском языке, причем в двух письмах используется одно и то же вкрапление «*comme il faut*». Эти факты приводят нас к цели — выяснить, с чем связан такой, казалось бы, намеренный уход от иноязычия, учитывая, что Гоголь часто путешествовал и много времени провел за границей.

Обратимся к языковой биографии писателя. Иностранные языки Гоголь начал изучать с детства. В программу Нежинской гимназии входили французский, немецкий, греческий и латинский языки [14]. В аттестате писателя значатся следующие оценки: по латинскому «хорошо», по немецкому «превосходно», по французскому «очень хорошо». Однако иностранные языки были не в почете у Гоголя, о чем свидетельствуют отзывы его матери и друзей. М.И. Гоголь пишет: «французского языка он не любил, <...> немецкий язык он любил, только с теми говорил на нем, кто совершенно не мог говорить по-русски, также и итальянский язык очень любил...» [15, т. 1, с. 28]. Про английский язык Гоголь шутил так:

<...> шипение и визг заржавленных железных побрякушек <...> в простонародии называется аглицким языком [6, т. 11, с. 199].

Тем не менее, в зрелом возрасте он начнет изучать итальянский язык, как самостоятельно, так и при помощи учителей, и овладеет языковыми компетенциями, достаточными не только для изъяснения (Гоголь так же освоит римский диалект), но и письма. На протяжении жизни он будет постоянно возвращаться к языкам древним — латыни и древнегреческому. Известно также, что Гоголь читал по-польски.

Как известно, Николай Гоголь-Яновский, родился на Украине, писал по-русски и имел в родословной польские корни. В 1830-е гг. славянский вопрос «как явление общественной и культурной жизни все более приобретал очертания славянской проблемы» [16, с. 279]. История знакомства Гоголя со славянским вопросом началась с чтения «Истории государства Российского» Карамзина, из которой Гоголь среди прочего вынес мысль о государственном единстве, основополагающую в его художественном мире. Любовь к Отечеству Гоголь трактовал как «служение гражданина земли своей». Сам он писал:

Тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства... [17, с. 435].

Эта мысль нашла воплощение в целом ряде шедевров писателя: цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», повестях «Страшная месть» и «Тарас Бульба». Наконец, со славянским вопросом связана и этнографическая деятельность Гоголя — собирание и издание украинских песен.

Контакты Гоголя с Италией не раз становились объектом пристального внимания, в том числе благодаря работам томской школы гоголеведения. Ученые анализировали итальянский травелог Гоголя в сравнении с травелогами Батюшкова, Баратынского, Гете, изучали влияние Рима и Неаполя на житнетворчество Гоголя, а также особенности функционирования римского текста в наследии писателя. Результатом этих исследований стало определение ключевого положения образов Италии в системе коорди-

нат Гоголя. Использованию итальянизмов Гоголем в повести «Рим» и эпистолярной посвящено отдельное исследование Л.Б. Василенковой [18]. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой стратегия отбора и употребления итальянских вкраплений Гоголем связана со сбором материала для повести «Рим». При этом исследователь специально не рассматривает вкрапления как разновидность мультязычия.

Гоголь активно использует итальянский язык с 1837 г. до 1845 г. После этой даты резко снижается количество писем, а итальянские вкрапления представляют собой за редким исключением адреса писателя. Причиной тому, думается, стал затянувшийся физический и духовный кризис: приступы болезни 1845 г. и мощнейшее потрясение от провала «Выбранных мест из переписки с друзьями» в 1847 г. Прежде всего, отметим, что эпистолярный содержит два письма, написанных Гоголем по-итальянски, при этом оба письма носят различный характер. Письмо от 15 марта 1838 написано Марии Петровне Балабиной, ученице писателя. Письмо написано в ироничном стиле, что доказывают сравнения «письма <...> как плащи бернардинцев», «Петербург суровый как альпийский дуб», олицетворение «Тени Ромула, Сципиона, Августа, все вам за это будут признательны» [6, т. 11, с. 136]. Гоголь обижается на то, что его подопечная не пишет ему и зовет ее в Рим. Второе письмо от 13 ноября 1842 г. адресовано доктору Гартману, который состоял при принцессе Датской и занимался лечением близкого друга Гоголя Иосифа Виельгорского [6, т. 12, с. 133-134]. Письмо написано в официально-деловом стиле. В нем Гоголь просит доктора вернуться в Рим и оказать помощь больному другу писателя Н.М. Языкову. Подобное переключение стилистических регистров дает основание утверждать, что Гоголь в значительной степени овладел итальянским языком.

Значительный пласт итальянских вкраплений представляют собой топонимы Рима и Неаполя. Функционально они разделяются на две группы. Первая группа состоит из обозначений адресов («Roma, via di Isidora», «Strada Felice, №126, ultimo piano», «Via Felice, 126, terzo piano», «Roma, Piazza Apostoli, Palazzo Valentini», «Palazzo Apostoli nel suo proprio palazzo» и т.п.) и выполняет номинативную функцию. Вторая группа, в которую входят названия площадей, церквей, вилл, дворцов, домов, улиц,

холмов («Piazza di Spagna», «Piazza Barberia», «Monte Pincio», «церковь Trinita» «Castello Nuovo», «форум Roma», «дом Gilli», «Cesari», «Domo d'Ossola», «Porta Maggiore», «Teatro Marcello», «Roma Vecchia», «Villa Mattei», «Villa Minz», «Via Sistina», «Via Felice», «palazzo Giustiniani», «кафе Greco»), имеет дополнительную функцию документализации. При рассмотрении письма как факта литературного путешествия *ИБ*-топонимы являются узuallyм элементом в травелогe.

Итальянские вкрапления находятся в переписке Гоголя с художником А.А. Ивановым, проживавшим в Риме. По словам О.Г. Дилакторской, «в разговорах с Ивановым писатель находил понимание, поддержку и единомыслие» [19, с. 5]. В переписке находим профессиональную лексику на итальянском: «Madonna di Foligno» и «schizzo» (*итал.* «эскиз»). В письме 1839 г. Гоголь надеется увидеть Иванова с «schizzo вашей большой картины», а 16 мая 1842 г. он советует художнику написать копию с Мадонны ди Фолиньо Рафаэля в уверенности, что это принесет ему заработок. В письмах к Иванову находим также реализацию пищевого кода, например: «примемся с вами за capretto arrosto (*итал.* «жареный козленок») и Ascuito (*итал.* вид сухого вина)», «побредем к Фальконе есть Vacchio arrosto (*итал.* «жареная баранина») или girato (*итал.* «жаркое») и осушим фольету Ascuito». Наконец, письма Гоголя к художнику содержат языковую игру, проявляющуюся в иронических, но по-дружески теплых обращениях: «почтеннейший Signor Alessandro», «сколько лет я вас не видел il carissimo (*итал.* «дорогой») Signore Alessandro», «алчу узреть и обнять самого maestro». Намеренно подчеркнутая звуковая форма иноязычного обращения является маркером дружеского послания.

Небезынтересен факт того, что вкрапления на итальянском языке, используемые не в служебной роли, но несущие культуро-специфичные смыслы, связаны со знаковой для творчества писателя концептосферой карнавала. В первое время своего пребывания в Риме Гоголь стремится передать впечатления и особенности местного колорита, о них регулярно сообщает в письмах матери и сестрам, и приятелю А.С. Данилевскому. В письмах к сестрам он сосредоточивается на описании римского карнавала. Гоголь стремится пояснить реалии, например:

В последний вечер, который называется *Moccolotti*, гасят масленицу. <...> все до одного кричат: *Senza moccolo, senza moccolo* (итал. «без света»)! Иные прибавляют *O che oscurita!* то есть: какая темнота! [6, т. 11, с. 144].

Автор описывает итальянский праздник *Инфьората*, который отмечается в канун праздника «Тела Господня», используя аутентичный языковой код:

<...> праздник этот называется *fiorata*, то есть, цветочный...» [Там же].

Находясь в Риме, он реагирует на политические и религиозные события города, улавливает настроение людей и выражает свои наблюдения по-итальянски. В письме М.П. Балабиной он цитирует два рифмованных отрывка, авторство которых принадлежит народу. Первый отрывок появляется в связи с выбором новых кардиналов:

I Dio vuol carnevale e non vuol cardinale [6, т. 11, с. 148] (итал. «Бог хочет карнавала и не хочет кардинала»).

Второй Гоголь воспроизводит по случаю запрета Римским папой карнавала:

Oh! questa si che`e bella! / Proibisce il carnevale pulcinella! [Там же] (итал. «О! Как же это замечательно! Запрещает карнавал пульчинелла!»).

Контрасты «*carnevale-cardinale*», «*bella-pulcinella*» становятся средством создания комического эффекта в эпистолярной, обнаруживая таким образом сходство с поэтикой макаронического письма. Примечателен и сам набор культурспецифичных реалий, привлечших внимание классика, их близость художественной обр-ности славянского мира произведений Гоголя.

Наконец, эпистолярный Гоголь содержит итальянские идиоматические выражения в оригинале, например: «здоровье мое *non vale un fico*, как говорят итальянцы», «знакомство наше основыв-

валось на двух *buon giorno*», «расстройство в нервной системе, так называемое *nervoso fascoloso*», «сшитые лоскутки всего: *tutti frutti*», «были рады до *nes plus ultra*», «не любят ходить совершенно *alla moda*». Подобные вкрапления обладают стилистической функцией экзотизмов: автор письма стремится перенести собеседника в иное лингвокультурное измерение, выбирая для этого слова, связанные с их национальным своеобразием.

Можно с уверенностью заключить, что из имеющихся в переписке Н.В. Гоголя иноязычных вкраплений итальянские обладают наибольшим потенциалом, что подтверждается, во-первых, значительным объемом функциональной нагрузки, которую берет на себя итальянский язык; во-вторых, разнообразием типов итальянских вкраплений, которые представляют собой своего рода сверхтекст.

Латинские вкрапления выполняют традиционную для эпистолярного утилитарную функцию и представляют собой пометы NB (5) и PS (11). В письмах встречается и книжная терминология, например, *in 81* в письме к Михаилу Максимовичу: «Знаешь ли ты собрание галицких песен (довольно толстая книга *in 8*)? Замечательная вещь!» и письмо *in 1/1000*: «Я получил твое письмо *in 1/1000* долю листа от Одоевского» [6, т. 10, с. 236].

Немецкий язык выражает исключительно пространственные координаты Германии и Австрии, которые включают в себя немецкие адреса Гоголя и топонимы. В Германии Гоголь посетил Гамбург, Бремен, Дюссельдорф, Ахен, Кельн, Франкфурт-на-Майне. Письма Гоголя из Германии 1830-х гг. характеризуются привязанностью к немецкой поэзии и философии, а письма 1840-х, по мнению Е.А. Анненковой, уже письма «не о Германии, а из Германии». Действительно, если немецкие вкрапления в письмах 1830-х гг. содержат более-менее разнообразные по типу вкрапления, то после 1840-х единственным вкраплением остается франкфуртский адрес Жуковского. Встречаются немецкие вкрапления, обозначающие Набережную *Jungfraustein*; гостиницу *Zum Roemischen Kaiser Freieung* в Вене; адрес В.А. Жуковского во Франкфурте-на-Майне (*Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor*);

¹ В восьмую долю листа. Формат издания, при котором размер страницы равен 1/8 бумажного листа.

адрес Гоголя в Гомбурге: (Kissileffstrasse, maison Deiainger; Остров Helgoland) и т.п., словом, немецкие вкрапления выполняют номинативную функцию.

Наконец, самым малочисленными в гоголевском эпистолярном оказываются вкрапления на украинском языке. Помимо 9 вкраплений на украинском языке имеется одно письмо в феврале 1837 г. на малороссийском наречии польскому поэту, представителю «украинской школы» польского романтизма Богдану Залескому (1802-1886). В письме речь идет о том, что Гоголь не застал земляка дома, но надеется, что он здоров, и просит его писать в Рим. Причина, почему письмо написано по-украински, проста: Гоголь не знал польского языка, поэтому писал по-малороссийски:

Дуже — дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. Чував, що на пана щось напало — не то сояшныця, не то завшныця (хай ш прыснётся лысый дидько), та тепер, спасибо Богови, кажут начей-то пан зовсим здоров. Дай же Боже, щоб на довго, на славу уст козацой земли давав бы чернецького хлиба усякш болизни и злыдням. Та й нас бы не забував, пысульки в Рым слав. Добре б було, колы б и сам туды колы-небудь примандрував. Дуже, дуже близькый земляк, а по серцю ще ближчий, чим по земли. *Мыкола Гоголь* [6, т. 11, с. 96].

Таким образом украинский язык выступает в эпистолярном Гоголя в функции языка-посредника.

Украинские вкрапления мы находим с 1830 по 1837 гг. в письмах к А.С. Данилевскому, М.И. Гоголь, М.А. Максимовичу, В.В. Тарновскому, В.П. Косяровской, которые были урожденными украинцами и либо были приятелями Гоголя, либо состояли с ним в родственных отношениях. Главным образом украинские вкрапления представлены народными украинскими песнями, которые Гоголь начал собирать еще, будучи учеником Нежинской гимназии. 9 ноября 1833 г. он писал М.А. Максимовичу:

Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! <...> Я не могу жить без песень [6, т. 10, с. 229].

Мать, родственники писателя сообщали ему сведения о нарядах, ритуалах и обычаях, сопровождая тексты писем вкраплениями на малороссийском. 30 апреля 1829 г. Гоголь пишет матери:

Вы имеете тонкий наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажете сообщать мне их в нашей переписке [6, т. 10, с. 99].

Собирание украинских песен было не просто увлечением Гоголя, оно нашло применение и в поэтике его художественных текстов. В ранних произведениях он опирается на традиции малороссийских авторов [20], в частности, своего отца, В.А. Гоголя-Яновского. В пьесе Гоголя-Яновского «Простак» героиня Параска, мечтая о миле, поет: «Прійди, милий, утры слезы», в «Сорочинской ярмарке» Н.В. Гоголя Параска поет: «А ти, милий, чорнобривий, / Присунься близенько!» [20, с. 27]. Троекратный повтор народной песни Гоголь использовал в повести «Тарас Бульба» в переключке Тараса с казаками: «А что, паны, есть еще порох в пороховницах?...», получая от них троекратный ответ. В письме 2 ноября 1831 г. к своему другу А.С. Данилевскому, задержавшемуся на Кавказе, Гоголь пишет: «Впустили молодца на Кавказ. Ой лихо закаблукам, достанетця й передам» [6, т. 10, с. 170].

Думается, строки из плясовой украинской песни выражают иронично-критическое отношение автора письма, задержавшегося в Пятигорске. В письме М.И. Гоголь писатель благодарит сестру за песню «Що се брятця як барятця», которая «очень характерна и хороша». Эту же песню в декабре 1833 г. Гоголь целиком приводит в письме Максимовичу как «одну из самых интересных», но в развернутом виде:

Наварыла сечевыци
Поставыла на польци
Сечевыця сходыть, сходыть
Сам до мене козак ходыть.
Наварыла гороху
Да послала Явдоху.
Що се с биса, нема с лиса?
Що се брятця, як барятця? [6, т. 10, с. 232].

В письме Максимовичу 2 марта 1835 г. в качестве эпитафии Гоголь помещает детскую народную песню:

Ой чи живы, чи здоровы,
Вси родычи гарбузови?» [6, т. 11, с. 15].

Неудивительно, что большинство песен встречается именно в письмах к М.А. Максимовичу, ректору Киевского университета им. Св. Владимира. Украинские народные песни Гоголь собирал совместно с ним. В 1827 г. Максимович выпустил первое издание собрания, в 1834 г. Московский университет издал второе издание, в котором имя Гоголя было указано в качестве соавтора. После смерти Гоголя было найдено еще две тетради с южнорусскими и украинскими песнями. В 1908 г. они были изданы Отделением русского языка и словесности Академии наук под заглавием «Песни, собранные Н.В. Гоголем». Таким образом, украинские вкрапления в переписке писателя представляют в большинстве случаев чужой текст и репрезентируют филологические разыскания Гоголя-собираателя фольклора и дополняют наше представление о Гоголе-фольклористе.

Украинские вкрапления могли использоваться писателем для создания языковой игры и комического эффекта, при этом на украинском языке выражаются также культурспецифичные, национально окрашенные смыслы. В письме от 13 сентября 1827 г. к двоюродной тетке В.П. Косяровской находим оригинальный авторский текст Гоголя на украинском языке, стилизованный под просторечие, где автор упоминает Ксению Федоровну Тимченко по прозвищу Чцюцюшка. Гоголь использует эту стилизацию для создания образа соседки, сожалеющей, что собак Пупую и Каяюшку любят больше, чем ее:

Э, мини казав Чцюцюшка, э...каже э... мене, каже, ништо уже юбить, каже, Пупую юбять ючше, чим мене и Каяюшку, э ... отако э, каже, Чцюцюшка э, бачете, шо вона каже, э... э ... А панич нежиньский мини письмо пише, э... А шо, чи вы бачили? — Ось воно. Э ... Э...» [6, т. 10, с. 71].

Другой пример подобного использования вкраплений на украинском языке обнаруживается в письме М.А. Максимовичу 12

февраля 1834 г. Гоголь, предлагая товарищу занять кафедру ботаники в Киевском университете, использует пищевой код:

Чего ж больше? А воздух! а грибы! а рогиз! а соняшники! а паслин!
а цыбуля! а вино хлебное, как говорит приятель наш Ушаков.<...> Это
просто роскошь! [6, т. 10, с. 239].

Традиционные для Украины элементы пищевого кода, например, «соняшники» или «цыбуля», рисуют, с одной стороны, местный колорит родного края, с другой — выполняют функцию фасцинации, то есть, «притягивают» адресата к тексту. Наконец, в письме к В.В. Тарновскому (1810-1866), украинскому этнографу, с которым Гоголь учился в Нежинской гимназии, украинский язык выполняет аналогичную функцию:

<...> э, Василь! а що, як бы гимназия сгорела...», «Что поп, который говорит: чога б такы сидить так ? вы б такы або гралы, або танцювалы и так, и так [6, т. 10, с. 272].

Таким образом, функционирование *ИБ* в переписке Гоголя — их ограниченный объем в сравнении с другими русскими классиками, а также доминирующая служебная роль — отражает славянофильство писателя и его видение особого духовного пути России, не имеющей прямой зависимости от западно-европейской культуры.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Русская литература на французском языке — Русская литература на французском языке XVIII — XIX веков / вступ. статья Ю.М. Лотмана и В.Ю. Розенцвейга. Биограф. очерки и комментарии Ю.М. Лотмана и В.Ю. Розенцвейга. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36. Wien, 1994. С. 103-127.
2. *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX века). М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 383 с.

3. French and Russian in Imperial Russia / Ed. by D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. Vol. 1-2. 270 p., 266 p.

4. *Паперно И.А.* О двуязычной переписке пушкинской эпохи // Труды по русской и славянской филологии: ученые записки Тартского ун-та / отв. ред. Б.М. Гаспаров. Тарту, 1975. Вып. XXIV. С. 148–156.

5. *Вяткина И.А.* Диглоссия русских маргинальных жанров (домашняя поэзия и эпистолярный В.А. Жуковского): автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2007. 23 с.

6. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009-2010.

7. *Манянина Е.И.* Образ Швейцарии в письмах Н.В. Гоголя / Е.И. Манянина // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. ст. по материалам XLIII Международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». № 12 (39). М., Изд. «Интернаука», 2015.

8. *Янушкевич А.С.* «Vedi Napoli e poi muori»: К. Батюшков — Е. Баратынский — Н. Гоголь // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв.: Сб. ст. / Под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск, 2009. С. 412-419.

9. *Джулиани Р.* Гоголь-Гете-Рим, или треугольник с арабесками // Имагология и компаративистика. 2016. № 1. С. 82-102.

10. *Владимирова Т.Н.* Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2010. — 174 с.

11. *Владимирова Т.Л.* Образ «родины души» в письмах Н.В. Гоголя из Рима // Образы Италии в русской словесности: по итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Rusia — Italia» — «Россия — Италия», Томск — Новосибирск, 1-7 июня 2009 г. / Томский государственный университет (ТГУ); ред. О.Б. Лебедева, Т.И. Печерская. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. С. 114-129.

12. *Анненкова Е.И.* Письма Н.В. Гоголя из Германии в контексте корреспонденций русских путешественников первой половины XIX века // Творчество Гоголя и европейская культура. Пят-

надцатые Гоголевские чтения. Сборник статей. М., Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2016. С. 50-61.

13. *Манн Ю.В.* Гоголь. Труды и дни, 1809-1845. М.: Аспект Пресс, 2004. — 813 с.

14. *Шаргина К.* Занятия Н.В. Гоголя иностранными языками / Катерина Шаргина // Русская словесность. 2016. № 2. С. 55-61.

15. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В 3 т. / Изд. подг. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011-2013.

16. *Анненкова Е.И.* «Бредя славянскими началами...» (Постановка славянской проблемы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя) // Н.В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепции). Томск, 2008. Вып. 2. С. 278-285.

17. *Гоголь Н.В.* Нужно любить Россию / Сост., предисл. и коммент. В.А. Воропаева / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 672 с.

18. *Василенкова Л.Б.* Функционирование итальянизмов в языке Н.В. Гоголя (на материале повести «Рим» и личной переписки) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография: Сб. статей / Ин-т лингв. Исслед. РАН. СПб.: Нестор-история, 2014. С. 29-42.

19. *Дилакторская О.Г.* Н.В. Гоголь и А.А. Иванов. К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя (1809-1852) / Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 2(6), 2009. С. 5-9.

20. *Доманский В.А.* Ранний Гоголь и украинская литературная традиция // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 8 (59). С. 24-28.

Т.Б. Банкова

**«Словарь сибирского свадебного обряда»
как локальный текст¹**

Аннотация: Статья посвящена разработке нового формата лексикографирования диалектной лексики — лингвокультурологическому словарю. Автор предлагает концепцию развертывания зоны толкования лексической единицы, в которой соединяются лингвистическая и энциклопедическая часть. Подобный подход позволяет показать реальную «культурную жизнь» слова, а «прочитанная» в совокупности всех составляющих (подача заглавного слова, описание его значения под лингвокультурологическим углом, иллюстративная часть), словарная статья представляет собой текст в его локальной реализации, так как описывает культуру, объективированную территориальной разновидностью национального языка.

The article is devoted to the development of a new format of dialect vocabulary lexicography — linguistic and culturological dictionaries. The author proposes the concept of deploying an interpretation zone of a lexical unit in which the linguistic and encyclopedic parts are connected. This approach allows you to show the real "cultural life" of the word, and all components, (filing the headword, describing its meaning, the illustrative part) the dictionary entry is the text in its local realization, as it describes the culture, objectified by the territorial variety of the national language.

Ключевые слова: лингвокультурологический словарь, обрядовое слово, традиционная культура, сибирский свадебный обряд, культурный текст, лингвокультурологический комментарий | linguistic and culturological dictionary, ritual word, traditional culture, Siberian wedding ceremony, cultural text, linguistic and cultural commentary

История томской диалектной лексикографии последних лет связана с магистральной линией современного словаростроения — созданием работ лингвокультурологического

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация» (проект №16-18-02043).

формата, — где факты взаимодействия языка и культуры представлены в новой интерпретационной схеме. Богатейший материал живой разговорной речи крестьян Среднего Приобья получает таким образом новую жизнь, т. к. в этой схеме будет актуализирована именно культурная составляющая значения слова. Сельский коллектив закрепил за единицами диалектного лексикона многопоколенный опыт традиционного сообщества: соответственно слово предстает как единица культурного кода, в его значении кумулируется и экстраполируется национальная картина мира в ее диалектном варианте.

Особо это относится к обрядовой лексике, закрепившей в своем составе представления об идеальном устройстве жизни, разыгрываемом во время свадебных торжеств. В Томском университете в настоящий момент идет работа над составлением диалектного «Словаря сибирского свадебного обряда», лингвокультурологического по типу, который вписывается в актуальную проблему сегодняшнего языковедения — создание словарей культуры.

Если посмотреть на словарь как на жанр научного лингвистического исследования, то, с точки зрения Ю.М. Лотмана, он относится к бессюжетным текстам, которые «имеют отчетливо классификационный характер, они утверждают некоторый мир и его устройство. <...> Мир денотатов на уровне языковом эти тексты будут утверждать в качестве универсума» [1, с. 294]. Таким образом, продолжая мысль Ю.М. Лотмана, заметим, что собранные в алфавитный реестр и «прочитанные» во всей совокупности характеристик единицы «Словаря сибирского свадебного обряда» воплощают универсальный мир ритуала, способствующего сохранению традиционного сообщества.

В этой связи фундаментальный труд Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» стал образцом, на который ориентировались впоследствии составители словарей аналогичного формата. Центральной единицей работы автором избрана константа культуры, специфика которой кроется в факте принадлежности языку и культуре одновременно [2]. Отличительная черта всех лингвокультурологических словарей, появившихся позже, эталоном для которых стал труд Ю.С. Степанова, — соединение энциклопедического и собственно лингвистического подходов в описании материала. Лексикографируемой единицей в этих рабо-

тах становится слово, в семантике которого наличествует культурная коннотация: «смысловой компонент, не входящий непосредственно в лексическое значение слова, выражающий факультативные с логической точки зрения признаки понятия, которые, тем не менее, устойчивы, значимы для данного языкового сообщества, являются отражением культурно-детерминированного выбора носителей языка и могут быть верифицированы в пределах системы языка» [3, с. 159].

Авторы-составители словарей культуры используют лингвокультурологический комментарий «в качестве основного приема словотолкования, заключающегося в фиксации и интерпретации специфических значений языковых единиц, не фиксируемых толковыми словарями, но объективно существующих в языковом сознании членов лингвокультурной общности» [4, с. 23].

Лингвокультурологический подход к изучению явлений диалектного языка также предполагает осмысление феномена лексического значения диалектного слова, прежде всего его культурного коннотативного компонента, в качестве хранилища, закрепляющего и консервирующего, и впоследствии транслирующего значимые для этноса абсолюты. В этой логике, единица лексического комплекса, обслуживающая свадебную традицию, становится культурной константой.

Исследование системы констант, реализующихся в локальном тексте, — это «фундамент региональной культуры, ее цементирующее ядро составляет комплекс культурных констант. Именно он в немалой степени определяет своеобразие духовно-нравственных и художественных представлений каждого региона» [5, с. 2].

Константы культуры, объединенные в формат словаря, становятся фактом актуализации локального текста культуры. Составляемый томскими учеными «Словарь сибирского свадебного обряда» изучает свадебную традицию, объективированную говорами Среднего Приобья, в ее локальной реализации. Подобный подход базируется на идее Н.И. Толстого, что «диалект (равно как и макро— микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную духовную культуру выделять из этнографических рамок» [6,

с. 21]. По мысли ученого, «...вся народная культура диалектна, ...все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутридиалектных вариантов с неравной степенью различия» [6, с. 21].

Свадебный обряд в его локальном преломлении — это каждый раз реализующаяся идеальная модель самосохранения традиционного коллектива, которая утверждает универсальный закон движения жизни путем перевода частных повторяющихся явлений на уровень обобщения, который, в свою очередь, предстает в виде культурных коннотаций семантики лексических единиц, объединенных в Словарь. Его единство и каждый отдельный компонент разворачивает своеобразную духовную энциклопедию региона.

«Словарь сибирского свадебного обряда» — попытка объективации в лексикографической практике коннотативного культурного компонента в значении диалектного обрядового слова.

Под обрядовым словом в настоящей работе понимается единица диалектного лексикона, обслуживающая обрядовую сферу традиционного коллектива и содержащая в своем значении сакральный компонент. Такие единицы являются важнейшей текстостроительной составляющей: «держат» текст и являются критерием отнесения его разряд обрядовых. Такие тексты — свидетельство того, как момент биографии члена крестьянской общины соотносится с практикой целого традиционного коллектива. (обрядовые слова выделены жирным):

Ну так же, как и сейчас, **венчают**. Вот эта у них, **венцы** там, такие железные, большие для жениха с невестой. Сперва они это вот заходят отгудова, сразу к им встают эти: ну там **дружки**, **бояре**, **сваты** там, да ишшо какие-то там. Ну с **жениховой** там стороны или с **невестинной**. А потом **поп вокруг их водит** этой самой **кадилой**, **вокруг алтаря** вот этого. А потом они встают, вот так **жених**, **невеста** встанут. И **кольца** им **батьюшка надет**, его кольцо на ее, а ее на его кольцо. А потом они **помолятся** Богу, **крес поцалуют**, а потом **наденут**, **начинает надевать** поп. **Наденет на голову** [венец]. на **ее наденет** тоже, а потом ишшо-то че? **Поди уж я уж и забыла**. А ишшо-то че? Обратно, наверно, **благословит** иконой, а когда ишшо он **венцы наденет**, он **крестит**. Молитвы читат. Поздравляет потом жениха с невестой [Том. Пар.].

Приведенная иллюстрация полностью воспроизводит обрядовую ситуацию, содержит информацию о субъектах, участвующих в обряде, об их действиях; о предметах, с которыми производят манипуляции; об условиях и месте проведения обряда. Именно эти сведения в зоне толкования значения впоследствии становятся основой для разворачивания так называемого энциклопедического представления лексемы. Например, указание на то, что священник **надевает венцы на головы молодых** во время религиозного обряда (в противовес утверждениям, что их держат над головами брачующихся), а также, например, из какого металла изготовлены предметы.

Лингвокультурологический комментарий, сопровождающий обрядовое слово, актуализирует в процессе его разворачивания все имеющиеся в распоряжении лексикографа материалы.

Покажем, какого рода информация становится основой лингвокультурологического комментария, конструкта, который «позволяет показать, как «вплетается» в языковую семантику создаваемая в ходе интерпретации семантика культурная» [7, с. 160].

Лексическая единица **ворота** в обрядовом дискурсе приобретает символическое значение — это граница между «своим» и «чужим» мирами жениха и невесты. Обрядовое значение формируется в результате объективации символического компонента посредством акционального распространителя **закладывать/заложить; заламывать, заламливать/заломить; затворить** — действия, осуществляемого стороной жениха с целью преодоления границы и проникновения в пространство невесты:

Свадебный поезд едет, перед ним **ворота заламывают**, выкуп просят. Самогонки там или водки [Том. Том.]; Поезд приедет за невестой, они и **заламывают ворота**, ставят палки, чтобы им поставили вина, когда выставят водку [Том. Том.]; Перед свадебным поездом **ворота заламывали**. Это, значит, закрывали и подпирали их, невесту жениху сразу не отдадут, пусть выкупит сначала [Том. Том.]; Невесту выводят, раз деньги отдали, **содят** в коробочек. Это свадебный поезд. Нарядят, только не было моды полотенцев. **Малые** потом к родителям, а другие глухим возом, везут подушки, они же не говорят. А **ворота заложены**, заезжать нельзя. Его потчуют, тада **ворота открывают** [Кем. Мар.].

Приведенные иллюстрации показывают, что только в сочетании с глаголами, приведенными выше, реализуется обрядовое значение слова *ворота* 'граница'. Заметим, что эта сема является основной в лексических единицах, обозначающих линию, которую нельзя нарушать в некоторых ситуациях: *окно, порог*. Таким образом, оформляется устойчивое обрядовое словосочетание, о чем свидетельствует факт выпадения глагола *заламывать* из употребления в бытовом значении (Так, «Вершининский словарь» дает глаголу дефиницию: 'затворять, закрывать ворота', сопровождая иллюстрацией явно из обрядовой сферы: *Поддрузье был, дружка помогал. Свадебный поезд едет, перед ним ворота заламывают, выкуп просят* [8, с. 256].). Устойчивое обрядовое словосочетание *заламывать ворота* имеет антонимическую пару также с обрядовым значением:

откладывать ворота: Когда выставят водку, тогда **откладывают ворота** [Том. Том.].

Как видно из иллюстраций, «заламывание» и «откладывание» ворот сопровождается принятием алкоголя, объективированным единицами:

выпить, напиться, налить: **Заломят ворота**, пока не дадут **напиться**. Все перевернут [Том. Крив.]; Ворота **заломют**. Выкупать невесту **просют**: **наливают всем**, детям конфеты, бражку свою **возют** [Том. Пар.]; А **заламливают ворота**. Хоть кто, кому выпить охота. А дружка этого не касается [Том. Пар.].

Продемонстрированная процедура вычленения значимых смыслов для лингвокультурологического комментария ложится в основу композиции словарной статьи. Например: **Веник** — предмет домашнего обихода, связка прутьев или веток с листьями для подметания полов, для парения в бане. Используется в качестве:

1. заместителя невесты в ритуале **Баня**. В. украшают (наряжают) лентами, цветами, торжественно несут в баню, высоко поднимая над головой, шествие сопровождается песнями. В. ассоциируется с мужским началом, поэтому его присылает или привозит сам жених, или за ним едут представители невесты. В. забирают из бани после

окончания ритуала. Поднятый высоко, он сопровождает участников обряда во время катания на лошадях:

Вечером топят баню, веники из бумажных цветов, невесту моют [Том. Пар.]; Потом с веником в баню, веник нарядишь, песни поем, невеста косу расплетает [Том. Зыр.]; Пред тем как вести невесту в баню, едут к жениху за веником. Веник украшают лентами и тряпками [Том. Пар.]; Потом, значит, жених ходит, парни ходят с женихом на этот девичник. Потом, значит, в субботу девушки невесту в баню везут, моют, парят, поют там свадебные песни. Жених веник везет. В передбанке сидит с друзьями с бутылкой [Том. Пар.]. Накануне баню истопили, жених веник прислал. Веник воткнул, бантами украсят. Одна подруга с веником впереди идет [Том. Том.]; За день до свадьбы порядок был невесту в баню вести. Девки в баню ее водили. Ее ведут и несут веник украшенный. Веник в цветах весь, в лентах. Все девки моются с невестой, моют ее. И опять с этим веником выходят. После бани чай пьют, а потом запрягают пару лошадей, садятся и пошел с песнями Веник этот же держат, высоко поднимут, красиво [Том. Зыр.];

2. оберега: им расчищают путь для свадебного поезда с целью защиты от злых сил, от дурного глаза:

Раньше ведь всякое **волшебство** было. Колдуны были. Наворожат, и **поезд** не пойдет. Сваха бежит впереди, размечает дорогу **веником**. Всяко бывало [Том. Зыр.];

3. средства приобщения невесты к «чужому» пространству — дому жениха. Во время **Сора** (ритуала второго дня) невеста подметает пол в доме жениха, демонстрируя свою ловкость, умение выполнять женскую работу:

Туда несут сена и солому охапками. Молодуче деньги кидают и заставляют избу веником мети. Но тока от порога [Том. Том.]. Принесут охапку сору в избу, и невеста с веником метет, а все кидают деньги, молодуха их собирает. Когда метет сор, подойдет маменька, тогда едут к родне невестиной [Том. Шег.].

Итак, словарная статья соединяет в единый научный текст культурные коннотации обрядового слова, представляя его своеобразный «культурный портрет». В свою очередь, весь словар-

ный реестр в совокупности представляет собой локальный текст, объективирующий обрядовую традицию крестьян Среднего Приобья.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 704 с.
2. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. — 991 с.
3. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 472 с.
4. *Банкова Т.Б., Угрюмова М.М.* Диалектный «Словарь детства»: в поисках лексикографического формата (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С.22-28.
5. *Звягинцева М.М.* Константы региональной культуры. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2007. — 8 с.
6. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике, М., 1996. — 262 с.
7. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 456 с.
8. Вершининский словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 2. Изд-во Томского ун-та, 1999. — 319 с.

Локальные пометы

Том. — Томская область; *Зыр.* — Зырянский район; *Пар.* — Парабельский район; *Том.* — Томский район; *Шег.* — Шегарский район.

Кем. — Кемеровская область; *Мар.* — Мариинский район.

T. Adkins

While the Water Boils: Tea in Altai History and Everyday Life

Аннотация: В статье рассматривается роль чая и культура его потребления в истории и повседневной жизни алтайских народов Южной Сибири. Роль чая в алтайском гостеприимстве на границе свое-чужое символизирует его парадоксальное положение в современной алтайской культуре: он является одновременно неотъемлемой частью повседневной жизни и материальной связью между тюркскими языками населения Алтая и более широкого мира. Обсуждая этот парадокс, автор утверждает, что чай в алтайской культуре формирует точку воплощения исторических связей в ритмах повседневной жизни.

This paper examines the role of tea and its consumption in the history and daily life of the Altai people of Southern Siberia. Tea's role in Altai hospitality, at the boundary of the foreign and domestic, is emblematic of its paradoxical position in contemporary Altaian culture: it is both an intimate part of everyday life and, as it has long been, a material link between the Turkic speaking population of Altai and the broader world. In discussing this paradox, the author argues that tea in Altai culture forms a point where the broad historical and spatial linkages of the Altai region become embodied in the rhythms of everyday life.

Ключевые слова: чай, алтайская кухня, кухня народов Сибири, быт, этнография еды | tea, Altai cuisine, Siberian peoples' cuisine, everyday life, food ethnography.

Anyone who has been invited into an Altai home can attest to the role of tea in Altai hospitality. No sooner do you cross the threshold of someone's home, and you are presented with a hot cup or bowl of tea. In contemporary Altai, tea is served in various ways—simply black, with sugar, milk, or—more in keeping with local tastes— with butter, cream, ground barley (*talkan*), salt or in some regions even sheep fat. It's worth noting here that the Altaian verb to have to have a meal is чайлаар — that is tea, serves as a synecdoche for the consumption of food in general. Unsurprisingly, then, an offer

of tea rarely includes just tea— it is often accompanied with fried bread, jam, honey, sweets or even a bowl of barley and mutton stew.

The role of tea in hospitality is not unidirectional, however. Tea leaves are the accepted gift with which guests greet hosts— particularly if visiting a person's home for the first time, a small gift of tea is virtually mandatory. This is something I learned very quickly in my fieldwork: during my research in Altai's Onguday region, I've actually begun carrying small boxes of tea with me, just in case I unexpectedly visit someone's home.

Tea therefore forms the material interface between guests and hosts, and its exchange and consumption effect a transformation of the stranger into the guest.

Tea's role in hospitality, at the boundary of the foreign and domestic, is emblematic of its paradoxical position in contemporary Altaian culture: it is both an intimate part of everyday life and, as it has long been, a material link between the Turkic speaking population of Altai and the broader world.

If we have in mind the leaves of the Chinese tea camellia (*camellia sinensis*), then tea has for centuries enmeshed the Turkic-speaking population of the Altai mountains in broader trans-boarder networks of cultural exchange, trade and even diplomacy. That said, in comparison with east Asia, where *camellia sinensis* has been cultivated and consumed since the 2nd century BC, if not earlier, tea consumption is a relatively recent phenomenon in Inner Asia.¹ While the various Turkic and Mongolian empires on China's northern border had likely long been aware of tea, tea itself was not regularly consumed by the nomadic peoples of Inner Asia until the 16th century, when the Ming dynasty established official trade relations with the successor states of the Mongol empire, centered at the boarder trading post of Khaalgan [1, p. 196]. This trans-border trade was part of long standing Chinese diplomatic approach to their northern nomadic neighbors: trade in

¹ There is significant debate about when the tea plant entered cultivation in China. While classical Chinese literature from the Tang Dynasty onward attributed its discovery to the cultural hero Shennong in distant antiquity, judging by extant textual records it is likely *camellia sinensis* significant cultivation and consumption in south west China only around 200 CE (see James A. Benn, *Tea in China: A Religious and Cultural History* (Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015), Kindle edition.

luxuries like tea and silk had been approach of the Chinese dynasties for extending their influence over their nomadic neighbors since the Xiongnu Empire in the first century BCE, a proverbial carrot to the stick of outright warfare [2, p. 5].

The tea changing hands in these exchanges was overwhelmingly “brick tea,” or *zhu cha*, a green tea pressed into bricks. This tea originated in the Chinese provinces Szechuan, Hunnan and Yunnan, and was often produced explicitly for export to Tibet or Mongolia. These tea bricks in fact became legal tender in much of Inner Asia including Tibet and Mongolia, and were even used to denominate debts and tax payments (on the usage of tea bricks as currency in early-modern Mongolia, see [3]).

The Western Mongol Oirots and Dzhungar khanates, to which the Altai Turks belong to between 1399 and 1755, was also part of this exchange: from the late 17th century onward, the Oirots conducted regular trade missions to Gansu, Beijing and even as far Tibet, with the goal of procuring luxuries such as silk and tea. As Serguei Abashin notes, the Dzhungars were themselves also important intermediaries in the tea trade between china and central Asia, particularly the Fergana Valley and Transoxiana, where their method of preparing tea—with milk and salt—took hold [4]. Tea was not only a conduit for trade but also for cultural and even religious exchange. Tea procured in china was also an important part of the so-called “brewed tea” or *manja* missions to Tibet in the mid 18th century, wherein Oirots emissaries offered tea to the Lamaist clergy and were in turn gifted with Buddhist religious objects and texts [2, p. 5].

Following the destruction of the Dzhungar khanate and the Altaians joining of the Russian empire in 1755, the tea trade continued between Altai and China nonetheless continued. The principle tea being traded was, as before, brick tea. Contemporary Altaian names for this kind of tea highlight its origins in trans-border trade: *mogol chai* (“Mongol tea”), *kydat chai* (“Chinese tea”), *chui chai* — a reference to the bazaars in the Chui River Valley where this tea was traded.

It’s worth noting however, that tea was a considerable luxury from the 18th to the end of the 19th century for most Altaians: one tea brick was the equivalent of two sheep [5, p. 107]. On a more quotidian basis, Altaians consumed a wide array of herbal teas such as *kylbysh* (*Bergenia crassifolia*), *taiabash* (*dasiphora fruticose*), and *bulanat*

(*Epilobium angustifolium*) [5, p. 107-109]. By the end of the 19th century, however, tea consumption seems to have become more democratized. If in the middle of the 19th century the missionary V.I. Verbitskii wrote that the Turkic-speaking population of Altai drank brick-tea “as a luxury, and not as a pressing need,” then in the second decade of the 20th century, the ethnographer A.V. Anokhin was observing that “no family, not even the poorest, goes without tea in Altai.” [6, p. 31; 7, p. 109]

Based on ethnographers’ accounts, the method of preparing and consuming tea in this period was fairly uniform, and has much in common with methods still used today in Mongolia and Tibet. A large cauldron of water was boiled, after which pieces of a tea brick would be added, boiled for some time, after which salt, cream and milk were added, and then boiled again. Many of my older informants recalled from their childhoods that a large amount of tea would be prepared early in morning and consumed throughout the day. As the tea boiled, it would be ladled numerous times (some of my interlocutors even specified ninety-nine churnings of the tea mixture). This not only served to oxygenate the tea and improve its flavor, but also to fill the room with the aroma of the freshly brewed tea. Only then was the cauldron removed from the fire and the tea served. The tea would then be consumed from small wooden or porcelain cups, or could be mixed with *talkan* and butter to produce an extremely filling sort of porridge [5, p. 110; 6, p. 31; 7, p. 109].

This mixture of tea and barley has close analogues in other pastoral societies in Inner Asia. *Tsampa*, one of the national staples of Tibet, is similarly prepared from a mixture of fried barley, brick-tea and yak butter. A similar dish is also found in the cuisine of the Republic of Tuva, although with the substitution of fried millet for *talkan*.

More sweeping changes in Altai tea culture took place with the integration of the region into the Soviet economy in the 20th century. While tea ceased to be an object of barter and instead became available in stores, the Soviet period enmeshed Altai tea culture in even larger networks of trade, and brought both new teas and new methods for brewing them. Brick tea from Georgia became available as an alternative to Chinese *zhu cha*, particularly during tense periods in sino-Soviet relations. Similarly, packaged loose leaf tea also became available in Altai, not only from the Caucasus and Southern Russia, but al-

so from India, Sri Lanka and Africa. Later in the 20th century, tea bags also became available (although many Altaians of older generations still view it with distaste). Presently in the Onguday region of Altai where I conduct field research commercially available teas from Sri Lanka, India, and China have largely displaced the brick teas of old, although these are sometimes consumed as a novelty. In most of Altai Republic, tea consumption itself has also moved closer to the general Russian norm— while tea is occasionally prepared in the old style, on a daily basis a highly concentrated brew is prepared and then diluted with hot water, milk or occasionally taken with talkan or salt¹.

While in the era of globalization, tea has involved Altai in even wider global networks of commodity exchange, it remains a profoundly intimate part of everyday life. The French philosopher Henri Lefebvre once wrote of the everyday as “simultaneously the site of, the theatre for[...] indestructible rhythms and the processes imposed by the socio-economic organization of production, consumption, circulation and habitat.” [9, p. 82] This intimate link between quotidian rhythms and the planetary processes of commodity circulation are evident in Altai tea culture: although tea is the product of global networks and histories, it is also a corner stone of the most local and personal experience of everyday life.

Indeed, I’d like to argue that tea is not just a beverage but a structuring element in the flow of time in rural Altai. As I’ve learned from my fieldwork in Altai, tea is frequently consumed not just to quench thirst or for its stimulant effects but to demarcate one activity from another: thus, between the end of one task and the start of another, after arriving from a journey or departing on one, after greeting guests and seeing them off, and even before going to sleep. As I’ve mentioned, “tea” can indicate a wide variety of things: ranging from hastily drinking a single cup to consuming an entire meal. The act of taking a break from one’s activities to prepare and consume tea forms a constant repeating caesura across the variable and unpredictable schedule

¹ To this day, there is substantial regional variation in how tea is consumed in Altai Republic. While the Altai-kizhi predominantly consume tea with a teapot, many Telengits of the Ulagan and Kosh-Agach regions still prepare tea in the older style, in a cauldron with milk, butter and talkan. On Telengit tea culture, see [5, p. 110-111; 8, p. 82-83].

of agricultural life — seasons change, the demands of the farm change, but the cyclical repetition of tea consumption continues as an eternally recurring oasis of rest. The materials and techniques involved in brewing tea in contemporary Altai contribute to its capacity to arrest the temporal flow of the day. One must first wait for the water on the stove or electric kettle to boil, then one must wait for the tea to brew, and finally one must wait for the tea to cool to a drinkable temperature (though this last wait can be abbreviated with the addition of cold milk). Making tea thus ostensibly creates a time of waiting, a moment of idleness carved out by heating, brewing, and cooling. And yet this “idle” time is itself a fecund ground for many other activities, from having a quick snack to carrying out important conversations.

To borrow a term from German media theorist Wolfgang Ernst, tea forms a device of chronopoetics of Altaian delay life: it organizes and segments the temporal flow of the day just as much as sleep and waking [10]. Tea as both liquid and chronopoetic device becomes doubly embodied. It of course provides hydration and a stimulant effect. But it also works its way into the rhythmic bodily unconscious of Altai everyday life. When a guest arrives, for example, tea is often not even explicitly offered: it is prepared and consumed without breaking the flow of the conversation, as if by reflex. Even in my own case, after almost a year of fieldwork in rural Altai, if for some reason I was unable to consume the obligatory cup of tea between tasks, I experienced a sort of dissonance, as if a temporal ligament in the day the day has been severed. My informants occasionally expressed similar sentiments. Once while I was participating in the yearly hay harvest in an Altai village, one of my companions neglected to bring the thermos of hot tea which we had been drinking along with bread and cucumbers in our occasional breaks from work. Despite the punishing August sun overhead, the absence of the hot tea was sorely lamented by all my companions in the hay field: the cold water we had taken with us, one of my informants explained, just couldn't slake thirst as well as tea.

Tea consumption in Altai is also almost always social — I've of course already mentioned the role tea plays in hospitality. But the hiatus of tea consumption also creates a unique social space for families, friends or coworkers to plan, gossip, reminisce or philosophize. In this capacity tea is not just an opportunity to restore one's physical energy but also restore social bonds. It would not be an exaggeration to say

that most of my conversations during my fieldwork have been over a hot cup of tea. This fact perhaps accords with the recurrent historical role of tea in Altai: as a mediator not only between neighbors but between nations.

References

1. *Bamana G.* Tea Practices in Mongolia: A Field of Female Power and Gendered Meanings // *Asian Ethnology*. 2015. Vol. 74. № 1. Pp. 193-214.
2. *Perdue P.C.* Tea, Cloth, Gold, and Religion: Manchu Sources on Trade Missions From Mongolia to Tibet // *Late Imperial China*. 2015. Vol. 36. №. 2. Pp. 1-22.
3. *Bertsch W.* The Use of Tea Bricks as Currency among the Tibetans // *The Tibet Journal*. 2009. Vol. 34. №. 2. Pp. 35-80.
4. *Абашии С.Н.* Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII — XIX веках // *Традиционная пища как выражение этнического самосознания*. М.: Наука, 2001. С. 204-230.
5. *Муйтуева В.А.* Традиционная пища алтай-кижи: обряды и представления. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. — 154 с.
6. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсонб 1893.
7. *Анохин А.В.* Материальное производство ойрогов и шорцев. СПбю: Изд. дом Мост, 2013. — 224 с.
8. *Дьяконова В.П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское республиканское книжное издательство «Юч-Сюмер», 2001. — 224 с.
9. *Lefebvre H.* Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life. London: Continuum, 2004. — 112 p.
10. *Ernst W.* Chronopoetics: The Temporal Being and Operativity of Technological Media. Lanham, MD: Rowman & Littlefield International, 2016. — 283 p.

И.М. Дюсекенева

Категория аспектуальности английского языка в свете дискурс-анализа

Аннотация: В статье рассматривается категория аспектуальности английского языка. Сделана попытка рассмотреть данную категорию с позиции дискурс-анализа. На материале газетного дискурса прослеживается интенциональность говорящего при передаче аспектуального значения обозначаемой ситуации.

The article considers the category of aspectuality of the English language. An attempt is made to consider this category from the position of discourse analysis. On the basis of newspaper discourse, the intentionality of the speaker is conveyed in the transmission of the aspectual meaning of the indicated situation.

Ключевые слова: категория аспектуальности, аспект, аспектуальные ситуации, дискурс-анализ | category of aspectuality, aspect, aspectual situations, discourse analysis

Проблема аспектуальности в рамках лингвистического антропоцентризма приобретает особую значимость, поскольку данный принцип позволяет рассматривать категорию аспектуальности как факт грамматического мышления, организующего языковую картину мира, которая в свою очередь соотносится с дискурсивной картиной мира.

Т.М. Белошапкина определяет, что «дискурс — это реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временной детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира» [1, с. 215]. В свою очередь, дискурсивная картина мира — это «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов, включенных в социальные практики, и репрезентированная в совокупности

дискурсивно обусловленных вариантов языковых единиц» [2, с. 186].

Аспект может выступать как часть дискурсивной картины мира. Выбор глагольной формы подчеркивает активность субъекта в развитии, в действии. Аспектуальность определяет характер протекания действия (в широком смысле), позволяет представить одну и ту же ситуацию по-разному, сделать акцент на те стадии действия, которые хочет выделить говорящий в своем высказывании.

По отношению к русскому и другим славянским языкам, ядром категории аспектуальности является «глагольный вид», представляя собой отдельную морфологическую категорию. По отношению же к неславянским языкам, где в глаголе и его временных формах также могут выражаться характеристики протекания действия, целесообразнее использовать термин «аспект», обозначающий универсальную семантическую категорию глагола.

Согласно Британской энциклопедии языка и лингвистики, термин «аспект» имеет два значения. Узкое значение — соотношение с грамматической категорией, охватывающей структуру ситуации или ее видение говорящим. Широкое значение — охват лексических и семантических категорий, имеющих отношение к классификациям ситуаций (способам действия) [3, с. 240]. Трактовку аспекта как семантической категории выдвигает О. Дал: «Аспект — это часть семантики глагола, используемая для передачи продолжительности действия, его начала, конца или законченности» [4, с. 22]. Таким образом, адресат сам определяет аспектуальное значение передаваемой им ситуации. В данном случае мы наблюдаем влияние интенциональности говорящего на выбор языковых форм, на что указывает З.И. Резанова, рассматривая методологию дискурсивного подхода[2].

Понятие «аспект» в широком смысле соотносится с временными свойствами предложения. Комри (Comrie) [5], Смит (Smith) [6] выделяют два уровня аспектуальности в предложении: а) тип ситуации или aktionsart и 2) грамматический аспект. Типы ситуации — это классы предикатов, которые отличаются друг от друга по ряду оснований:

- а) стативные /динамичные (например, know English / study English);
- б) дуративные /точечные (например, snap / bend);
- в) предельные /непредельные (например, arrive / stroll).

Различие между стативными и динамичными глаголами в английском языке проявляется в том, что последние могут употребляться в длительной форме (He is studying English / He is knowing English). Различие между длительными и точечными ситуациями заключается в том, что им присуще наличие / отсутствие протяженности во времени. Понятие предельности / неопределенности противопоставляется по признаку наличия либо отсутствия естественного внутреннего завершения или кульминации. Предельные события могут быть описаны адресатом как законченные (незаконченные), если они имеют в своем значении внутреннюю завершенность. Непредельные события не имеют внутренней завершенности, они могут быть прекращены действием извне.

Вендлер выдвигает несколько оснований для выделения глаголов в подклассы. Первым основанием деления ученого является использование глагола в продолженном времени. В случае, если глагол (например, «to know» — знать) не используется в продолженном времени, он относится к одному роду временных схем, а если используется — к другому. Те схемы, которые допускают употребление в продолженном времени, далее делятся по признаку гомогенности. Если глагольный предикат истинен в любом интервале времени в течение своего осуществления, то такой глагольный предикат является гомогенным (например, «to run» — бегать). Такие роды глаголов Вендлер обозначает «деятельностями» (activities).

Если же глагольный предикат не допускает умозаключения об истинности на обозначенном интервале времени, то такой глагольный предикат является негомогенным, целостным (например, «write a letter» — написать письмо). Данные роды глагольных предикатов Вендлер называет «свершениями» (accomplishments) [7].

Те роды глаголов, которые не имеют продолженного времени, разделяются по следующему признаку: мгновенности/длительности. Таким образом, Вендлер выделяет глагольные

предикаты — длительные «состояния» (states), а также мгновенные «достижения» (achievements). Достижения требуют значительной подготовительной работы, данные предикаты истинны в какой-то один момент времени.

Таким образом, комплекс свойств, который в совокупности характеризуют определенную ситуацию, соотносится с временными свойствами или временным контуром ситуации.

Уровень грамматического аспекта подразумевает определенную перспективу применительно к какой-либо ситуации; данный подход Смит обозначает как «точка зрения». Основное различие следует из противопоставления перфективной и имперфективной точек зрения. Перфективный аспект охватывает ситуацию целиком, включая ее начало и конец, в то время как имперфективный аспект фокусируется только на внутреннем отрезке события. Проследим данные различия на следующих примерах:

- a) Mary walked to the beach;
- б) Mary was walking to the beach.

Первое предложение содержит в себе перфективную точку зрения, оно описывает всю ситуацию, включая завершение, если по ситуации она присутствует. Имперфективный аспект уже в том смысле, что он исключает завершенность действия.

Александр Морелатос в статье «События, процессы и состояния» пишет: «Вендлер утверждал, что свершения вместе с деятельностью образуют один род, а достижения вместе с состояниями — другой, поскольку, как он полагал, глаголы достижения, подобно глаголам состояния, не допускают использования продолженного времени. Это различие... ошибочно, поскольку ошибочен грамматический критерий, на котором оно базируется. Можно... придумать правильно построенные предложения, в которых любой из глаголов достижения будет использоваться в продолженном времени, например, 'He is winning the race' ("Он выигрывает гонку")» [8, с. 417].

Сомнение в первом основании деления ставит под вопрос обоснованность разделения достижений и свершений. Вендлер предупреждает о недопустимости их смешения, аргументируя это так: «Когда я говорю, что мне потребовался час на написание

письма (это свершение), я подразумеваю, что написание письма проходило в течение этого часа. С достижениями — иная картина. Даже если кто-то скажет, что ему потребовалось три часа, чтобы достичь вершины, то он не будет иметь в виду, что достижение вершины продолжалось эти три часа. Очевидно, что три часа занял подъем» [7, с. 147].

Ю.С. Маслов предложил путь исследования аспектуальных свойств разных групп глаголов по принципу совместимости / несовместимости их значений с грамматическими значениями и функциями того или иного вида, выделяя в соответствии с указанным принципом три больших разряда: 1) непарные глаголы НСВ, 2) непарные глаголы СВ, 3) пары соотносительных глаголов и далее ряд более мелких рубрик внутри каждого из этих трех разрядов [9]. К аспектуальным категориям, кроме грамматической категории вида, относится подразделение глагольной лексики на предельные и непредельные глаголы. Согласно исследованиям Ю.С. Маслова, данное подразделение является универсальным для всех языков мира, так как оно отражает интерпретацию двух типов глагольных фактов. Одни из них, по словам ученого «предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижение известного предела, кладущего конец действию», другие «обозначают действия, не предполагающие по своей природе никакого внутреннего предела действия, которые могут длиться беспрестанно и не содержат в самих себе никаких предпосылок своего прекращения» [10, с. 197].

Предложенная классификация Ю.С. Маслова может быть соотнесена с классификацией Вендлера, так как понятийная (семантическая) основа является универсальной.

Традиционная классификация аспектуальных ситуаций может быть рассмотрена с позиции дискурсивной практики, поскольку передача аспектуальных ситуаций координируется коммуникативными действиями адресантов и адресатов.

Фактическим материалом исследования служат языковые единицы английского газетного дискурса, в котором отражена аспектуальная семантика в разных ее вариантах.

С классом *states 3* Вендлера можно соотнести в группе непарных глаголов несовершенного вида Ю.С. Маслова такие подряды, как:

а) «глаголы, обозначающие факт существования и наиболее общие свойства и качества предмета, его количественные и качественные определения в отношениях с другими предметами: быть, существовать и др.» [9, 54]. Данные экзистенциальные глаголы выражают бытие. Сущность бытия не имеет предела:

I'm not saying they're right, I'm just saying I can see their perspective [11]; I think transparency is really important, but should that transparency be transferred to our communications? [11]; The trigger-happy response is to mudsling and say he's a confused kid who doesn't know enough about his gender [11]; For years, we've only been able to afford very mediocre holidays to Cornwall, where we have family, or staying with friends in either Geneva or France', says Sarah [12].

б) «глаголы, обозначающие чувства и эмоциональные состояния, которые не могут мыслиться как кратковременные. Здесь мы наблюдаем временную делокализованность. Эти глаголы выражают длительные состояния, как осмысливают их русское и английское языковое сознание:

We were all upset about that but trying to stay focused at the same time [160]; When we went back out they told us he was ... stable [13]; I don't want you looking at what I'm looking at on the internet, or knowing what my password is for Facebook or my bank account, or overhearing messages to friends and lovers, people I love and hate, it's none of your business [11].

Проанализированный материал позволяет утверждать, что указанные глаголы выражают неизменность ситуации, не мыслятся как мгновенные, не приводят к новому состоянию.

С классом activities 3. Вендлера (непредельные события, имеющие длительность) можно соотнести непарные глаголы несовершенного вида, такие как:

1) «глаголы, обозначающие принадлежность лица к определенной общественной группе, его род занятий, должность и т.д.» (generic states у Вендлера) [9, с. 55]. Род занятий человека мыслится как длительная деятельность, не имеющая предела:

When I write songs, it's very private, I'm not really thinking anybody's going to hear them [14]; There's a lot of reasons why something doesn't connect, not least 'cause I found it difficult to go out and sing' [14].

Один и тот же глагол, употребляясь в разных формах, может передавать как предельные, так и события, ограниченные внешними рамками. Так, в предложении *My idea of relaxing is to sing and play, even if half the time it's nursery rhymes*[14] глагол *play* имеет форму инфинитива и обозначает длительное действие, не ограниченное никакими рамками. В следующем предложении глагол *is playing* имеет форму *Continuous*, действие осмысливается как временное:

The actress is currently playing screen legend Elizabeth Taylor for the TV movie "Liz&Dick", based on Taylor's love affair with actor Richard Burton [15];

2) «глаголы, обозначающие состояние, хотя бы и временное, но такое, которое не предполагает даже в отдаленной перспективе каких-либо качественных изменений или неизбежного, из самой природы данного процесса вытекающего перехода в какое-либо новое состояние» [9, с. 55]. Данные глаголы имеют различную семантику, описывая свойства различных предметов, как одушевленных, так и неодушевленных:

A six-year-old boy sits on a bench with an open portfolio on his lap, and a sign reading "Please buy my paintings" [17]; In one shoot-out game, students answer questions before being allowed to use their computer mouse to score goals [15]; His original contract was due to expire after the 2010 season, but owner Bob McNair has stepped up to keep Kubiak and defended him several times amid the bumps [13]; David Pohl, the school's deputy head, said: "It's clear that in core subjects those who use it the most stand a significantly increased chance of meeting their GCSE target grades [15]; If he's screaming in the night, I just sing it and he stops and listens [14].

3) «глаголы, обозначающие занятия действием без указания, хотя бы в перспективе на момент окончания этого действия как на его цель» [9, с. 55]. Данная группа глаголов описывает как быденные ситуации, так и общественную жизнь:

Ministers are concerned that people of all ages who have to care for frail or disabled family members are currently treated as “second-class citizens” [15]; She actually wrote and recorded her new album prior to giving birth to their son, Stanley, in December 2011, but decided to put it on hold and enjoy motherhood. [16]; When I write songs, it’s very private, I’m not really thinking anybody’s going to hear it [16]; She is quite convincing when she claims the relative commercial failure of Safe Trip Home didn’t bother her in the least [16]; Students are still playing football and having fun but they are also heavily engaged in continuing their learning outside of school [15].

4) глаголы «неопределенного движения» [9, с. 55]. В английском языковом менталите темы наблюдаем активного деятеля, что связано с активностью англичан в первооткрывании новых земель:

Her Dutch parents were living on a yacht in a port in New Zealand when Dekker was born and she was six when she first sailed solo [18]; Her mother has said "she sails like a devil", while her grandfather says "she's a stoic. She will keep a cool head in the most extreme of situations." [19]; I wish more environmentalists would fly [19].

5) глаголы «определенного движения», если при них нет указания цели движения [9, с. 55]. В английском языковом сознании наблюдается разнообразие форм употребления глаголов (в нашем случае это инфинитив, форма Past Continuous, Present Continuous, Present Simple). Данный факт свидетельствует о широком использовании данной группы глаголов, для выражения различных оттенков значения, что свидетельствует о значимом месте глаголов движения в английском языковом менталитете:

Mark Duggan, whose death sparked last year’s riots, was carrying a loaded gun when he was killed by armed police, a court heard today [20]; There’s a lot of reasons why something doesn’t connect, not least ‘cause I found it difficult it difficult to go out and sing [14]; My fear is meeting fire with fire, and I think that’s what we’re removing towards too quickly and we need to debate it [11].

б) «глаголы безуспешной попытки и безуспешного стремления» [9, с. 56]:

Yesterday Madrid insisted it wanted to wait for the result of two independent bank audits, due on June 21 and July 31, before launching a recapitalization plan [15]; When is it polite/respectful to start looking for work again?[21].

К классу activities также можно отнести пары соотносительных глаголов совершенного и несовершенного вида второго разряда: глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта», глаголы переживаний и психических состояний, которые могут мыслиться и как длительные и как кратковременные [9, с. 62]. Данные глаголы не приводят к новому состоянию субъекта, не создают нового объекта:

“We can advise but only they can make decisions”, he said [15]; We were soon informed that he was in stable condition, but the rattled team unraveled in the second half as Indianapolis rallied for a 27-24 victory Sunday night [13]; But I understand why he was convicted [11]; If they are saving lives, how can you say that is less important than civil liberties?[11]; In one penalty shoot-out game, students answer questions before being allowed to use their computer mouse to score goals [15].

Данные глаголы обозначают длительные действия, не связанные с определенным временным отрезком.

С классом accomplishments (класс предельных событий, для достижения предела которого необходима кумулятивная фаза, и приводящая к новому состоянию) З. Вендлера можно сопоставить пары соотносительных глаголов совершенного и несовершенного видов первой группы Ю.С. Маслова (значение «попытка — успех»). В основном это глаголы физического действия, имеющие объект:

A survey of catches at European ports has found that fishermen did not catch a single cod over the age of 13 last year. (The Telegraph 16 September 2012); This wasn't printed for some reason [22]; It was also claimed that they created healthy competition between pupils who sought to achieve higher scores and climb school leader boards [15]; The pair have trans-

formed the Texans, who began to play in 2002, from league laughingstock to contender [13].

Эти глаголы обозначают действие, занимающее определенный промежуток времени.

С классом achievements З. Вендлера (событие, фокусирующееся на моменте завершения действия) соотносятся:

1) непарные глаголы совершенного вида, а именно такие как:

— «глаголы мгновенного, внезапного действия, часто неожиданного для говорящего или для лиц, о которых идет речь (многие из этих глаголов имеют известную эмоционально-стилистическую окраску)» [9, с. 57]. В русском языковом менталитете как и в английском данная группа глаголов не является распространенной. В большинстве случаев данным ментальностям присуще представление об эмоциональном состоянии как длящемся во времени. Вспышки эмоционального проявления имеют место в редких случаях:

Davis Love, the US Ryder cup captain, broke down in tears in his press conference [22]; As I said, he broke an oath, so he knows what he's doing [11];

— «финитивные глаголы, а также глаголы, обозначающие разные оттенки полноты, исчерпанности действия (важна идея исчерпанности, отработанности, а не процесса)» [9, с. 5].]. Применительно к английскому языковому сознанию мы обнаруживаем в данной группе лишь финитивные глаголы:

Kubiak was hired in 2006, along with general manager Rick Smith, after the Texans finished with two wins from 16 games [13].

Способы протекания действия выражены в размытой форме и передаются средствами контекста, вне глагола. Для английского языкового менталитета характерно представление самого действия, безотносительно к характеру его протекания.

— многие начинательные глаголы [9, с. 58]. Для английского языкового сознания, как и в случае с финитивными глаголами, не

важно фокусирование на начале либо конце действия. Важен сам факт существования действия:

Everyone fell in love with Paddy Leigh Fermor [208];

2) «пары соотносительных глаголов совершенного и несовершенного вида типа находить / найти, приходиться / прийти (глагол совершенного вида обозначает факт скачкообразного, «точечного» перехода к новому качеству, причем указанием на «критическую точку» собственно и исчерпывается семантика соответствующей формы)» [9, с. 63]:

A lot of the songs dealt with the death of her father, and after a few promotional dates, she realized she couldn't take the album on the road [14]; The disclosure comes despite previous fears from experts that too much access to screen-based entertainment damages children's attention span and forces them to lose concentration [15]; It emerged that 70 per cent of regular users exceeded pre-set GCSE targets in maths compared with just 40 per cent of other pupils [15]; When she first appeared, her mix of electronic and acoustic instrumentation on delicate, sensitive songs seemed very individual and striking, yet somehow her accessible melodiousness, smiling face and ease of tone made her almost a byword for boring, along with those other early 21st-century British transatlantic success stories, Coldplay and David Gray [14].

Принадлежность глагола к определенному аспектуальному классу в не является стабильным. Например, в английском языке двувидовые глаголы переходят из одного класса в другой в зависимости от того, имеет ли данный глагол семантику предельности либо семантику неопределенности. Например, в предложении *My fear is meeting fire with fire, and I think that's what we're moving towards too quickly and we need to debate it* [11] глагол *to debate* имеет двойную трактовку. Если трактовать данный глагол как предельный, то он соотносится с аспектуальным классом совершенных (*accomplishments*). Если же данный глагол трактовать как неопределенный, то он принадлежит к классу деятельностей (*activities*).

Как в русском, так и в английском языке, контекст оказывает влияние на принадлежность глаголов к конкретному классу.

Например, принадлежность глагола к классу действий (activities) или к классу совершений (accomplishments) определяет число объекта. В следующем предложении глагол write принадлежит аспектуальному классу действий (activities), поскольку объект songs имеет форму множественного числа, что передает значение повторяемости действия:

When I write songs, it's very private, I'm not really thinking anybody's going to hear them [14].

В следующем примере в роли объекта выступает собирательное существительное, что также определяет принадлежность глагола к аспектуальному классу действий (activities):

"I have no desire to write fiction," said the Pulitzer prize-winning literary giant [23].

В следующем предложении глагол to write соотносится с аспектуальным классом совершений (accomplishments):

But hold on, there's more because right here we get to write a story with Neil Gaiman [24].

Таким образом, выбор глагольной семантики зависит от интенции говорящего. В зависимости от того, как адресат хочет представить ситуацию адресанту (предельная / непредельная, наличие / отсутствие протяженности во времени, мгновенная / длительная), он передает соответствующую аспектуальную семантику глагола.

Литература

1. Белошапкова Т.М. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принципы анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) // Вестник ТГУ. 2008. № 5 (61). С. 214-218.

2. *Резанова З.И.* Языковая и дискурсивная картина мира — аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184-194.
3. The Encyclopaedia of Language and Linguistics / Ed. By Asher R.E. Oxford.1994.
4. *Dahl O.* Concise Encyclopedia of Grammatical Categories. Cambridge. 1999.
5. *Comrie B.* Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge.1976.
6. *Smith C.S.* The Parameter of Aspect. Dordrecht. 2007.
7. *Vendler Z.* Verbs and Times // Philosophical Review. 1957. № 66. pp. 143-160.
8. *Mourelatos A.P. D.* Events, Processes and States // Linguistics and Philosophy.1978. №2. pp. 415-438.
9. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л. 1984.
10. *Маслов Ю.С.* Глагольный вид в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М. 1959.С. 157-313.
11. The Guardian, 14 September 2013.
12. The Daily Mail, 04 October 2014.
13. The Guardian, 4 November 2013.
14. The Telegraph, 03 March 2013.
15. The Telegraph, 08 June 2012.
16. The Guardian, 28 September 2012.
17. The Telegraph, 17 Feb 2014.
18. The Guardian, 23 January 2012.
19. The Guardian, 5 November 2013.
20. The Telegraph, 18 September 2012.
21. The Telegraph, 27 December 2013.
22. The Telegraph, 27 September 2012.
23. The Telegraph, 4 February 2014.
24. The Telegraph, 14 June 2013.

Н.А. Волкова, М.В. Котова

**Функционирование диалектной лексики
в произведениях алтайского прозаика**

Е.Г. Гущина

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов исследования функций диалектной лексики в произведениях Е.Г. Гущина. Актуальность статьи продиктована усилившимся в современной лингвистике вниманием к роли диалектной лексики в отражении картины мира, а также существующими лакунами в изучении языка художественных произведений Е.Г. Гущина. В результате проведенного исследования выделены тематические группы диалектной лексики, отраженной в произведениях названного автора, а также охарактеризованы функции диалектизмов.

The article is devoted to the description of the results of the study of the functions of dialect vocabulary in the works of E.G. Guschin. The relevance of the article is dictated by the increased attention in modern linguistics to the role of dialect vocabulary in reflecting the picture of the world, as well as existing lacunae in the study of the language of artistic works of E.G. Guschin. As a result of the study, thematic groups of dialect vocabulary, reflected in the works of the author, are highlighted, and the functions of dialectisms are described.

Ключевые слова: язык художественной литературы, диалектная лексика, тематические группы, функции диалектизмов в художественном тексте, региональная литература | language of fiction, dialectal words, thematic groups, functions of dialectisms, regional literature.

Язык художественной литературы представляет собой сложное явление, так как формируется из большего количества источников, чем язык нехудожественный. Вопрос об использовании диалектных слов в литературных произведениях всегда был актуален для отечественных ученых — лингвистов и писателей. Данной темой интересовались К.С. Горбачевич, Ю.М. Лотман Л.П. Крысин, А.Т. Хроленко и др. Благодаря мастерству писателей литературный язык обогащается за счет народной речи. Вопросы об уместности использования диалек-

тизмов в художественной речи не всегда решались однозначно. Тем не менее, разные писатели в своем творчестве употребляли диалектизмы. На сегодняшний день изучение диалектной лексики в художественных произведениях остается актуальным, поскольку диалектизмы выполняют различные функции в художественном тексте. Диалектологическая сфера языка, имея непосредственный выход в этнокультурологию, по-прежнему вызывает живой интерес лингвистов. В условиях, когда русские народные говоры исчезают, а вместе с ними уходят и уникальные факты истории языка, и в целом — культуры русского народа, значимость исследований диалектизмов в художественной речи будет только возрастать.

Как считает К.С. Горбачевич, «писателям, которые не только сообщают некие сведения, но и преследуют художественно-эстетические цели, разрешен как бы сознательный выход за границы нормирования языка, реализующийся в том, что в целях реалистического изображения жизни, писатели включают в свои произведения нелитературные слова, формы слов и выражения, допускают оправданные контекстом отступления от норм литературного языка» [1, с. 22]. Диалектное слово в контексте писателя, как правило, тождественно его миропониманию как жителя того или иного края, фиксировавшего и передававшего народную речь.

Наряду с литературным языком, диалектная и просторечная лексика — это два мощнейших пласта в системе русского языка, не получившие в силу отрицательного к ним отношения со стороны носителей литературной нормы существенного описания в языке художественной литературы. Хотелось бы отметить, что русские диалектизмы изначально рассматривались носителями языкового стандарта как непрестижные формы языка, которые не могут принимать участие в формировании литературного языка, а любое даже незначительное влияние диалектной лексики на языковой стандарт оценивалось специалистами резко отрицательно. Вместе с тем, такое резкое отрицание важной роли некодифицированной лексики в развитии литературного языка может привести к одностороннему взгляду на проблему [2, с. 58].

Степень и характер использования диалектных слов в разные периоды неодинаковы и зависят от многих причин: и от обще-

ственного эстетического идеала, и от того, кто составляет читательскую массу, и от темы произведения и объекта изображения, и от целей, которые ставит перед собой автор (привлекающий диалектную лексику), и от литературных вкусов автора, и от его мастерства и т. п. Л.П. Крысин полагал, что «местные говоры и городское просторечие издавна играют роль питательной среды для литературного языка: именно из этих источников литературный язык XVIII-XIX вв. черпал новые выразительные средства» [3, с. 82].

Несмотря на интерес, проявляемый современной лингвистической наукой по отношению к диалектной лексике, можно утверждать, что комплексный анализ некодифицированной лексики на материале произведений одного писателя как вид лингвокультурологического исследования еще не получил широкого распространения. В изучении диалектной лексики в художественных произведениях для нас особый интерес представил региональный материал — творчество русскоязычного писателя Алтая — Евгения Геннадьевича Гущина. Произведения этого писателя на сегодняшний день являются малоисследованными, хотя еще при жизни они получали высокую оценку критиков и были не раз удостоены премий: так, автор был удостоен премии журнала «Наш современник» (1975), звания лауреата премии ВЦСПС и Союза писателей России за лучшее произведение о колхозном крестьянстве (1984); за роман «Ведьмин круг» получил премию Демидовского фонда (1993). Е. Гущин является дважды лауреатом краевой премии имени В.М. Шукшина (1991, 1995); лауреатом премии Алтайского края (1998). Был награжден медалью Петровской академии наук и искусств «За развитие литературы на Алтае» (2000), в 2004 г. — премией им. Г. Егорова.

Евгений Гущин является автором 15 книг художественной прозы, среди которых есть романы и повести. Широкую известность на Алтае и за его пределами принесли романы «Правая сторона», «Ведьмин круг» и повести «Облава», «По сходной цене», «Храм спасения». По рассказам «Тень стрекозы» и «Красные лисы» Новосибирская студия кинохроники поставила игровые фильмы, которые успешно шли по телевидению.

Изучением творчества Е.Г. Гущина занимались В. Горн, А. Горшенин, М. Дмитриева и другие исследователи. Важно также

отметить, что о его творчестве высоко отзывался В. Распутин. «Как отмечали рецензенты, в центре внимания многих произведений Е. Гущина была проблема — человек и природа. В рассказах писателя запечатлено органическое (хотя в то же время и противоречивое) единство человека и природы» [4, с. 463].

В данной статье отражается материал исследования диалектной лексики в следующих произведениях Е. Гущина: рассказ «Красные лисы», повести «Небесное создание» и «Храм спасения». Для уточнения значений диалектизмов использовались как региональные словари — «Талицкий словарь» (далее: ТС), «Словарь русских говоров Алтая» (далее: СРГА), так и сводный «Словарь русских народных говоров» (далее: СРНГ).

Обстановка, окружение героев повести, самобытность персонажей, их переживания — все это конкретизируется через использование диалектной лексики. В названных произведениях Е. Гущина мы обнаружили около 100 диалектизмов, которые имеют разное семантическое наполнение: названия природных и атмосферных явлений; обозначение особенностей рельефа местности; названия одежды и предметов быта; названия продуктов питания; названия построек; названия из сферы флоры и фауны; лексемы, отражающие оценку состояний и эмоций человека; лексемы, имеющее значение действия; обозначение времени и места.

Лексика говора в произведении, несущая значения тематической категории «природные явления», позволяет читателю окунуться в атмосферу, в данном случае — тайги, ощутить силу и мощь природы Алтая и вместе с тем — колорит местного говора. В повести «Небесное создание» зафиксированы следующие диалектизмы: «хмарь», «куржак», «морочь». «Небо было окутано хмарью...» [5, Гущин, с. 35]. Хмарь — это ‘мгла, туман’.

Уже по-вечернему засинели тени, когда Алексей, весь в куржаке, даже суконная куртка покрылась на груди и плечах белой шерстью, с трудом переставляя ватные ноги <...> увидел с последнего взгорка заснеженную шапку крыши Купеческой избушки [5].

По данным СРНГ [6, Вып. 16, с. 124], а также по данным ТС [7, с. 169], «куржак» — ‘иней, особенно обильный’. Слово используется на Алтае, в Кургане, Тюмени, Омске и других как отдельных

городах, так и регионах. Другой пример: «Снег заволакивал ее (лыжню) белой морочью, заглаживал» [8, с. 161]. Слово «морочь» и его производные зафиксированы в СРНГ [6, Вып. 18, с. 277] со значением ‘пасмурная, мрачная погода’.

Хотелось бы отметить, что природные явления отражаются не только диалектными именами существительными, но и также глаголами, такими, как «развидняться», который имеет значение ‘после дождливой, пасмурной погоды наступление ясной, безоблачной погоды’, ‘образование просветов между тучами’ [6, Вып. 33, с. 287] и словом «распогаживаться», означающим подобное явление — ‘погода становится ясной’ [6, Вып. 34, с. 175], в следующем примере: «Распогодится, полетят поисковые вертолеты, найдут место катастрофы» [5, с. 89]. Интересно, что в разных русских диалектах, по данным СРНГ, это слово может употребляться в противоположных значениях — либо в значении ‘погода становится ясной’, либо ‘погода портится, надолго становится дождливой’. В приведенном фрагменте из контекста понятно, что слово употреблено в первом значении.

Встречаются слова, выражающие особенности рельефа, помогающие показать уникальность природы Алтая. В этом ряду отметим такие зафиксированные в ТС диалектизмы, как «чистинка» — ‘маленькая полянка, свободное от деревьев и кустарников место’ [7, с. 406], «взлобок» — ‘возвышенность или крутой пригорок’ [7, с. 66], «путик» — ‘охотничья тропа, протоптанная или прорубленная в лесу’ [7, с. 301], «гольцы» — ‘высокие, лишенные растительности вершины гор’ [7, с. 88]. Приведём примеры из текстов: «...Придерживая Алену за талию, медленно вывел её из избушки на чистинку перед навесом». «Она не пугала, а наоборот, несла отрадное облегчение, как избушка в конце долгого и надсадного путика» [5].

Тематическая группа «предметы быта», т. е. все то, что использует человек повседневно, взаимодействует с тематической группой «постройки» и играет роль в отображении пространственно-временных отношений. Повести Е. Гущина богаты диалектной лексикой подобной тематики. Читая повесть «Храм спасения», мы видим «зимовейку» (‘домик, зимняя избушка в лесу для приюта для зимовки охотников, рыбаков и т. д.’) [6, Вып. 11, с. 277]. А войдя в эту «зимовейку», мы увидим «печурку» (‘углубление

в наружной стене печи, куда кладут разные вещи для подсушки'), а также «ухватник» ('предмет кухонной утвари для подхватывания горшков, чугунов') [9, Т. 4, с. 185], «каточек» / «каток» ('круглый валик, который подкладывается под ухват, чтобы легче было двигать чугуны') [9, Т. 2, ч. 2, с. 25], «сковородник» ('приспособление для захвата горячей сковороды') [9, Т. 4, с. 85].

С помощью диалектизмов данных групп мы можем представить уклад жизни главного героя, поселившегося в тайге в должности егеря. Не случайно весь этот ряд слов дается в одном контексте и преподносится из уст главного героя, объясняющего приехавшей к нему городской девушке, как пользоваться этими предметами:

Вот это кочерга. Из печи угля и золу выгребать. А это ухват. Видишь, в печи чугунок стоит. Я его цепляю вот таким манером и вытаскиваю. Если тяжело, под ухват можно положить вот эти каточки. А это сковородник [8, с. 179].

Не менее интересную группу диалектизмов представляет лексика тематики «флора». Тайга богата различными растениями, которые имеют свои местные названия, например, «чапыжник», зафиксированное в СРГА ('мелкий кустарник, молодая поросль леса, молодой березняк') [9, Т. 4, с. 208]. Представим, что в предложении: «Продираться на лыжах сквозь чапыжник, да еще и карабкаясь вверх, — сплошная морока» [5], вместо слова «чапыжник» было бы словосочетание — мелкие кустарники. Безусловно, текст был бы понятен, но при этом бы потерялась стилистическая особенность автора. И такой лексики, помогающей автору воздействовать на представления читателя о сибирской тайге, в текстах Е. Гущина немало. Например, значение 'кедровый бор' отражено через диалектизм «кедрач»: «Отпущенный Дымок, обретя свободу, дал круг вокруг избышки, разминая лапы и на махах умчался в сумрачный кедрач [5]. Ещё одно слово этой тематической группы — «маральник»: «Но когда шел по Пыже, не удержался, сломил с нависающих скал несколько заиндевевших веток маральника». Слово «маральник» в данном контексте означает 'растение семейства вересковых' [7, с. 186], хотя в ТС отме-

чено и омонимичное значение — ‘огороженный участок местности, где пасутся маралы’.

Наряду с такими, всем понятными словами, мы встречаем и совсем незнакомые большинству жителей нашей страны слова: слово «тальник» отражено в СРГА (‘смешанный низкий лес’) [9, Т. 4, с. 146], а в ТС это слово дано в сочетании «красный тальник» [7, с. 163]; «колодина» (‘толстый ствол упавшего дерева’) [7, с. 154]; «кандык» (‘растение-медонос, корни-луковицы которого употреблялись в пищу’) [9, Т. 2, ч. 2, с. 13]. Примеры из текста: «В густоту тальника. Там ложбинка»; «Он улыбнулся ей с тихой печалью, взял обе пары лыж, ружье и все это спрятал за придорожным сугробом, под кедровой колодиной» [5]; «.. уже распускали свои стрельчатые лепестки фиолетовые кандыки — первые таежные цветы» [8, с. 162].

Встречаются также диалектные лексемы, отражающие оценочную характеристику, состояние и эмоции героев. Например, в предложении: «А то своим видком совсем заполохало ее, от страха помрет» [5], слово «заполохать» означает ‘испугать, смутить’. Лексемы «глянутья» (‘быть по вкусу, нравиться’) [6, Вып. 6, с. 232], «ухайдакать» (‘измучить, убить’) [9, Т. 4, с. 271], «заполошно» (‘безрассудно, взбалмошно’, от диалектного прилагательного «заполошный») [7, с. 126] выражают не только особенности героев и их взаимоотношения, но и отношение автора к персонажам: «Молоденький чокеровщик-сучкоруб вдруг заполошно сорвался со своего бокового места и товарища потащил за рукав в конец салона — уступил сиденье» [5].

Диалектизмы, обозначающие действия и предметы, связанные с бытовыми особенностями охотника и любого жителя Алтая, мы отнесли к отдельной группе. Такие слова, как «тропить» (‘выслеживать’) [6, Вып. 45, с. 131], «торить» (‘прокладывать дорогу, проторять’) [6, Вып. 44, с. 270], «белковать» (‘охотиться на белок’) [7, с. 41], выражают не только само действие, но и характеризуют род деятельности людей данной местности. Отметим также, что в процессе работы мы встретили лексемы, которые гипотетически могут быть диалектизмами, но в словарях такие лексемы не обнаружены. Приведем примеры: «ветропал», «камса», «оконечность», «топляк», «выполаживаться», «мышковать», «наворочкать», «блукануть», «сбежки», «укорота». О значении

таких слов можно говорить лишь в контексте произведений: «Ну дак ты и просись на кордон, коли глянется, — усмехнулся Вохмин. — Мышкой, раз шустрый такой» [8, с. 100]); «Они заносили на схему участка ветропала, гари, все, что встречалось на пути значимое» [8, с. 116]), Отметим особо, что такие слова требуют отдельного исследования для уточнения их значений.

Согласно Л.Г. Самоतिक, существует семь функций диалектной лексики в художественных произведениях: эстетическая, фатическая, моделирующая, номинативная, характерологическая, кульминативная и эмотивная [10, с. 63 - 68]. Л.Г. Самоतिक отмечает, что функции диалектизмов зависят от этапов развития литературного языка. В литературе XX века они усложнились, так как художественная речь отличается от разговорной не столько имманентными признаками, сколько заданным рядом. Это создает глубокую разницу между художественным и разговорным стилями.

При анализе функционирования диалектизмов в творчестве Евгения Гущина мы обнаружили, что некоторые лексемы могут выполнять одновременно несколько функций. Например, лексема «зьябь» («целина») [6, Вып. 12, с. 49] в речи персонажа: «Зьябь-то пахать кто будет?» [8, с. 425], — выполняет и номинативную, и характерологическую функции одновременно.

Одной из самых важных функций диалектных лексем в произведениях Е. Гущина является номинативная функция. При помощи таких лексем, как «затишок» («место, закрытое от ветра, затишье») [6, Вып. 11, с. 94]; «солонец» («место, где почва пропитана солью, и животные роют ямы и едят соленую землю») [9, Т. 4, с. 106] (в ТС отражено также и другое значение — «особым образом приготовленная подкормка» [7, с. 347]); «колок» («островок леса среди поля») [7, с. 154]; «гольцы» («высокие, лишенные растительности вершины гор») [7, с. 58] — производится номинация и идентификация тех или иных предметов и явлений.

Не менее важной является моделирующая функция. Воссоздание колорита определенной местности, образа персонажа, проживающего на данной местности, происходит благодаря таким лексемам, как «имать» (1. «Ловить, хватать»; 2. «Выслеживать и ловить дичь»; 3. «Выследить и отдать в руки правосудия») [7, с. 140]; «шишковать» («заниматься некоторое время сбором кед-

ровых шишек») [7, с. 413], «белковать» («охотиться на белок») [7, с. 41], «морок» («облака, тучи, сплошная облачность») [7, с. 194], «дошлый» (1. «Достигший лучшего качества»; 2. «Исхудавший, болезненный, слабый, изможденный») [7, с. 104]. Одна из самых ярких лексем в повестях Е. Гущина, выполняющая моделирующую функцию, — лексема «тырло». По данным СРНГ, она имеет пять различных значений, но на Алтае это слово употребляется в значении «вечернее собрание молодежи», это мы можем понять из контекста повести «Красные лисы»: «Потом чубчик перед зеркалом зализывал, собираясь к реке на тырлу»; «Почему эти свои игрища они называли тырлой — до сих пор не понятно» [8, с. 426]. Само слово «игрище» из данного контекста также относится к диалектным («сборище для праздничных игр и плясок»).

В процессе анализа мы обнаружили омонимические значения слова «дошлый», отражённые в ТС. Если речь идет о пушном, промысловом животном, то данная лексема имеет значение «достигший лучшего качества» [7, с. 104]: «Зверек уже дошлый, спелый, жаль упускать» [8, с. 53]. Когда речь идет о человеке, лексема употребляется в значении «исхудавший, болезненный, слабый, изможденный») [7, с. 104]: «Дошлый ты мужик, Федор» [8, с. 93]. Оба эти значения зафиксированы в диалектном словаре.

Функция моделирования действительности с помощью диалектных лексем отчетливо проявляется в контекстах, где автор дает пояснения (что в произведениях Е. Гущина встречается нечасто). Приведем пример:

У остальных же, в том числе у Светозара Ивановича, в руке был каек — изобретение приозерных охотников. Это нечто вроде хоккейной клюшки. На конце вырезан небольшой килек, в кильке углубление наподобие деревянной ложки. Кайком при спуске можно рулить. При подъеме удобно опереться [8, с. 102].

Читая произведения Евгения Гущина, можно почувствовать, что автор наслаждается каждым диалектным словом (реализация эстетической функции). Такие лексеммы, как «поспеть» («успеть»), «белковать» («охотиться на белок»), «бурун» («буран»), «каек» («особая лыжная палочка»), «кандыки» («сибирские первоцветы»), «перенова» («свежевыпавший снег; пороша») делают речь героев

и автора колоритной. В процессе повествования автор подхватывает диалектные слова из речи персонажей и легко ими оперирует как в следующем фрагменте, где употреблено три диалектизма — «разведриться», «ведро», «перенова»:

— Хоть бы к утру разведрилось, — пожелал он вслух безо всякой надежды.

Да и уж на какое ведро нынче надеяться. Теперь зарядят снегопады, с неба будет беспрестанно сыпать и сыпать. Природа будто спохватилась: кончается ноябрь, а южные склоны гор кое-где стыдливо голые, увядшие травы не прикрыты снегами, да и в низах еще не намело зимних сугробов. Неуютно и сиротливо в тайге без теплого белого одеяла. Зябко птице и зверю по берлогам, норам, гнездовьям и лункам. Все ждут снежной переновы, как спасения [5].

Чтобы воссоздать образы персонажей, местный колорит, атмосферу взаимодействия, используются следующие диалектизмы в речи героев: «развязаться» (‘прервать отношения, расстаться с кем-либо, развестись (о супругах)’) [6, Вып. 33, с. 298], «жировать» (‘питаться на месте охоты добычей’) [6, Вып. 9, с. 184], «ухайдокать» (‘избить почти до смерти’) [7, с. 319], «имать» (‘выслеживать и отдавать в руки правосудия’) [7, с. 140], «борзой» (‘смелый, ловкий’) [6, Вып. 3, с. 98], а также морфологические диалектизмы в речи персонажа: «Прицепник как-то погнался за ей на мотоцикле» [8, с. 428], которые выполняют характерологическую функцию.

В повести «Небесное создание» есть диалектизм, который в определенном контексте, на наш взгляд, выполняет кульминативную функцию:

Несколько лет назад по заданию научно-исследовательского института пушнины и звероводства, в котором Алексей по сию пору числился младшим научным сотрудником, но зарплату уже не получал, оттого что наука в стране захирела, он подсчитал, что стае из шести-семи особей на неделю надо для прокорма как минимум одного марала.

Разговорно-диалектная лексема «захиреть» (‘ослабеть, обеднеть, угаснуть’) [6, Вып. 11, с. 147], употребляемая по отноше-

нию к слову наука, выделяется в контексте и создает эффект иронии.

Чтобы придать речи героев экспрессивную окраску, автор использует такие диалектизмы, которые способны выполнять эмотивную функцию: «шибко» ('очень') [7, с. 412], «ухайдакать» ('избить почти до смерти') [7, с. 390], «заполошно» ('взбалмошно, суетливо') [7, с. 126], «подъелдыкивать» ('подговаривать, подстрекать, подзадоривать') [6, Вып. 28, с. 262], фразеологический оборот — 'все жилы на кулак вымотать'. Читая повести, мы ощущаем эмоции персонажей, погружаемся в их внутренний мир.

Фатическая функция диалектизмов также реализуется, например, косвенно в речи персонажа-следователя из повести «Храм спасения», который дает метатекстовый комментарий:

Мои постоянные пациенты попроще. И я изъясняюсь с ними на языке, который им понятен. А вообще-то здешние мужики — тоже недурные. Дурные на Озере не держатся как-то. Иной ляпнет: «Айда, чаю пошвыркам!» А надо, так грамотно и культурно заговорит... [8, с. 52].

В данном случае обыгрывается диалектная лексема «айда» и грамматическая стяженная форма глагола — «пошвыркам».

В целом, проанализировав функционирование диалектных лексем в повестях Евгения Гущина, мы выявили, что в произведениях преобладают моделирующая, номинативная и характерологическая функции, которые, так или иначе, дополняются эмотивной, эстетической, фатической и кульминативной функциями. Анализ произведений показал, что диалектизмы, которые использовал Евгений Гущин, отражают реалии местности, характеристику персонажей, региональные особенности речи, эмоциональность речи героев. Это и доказывает необходимость изучения диалектной лексики в художественных произведениях. Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день нет достаточных библиографических сведений, нет больших монографических работ по изучению творчества данного писателя, в частности языка его произведений, несмотря на то, что Евгений Гущин является довольно крупным писателем Сибири, и его творчество должно изучаться шире.

Литература

1. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка: пособие для учителей. М., 1989. — 208 с.
2. *Евдокимов А.Н.* Диалектная и просторечная лексика в художественном дискурсе Е.И. Носова: на материале рассказов писателя: дис. ... канд. филолог. наук. Курск, 2005. — 223 с.
3. *Крысин Л.П.* Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 1988. — 240 с.
4. *Горн В.* О прозе Е. Гущина // Евгений Гущин. Храм Спасения. Повести и рассказы. Барнаул, 1986. С. 463 — 477.
5. *Гущин Е.Г.* Небесное создание: повесть. Барнаул, 2007. — 168 с.
6. *Сороколетов Ф.П.* Словарь русских народных говоров. Вып. 1-48 / Ред. Ф.П. Филин; сост.: Ф.П. Сороколетов, Н.И. Андреева-Васина, Л.И. Балахонова, О.Д. Кузнецова и др. СПб.: Наука, ЛО РАН, 1965-2015.
7. *Богданов В.Н.* Талицкий словарь: справочное издание / В.Н. Богданов, Г.В. Луканина, В.Я. Сенина. Издание 3-е, испр., уточн. и доп. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. — 420 с.
8. *Гущин Е.Г.* Храм Спасения. Повести, рассказы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. — 480 с.
9. Словарь русских говоров Алтая. Под редакцией И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. В 4 т. Барнаул, 1993-1998.
10. *Самотик Л.Г.* Лексика современного русского языка: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. — 510 с.

Условные сокращения

СРНГ — Словарь русских народных говоров.

СРГА — Словарь русских говоров Алтая.

ТС — Талицкий словарь.

Х.-М.Ш. Илиуф

Диффузия образов крылатых коней из прототюркской мифологии

Аннотация: Статья посвящена изучению сюжетов древнего астрального мифа о двух небесных скакунах, сохранившегося в устном поэтическом творчестве казахов, и связанных с ним тюркских астронимов. Также в статье исследуются наскальные изображения, относящиеся к эпохе бронзы и раннего железного века, фигуры этрусского горельефа, свидетельствующие о древности прототюркских представлений о мифических животных.

The article is devoted to the study of the plots of the ancient astral myth of two heavenly horses, preserved in the Kazakhs oral poetic works and the associated Turkic astronims. The article also explores rock paintings relating to the Bronze Age and the Early Iron Age, the figures of the Etruscan high relief, testifying to the antiquity of the proto-Turkic ideas about mythical animals.

Ключевые слова: астральная мифология, астронимы, Большая медведица, крылатые кони, Малая медведица, Полярная звезда, фольклор | astral mythology, astronims, Great Bear, winged horses, Little Bear, Polar Star (Polaris), folklore.

Экономические, демографические, социально-политические и климатические факторы нередко приводили к миграции тюркоязычных этносов, племен и родов из мест их первоначального проживания. Вместе с растянувшимся на тысячелетия процессом расселения кочевников по Евразийскому континенту распространялись сюжеты, мотивы и образы мифов, возникших в их среде. Народы, вступавшие в контакт с прототюрками и тюрками, заимствовали мифологические образы, лексемы из их языка, обменивались достижениями духовной и материальной культуры.

Так, например, астральные предания о небесном охотнике, превратившемся в бога-громовержца, о семи братьях-разбойниках, усматриваемых в созвездиях Большой медведицы, и девах Плеяд, широко распространились по Великому степному поясу, среди

многих евразийских народов, а затем и по свету, подвергаясь неизбежным переосмыслениям и преобразованиям.

Управляющий Лондонской горнодобывающей компанией, владевшей несколькими медными рудниками, угольными шахтами и плавильными мастерскими в центре Степного края, Э. Нельсон-Фелл, хотя и не располагал сведениями по истории и археологии, этнографии и этнологии, фольклористике и петроглифике, ныне доступными нашим современникам, высказал верное мнение: «... действие этих былей происходит в казахских степях — части центральноазиатского плато, которое стало колыбелью всех наших западных образов мысли, культур и религий» [1, с. 15].

Обратимся к встречающимся в мифах и сказках многих народов Старого света образам крылатых коней, способных переносить всадника на огромные расстояния, преодолевать любые препятствия. Представления об этих чудесных животных возникли в среде воинственных племен, которые занимались скотоводством, использовали лошадей в хозяйственной деятельности, во время охоты, в ходе межродовых столкновений и боевых операций.

Вбитым в небо колом или гвоздем, вокруг которого кружатся все звезды, представляли Полярную звезду многие народы. Казахское название для Полярной звезды — *Temir qazıq*, ср. астраханск. татарск. *Temir qazıq*, карачаево-балкарск. *Temir qazaq* ~ *Temir qazıq*, киргизск. *Temir qazıq jıldızı*, башкирск. *Tımır qadıq yondodo*, турецк. *Demir kazık* ~ *Demir kazuk*, туркменск. *Demir gazıq yıldızı*, букв. ‘звезда Железный кол’, татарск. *Qazıq yıldız* ‘Кол-звезда’, чувашск. *Tıměr şalsă* ‘Железный кол’.

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн (XVI в.) в «Записках о Московии» упоминает татарское название Полярной звезды, но в его русском переводе: «Так как почти все они кочуют, не имея определенных жилищ, то обычно движутся по звездам, главным образом [северному] полюсу, который [на своем языке] называют *Selesni koll*, т.е. «железный кол» (*ferreus clavus, eisner Nagl*)».

У казахов помимо астронома *Temir qazıq* ‘Железный кол’ были известны диалектные варианты названия Полярной звезды: *Jalğız qazıq* ‘Одинокий кол’, *Altın qazıq*, ср. др.-тюркск. *Altun qazıq*, алтайск. *Altın qazıq* ‘Золотой кол’, монгольск. *Altan gadas od* ‘звезда Золотой кол’, монгольск. *Altan gadas* ~ бурятск. *Altan ga-*

dahan ~ калмыцк. *Altın hatsn* ‘Золотой кол’. По древним тенгрианским представлениям, звезда *Altın qazıq* расположена на пятом ярусе неба, выше которого не могут подняться шаманы — здесь их встречает *Utqıwçı* (Уткучы), посланец бога *Teŋri*.

Название Полярной звезды словом, обозначающим прикол, вокруг которого ходят на привязи небесные кони, подвергаясь калькированию, широко распространилось среди народов Евразии: нанайск. *Hoda hosikta* ‘Кол-звезда’, чукотск. *Unpāñär* ‘(Звезда) воткнутого кола’, украинск. *Північний кілок* ‘Полуночный (т.е. северный) колышек’, *Північний цвях* ‘Северный гвоздь’ (в современном украинском языке Полярная звезда именуется *Полярна зірка*), эстонск. *Rõhuanael* ‘Северный гвоздь, Гвоздь севера’, финск. *Maannaela* ‘Гвоздь земли’ (эстонск. *nael* и финск. *naula* ‘гвоздь’ — варианты слова-германизма, ср. немецк. *Nagel*, норвежск. *negl*, исландск. *nagli*, английск. *nail* ‘гвоздь’, в латышском языке — *nagla*); в зороастрийском трактате «Бундахишн» (IX в.) Полярная звезда именуется *Meh-i miyan astan*, букв. ‘Гвоздь центра неба’. Русский астеризм *Полярная звезда* происходит от средневекового латинского слова *polaris* < латинск. *polus* ‘земная и небесная ось’. Древние римляне восприняли астроним у античных греков (греческ. *πόλος* — *pólos* ‘шест; кол, столб; ось’). Наряду с астронимом *Polaris* в английском языке существует однокоренное и синонимичное название звезды — *the Pole star*. Жители Томской губернии называли Полярную звезду *Кол-звезда*, уральские казаки — *Прикол-звезда*, а донские казаки, ушедшие с Игнатием Некрасовым на территорию Османской империи после поражения восстания Кондратия Булавина, Северную звезду именовали *Прикол-звезда*.

Излагая краткие сведения об астрономических познаниях казахов, А.И. Левшин в первую очередь упоминает это небесное светило, не отличающееся особой яркостью: «*Полярная звезда* по маловидному течению своему и по положению на севере занимает у киргизов главное место на небе и называется *темир-казык*, т.е. *железный кол*. Ею руководствуются они в ночных путешествиях, по ней узнают страны света, к ней обращаются, когда собьются с дороги» [2, с. 356–357]. Приведем фабулу древнетюркского этиологического мифа о происхождении Полярной звезды:

В давние времена небо и земля были расположены близко друг от друга. Некоторые люди пробирались на небо и надоедали богам своими просьбами. Иные безумцы пытались вызывать богов на поединок.

Небо, переполненное нежданными гостями, давило на Землю, которая от тяжести разверзлась. Черная буря смешала прах земной с облаками. Загремел гром, засверкали молнии и стал падать град размером с утиное яйцо. Горы сдвинулись с мест, реки вышли из берегов, огонь охватил леса и степи. Солнце, Луна и звезды сбились с установленного пути, заметались в беспорядочном кружении. Начали гибнуть люди, звери и птицы; везде царили страх и растерянность, страдание и горе.

Три года царил во Вселенной хаос и продолжались катаклизмы. Разгневался великий Тенгри, владыка неба, вбил в центр мироздания свой золотой посох и отделил землю от неба — так появилась ось мироздания. Блестящий конец посоха можно увидеть в ночном небе — это *Altın qazıq* ‘Золотой кол’. Остальные звезды кружат вокруг Золотого кола (Полярной звезды) и тем самым выражают покорность воле бога Тенгри.

Существовали космонимы, отражающие восприятие Полярной звезды в виде небесного столба или шеста: башкирск. *Altın bağan* ‘Золотой столб’, чувашск. *Tımĕr şalsă (-şăltăr)* ‘Железный кол (-звезда)’ ~ *Tımĕr уира* ‘Железный столб’, др.-уйгурск. *Tirgäk-yultuz* ‘Звезда-подпорка, Опорная звезда’, турецк. диалектн. *Demir direk* ‘Железная подпорка’ (тюркск. *tirgäk* ~ *tirek* ~ *direk* ‘опора, подпорка, столб’), английск. *Pole star* < *pole* ‘кол; шест; столб’. Кроме того, в литературе некоторых тюркских народов встречается арабский астроним, вероятно, античного происхождения *نجم القطب Nadjm al-Qutb* ‘Полярная звезда’ (от слова *قطب qutb* ‘жердь, шест; ось’, другое название — *النجم القطبية an-Nadjm al-Qutbiyyat*) в виде полукальки: казахск. *Qutip juldızı*, узбекск. *Qutb yulduzi*, турецк. *Kutup yuldızı*.

Чукчи, вступавшие в контакты с представителями якутского народа, перевели на свой язык тюркское название Полярной звезды. Однако, по их представлениям, к *Unpänär*, букв. ‘Воткнутый кол’, привязаны уже не бета и гамма Малой медведицы (см. общее казахское название β и γ созвездия Малой медведицы — *Qos boz at* ‘Пара белых лошадей’ ~ *Aq-boz attar* ‘Белые кони’), а все звезды, вечно вращающиеся вокруг Полярной звезды. Астральная мифология марийцев помещает в центр небесной тверди *Kava*

menge ‘Небесный столб’, то есть Полярную звезду, вокруг которого вращается созвездие Лося (Şordı-şüdir, или Şordo).

Объяснение мотива номинации Полярной звезды словом со значением ‘кол’ мы находим в древнетюркском мифологическом сюжете: к звезде ‘Железный кол’ привязаны и ходят вокруг него два иноходца, которых стремятся похитить Семеро братьев-разбойников; если они украдут этих лошадей, то нападут на звезды Плеяд; увидев это, начнут бесчинствовать остальные Сорок разбойников — и тогда наступит конец свет... По монгольскому преданию, небесный стрелок выезжал на охоту с двумя конями соловой масти, и когда он останавливался на отдых, то привязывал скакунов к Золотому колу.

Следы тюркских мифологических представлений о небесной коновязи обнаруживаются в русском фольклоре. Сказка «Иван крестьянский сын и мужичок сам с перст, усы на семь верст» начинается со слов:

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привидился такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу.

Образ чудесного коня близок к необычным животным, которые упоминаются в казахской сказке «Ақ қоуап» («Белый заяц»): три брата-великана, принимая вид огромной черной птицы, похищают жеребят с золотой гривой и серебряным хвостом.

У финно-угорского народа манси был записан миф о том, как младший сын бога Нуми-торума стал править миром. На Земле, оказавшейся во власти сыновей верховного бога, начались великие распри. Бог-творец Нуми-торум был вынужден спуститься на Землю, чтобы установить порядок. Он сказал сыновьям, что править ими и людьми будет тот, кто первым на рассвете подъедет к его дворцу и привяжет своего коня к серебряному столбу-коновязи. Им оказался Мир-сусне-хум.

Яркое семизвездие Большой медведицы выделяется среди других светил ночного неба, поэтому в сознании любого человека, наблюдающего его в ночном небе, оно воспринимается как совокупность звезд, образующих конфигурацию в виде ковша, схематически изображенного в боковом ракурсе. Для ассоциации семи звезд, входящих в астеризм Малой медведицы, нет столь очевидного основания. Выделяющиеся своей светимостью β и γ находятся на некотором удалении от альфы — Полярной звезды, которая, как и остальные четыре звезды этой группы, выглядит довольно тусклой. Но возникший в среде древних коневодов Евразии астральный миф о семи братьях-разбойниках позволил объединить указанные светила, представив их в виде объекта преступного посягательства — двух небесных лошадей, находящихся на привязи. Затем в Малой медведице — группе из семи звезд разной степени яркости стали видеть определенную аналогию с астеризмом Ковш как в количественном отношении, так и на основе отдаленного сходства в конфигурации светил.

Казахи β и γ Малой медведицы именуют *Aq-boz at*, *Kök-boz at*, татары — *Aq-büz at*, *Kük-büz at* ‘Белая и сивая лошади’, башкиры — *Harı at* ‘Соловая лошадь’, *Vud at* ‘Бело-серая лошадь’ (или *Aq-bud at*), карачаевцы и балкарцы — *Sarı ayğır* ‘Соловый жеребец’, *Toqu ayğır* ‘Гнедой жеребец’, алтайцы — *Ah at çiltis* ‘Белый конь-звезда’, *Kök at çiltis* ‘Сивый конь-звезда’ (считая их небесными *ызыхами* — священными конями, охраняющими табуны саяно-алтайских тюрков). В одной из версий мифа говорится о принадлежности этих лошадей богу Тенгри.

Aq-boz at, букв. ‘Белый конь; белый мерин’, — одна из крупных звезд, β (бета) Малой медведицы, имеет беловатый цвет. По одному из астрономических расчетов, в период приблизительно с 2000 года до н.э. по 500 год н.э. эта звезда была самой близкой к северному полюсу мира, и поэтому играла роль Полярной звезды, что нашло отражение в ее арабском названии *كوكب الشمال Kawkab aş-şimāl* ‘Звезда севера’ (в европейской астрономии известно в формах *Kowkab* и *Kochab*).

Акбузат — волшебный крылатый конь (*tulpar*) в фольклоре некоторых тюркских народов. «*Aq-buz at*» является одним из самых известных эпических произведений устного народного творчества башкир. *Aq-buz at* — конь Урал-батыра, героического персо-

нажа из башкирского фольклора, и верный товарищ богатыря из алтайской сказки «Алр-Манаş». После того, как богатырь Алып-Манаш остановился на ночлег в одной из долин, его «бело-серый конь обернулся звездой (т.е. принял облик «белого чолмона») и поднялся на небо». Когда с героем этой сказки случилась беда, ему на помощь является верный конь: «С высокого неба упала звезда и, стукнувшись оземь, встала конем».

Сказочные кони фигурируют в записанных А.Н. Афанасьевым русских народных сказках: с серебряной шерстью (№ 137, 138), с золотыми гривой и хвостом (№ 137), с гривой золотой, хвостом серебряным (№ 213), во лбу — месяц (№ 138), по бокам — звезды (№ 124), крылатый (№ 171), о двенадцати крыльях (№ 137) и т.д. Образы астральных коней оказали влияние и на других мифических животных: в русской народной сказке «Королевич и его дядька» (№ 124) появляются не только лошади с золотой гривой и хвостом, по бокам — звезды, но и коровы с золотыми рожками и хвостами, по бокам — звезды.

На одном из кувшинов из железного сундука, обнаруженного на глубине 1.5 м близ венгерского села Надьсентмиклош, можно увидеть изображение кульминационного момента мифологического сюжета: всадник на крылатом коне, обратившись назад, целится из лука в бросившегося на него леопарда. Это гибридное животное с человеческим лицом напоминает крылатого коня Бурак (البراق *al-Burāq* 'Сияющий, блистающий, сверкающий'), по преданию, быстро перенесшего пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим. Антропоморфизм в виде способности вещей крылатых коней говорить на языке людей, давать мудрые советы сказочному герою и оказывать ему необходимую помощь в некоторых фольклорно-мифологических традициях обусловил эволюцию их облика: лошадиная голова была заменена человеческой.

Из-за лунно-солнечной прецессии земная ось движется по кругу с радиусом 23° со скоростью около 0,5 градуса за 100 лет. Поэтому в разное время ближайшими к северному полюсу мира оказываются те звезды, которые расположены очень близко к этому кругу. С учетом сказанного, можно предположить, что уже в конце IV тыс. до н.э. прототюрки, создавшие ботайскую энеолитическую культуру и domesticiровавшие лошадь, называли звезду Тубан из созвездия Дракона словом *Küzetçi*, букв.

‘Охранник’, вокруг которого, по представлениям евразийских коневодов, ходили две небесные лошади — β и γ Малой медведицы. Это название использовалось позже, судя по обнаруженным в Южной Сибири наскальным рисункам эпохи бронзы и раннего железного века, на которых изображено человек, удерживающий на поводу двух лошадей, и до сих пор сохранилось у казахов.

Крылатыми конями обладали персонажи казахского фольклора: Алпамыс-батыр, Кер-углы и другие. Когда волшебный конь должен был взлететь, чтобы преодолеть трудное препятствие, то предлагал всаднику *зажмурить* глаза и не открывать их до тех пор, пока они не окажутся на земле. Вещий тулпар скачет по земле и летает по воздуху, он способен насылать ветер и молнии, знает язык животных и людей. Свои крылья скакун расправляет только в темноте — их никто *не должен видеть*, даже хозяин; по этой же причине бурдо-валы — лошади из сказок удмуртов Прикамья — лишь по ночам становятся крылатыми.

Исследователи отмечают близость образов тулпара и Пегаса — летающего с быстротой ветра крылатого коня из древнегреческой мифологии. Подобно тулпару Пегас мог ударом копыта о землю выбивать источники. Так, в частности, на горе Геликон у рощи муз возник источник Гиппокрена, из которого черпали вдохновение поэты.

Придание Пегасу функции, заключавшейся в доставке боугромовержцу Зевсу на вершину Олимпа молний от изготавливающего их бога-кузнеца Гефеста, склоняет к мысли о генетической связи крылатого коня с жеребцом, на котором поднялся на небо вслед за тремя архарами (или оленухами) мифический охотник *Kögalday-mergen*. По одной из версий предания, на крылатом коне ездил лувийский бог грозы Тешуб.

Герой узбекской сказки «Сладкоголосый соловей» овладевает принадлежавшим злему колдуну конем *Qara qaldirğoç*, букв. ‘Черная ласточка’, который способен пробегать месячный путь в мгновение ока: «Царевич погладил коня, вскочил ему на спину, ударил его пятками в бока и *зажмурился*. Кара Калдыргоч встряхнул гривой, на боках его выросли крылья, и он, как сокол, взвился к небу. Из-под копыт коня сверкнула молния и ударила по лбу колдуну. Колдун проснулся».

Казахи и тюркские народы Сибири считали, что рядом с небесным стрелком находится его лошадь, олицетворяющая звезду Сириус (древнетюркское название *Ađǵır*, букв. ‘Жеребец’). Цвет этой яркой звезда обусловил масть мифических животных, которые чаще всего изображаются в виде белых крылатых лошадей.

Клавдий Птолемей включил в свой каталог звездного неба «Альмагест» космоним со значением ‘Конь’ как название одного из созвездий северного небесного полушария. Имеются свидетельства, что в более раннюю эпоху — у вавилонян — оно также именовалось словом со значением ‘конь’ (ср. турецк. *At yıldızı*, букв. ‘Звезда лошади’, — название созвездия Пегас). Древним грекам оно было известно под именем ‘Большой конь’, что отразилось позже в арабском названии созвездия — *برج الفرس الاعظم* *Burdj al-Faras al-A'zam* ‘созвездие Большой конь’; в современной астрономии за ним закрепился космоним Пегас (латинск. *Pegasus*).

Образы крылатых коней стали популярными в Евразии. Мерани в грузинском фольклоре — крылатый конь, обгоняющий ветер; аналогичный образ волшебного скакуна встречается в сюжете армянского эпоса «Давид Сасунский». Корейский чхоллима — крылатый конь, способный преодолеть тысячу ли в день. Похожими животными обладали, по преданию, китайский император Цинь Ши-хуанди и правитель легендарной Шамбалы — Калки-аватар. В мифологии известны леберы — кони с лебедиными крыльями, прилетавшие небольшими табунами на побережье озера Лохнесс. Слейпнир, серый конь с крыльями из скандинавских сказаний, имеет восемь ног. Возникновение этой особенности объясняется тем, что при изображении двух животных в профиль, туловище ближнего из них полностью заслоняет тело другой лошади, и остаются видны лишь ноги последней (см. древнеегипетское изображение двух лошадей, впряженных в колесницу гиксосского царя). Фигура крылатого коня присутствует на гербе Северо-Казахстанской области, на гербе и флаге Златоуста, города в Челябинской области России.

Происходила дальнейшая трансформация образа чудесного существа: герой русской «Сказки о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» преодолевает часть пути на своей лошади, затем он пользуется двукрылым конем и конем о четы-

рех крыльях; шестикрылый конь появляется в латышской сказке «Звери в зятях»; вдвое больше было крыльев у лошади, на которой ездило чудовище из русской сказки «Иван Быкович»: «Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крыльях, шерсть у коня серебряная, хвост и грива — золотые».

В. Даль сообщает, что созвездие Большой медведицы (в которое он включил звезды Малой медведицы, в т.ч. и Полярную звезду) называлось *Конь на приколе*. Образу этого космического животного обязаны своим появлением в северных областях России названия *Лошадь*, *Горбатый мерин*, *Конь горбатый с телегой*.

У туарегов записан миф, в котором сказано о том, что Полярная звезда — это кол, к которому привязан ходящий вокруг него верблюжонок (созвездие Малой медведицы); за ним присматривает его мать, верблюдица (Большая медведица). Учитывая миграцию части тюрков-аланов через Иберийский полуостров в Северную Африку, можно предположить, что образы астральных животных попали к местному населению еще в раннем средневековье. Вероятно, именно эти животные фигурируют в туркменской легенде о происхождении Млечного пути.

Однажды по небу бродила космическая верблюдица *Aq-maуa* со своим детенышем. Внезапно верблюжонок пропал из виду. Несчастливая мать бросилась искать сосунка, перебегая по звездам. Из вымени верблюдицы, жалобно призывающей своего исчезнувшего детеныша, капало молоко. Млечный след несчастной матери остался навечно в небе — *Aq-maуa'nıñ süydi*.

Некоторые исследователи предполагают, что лошадь была одомашнена на территории Казахстана более пяти тысяч лет назад (ботайская археологическая культура). Отметим, что по другой версии, domestикация этого животного произошла в западной части Внутренней Азии и Передней Азии. Следовательно, древние тюркские астрономы, сохранившиеся до наших дней (казахск. *Aq-boz at*, *Kök-boz at*, татарск. *Aq-büz at yoldız*, *Kük-büz at*

yoldız, варианты: *Sarı at*, *Kök at* ~ *Kög at*, алтайск. и хакасск. *Ah at* *çiltıs*, *Kök at çiltıs*, башкирск. *Bud at*, *Harı at*, варианты: *Aq-bud at*, *Harı at* ~ *Harat*, карачаево-балкарск. *Sarı ayğır*, *Toru ayğır* и *Qara ayğır*, турецк. *Ak at*, *Boz at*) появились не ранее указанного времени.

Arqan, букв. ‘Аркан, веревка, канат’, — три небольшие звезды Малой медведицы, находящиеся между α и β , γ созвездия. По преданию, два небесных иноходца привязаны этим арканом к Железному колу (*Temir qazıq* ‘Железный кол’, *Altın qazıq* ‘Золотой кол’).

Исследователю народной астрономии Д.О. Святскому было известно то, что В. Даль объединял группы звезд Большой и Малой медведиц в одно созвездие Конь на приколе (краткое название — Прикол). На самом деле, космоним Конь на приколе должен был ассоциироваться только с созвездием Малой медведицы.

Известный исследователь фольклора А.Н. Афанасьев в своем труде «Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов», касаясь небесных светил, связанных с казахским этиологическим мифом, сообщает: «Северную Полярную звезду казаки называют: Прикол-звезда; в Томской губ. она известна под именем: Кол-звезда, а киргизы величают ее Темир-казык, что буквально значит: железный кол»¹. Три малые звездочки четвертой величины из группы Малой медведицы, идущие в сторону от Полярной звезды и образующие собою род дуги, принимаются киргизами за аркан, привязанный к приколу. Следующие за ними две звезды второй и третьей величины считают они за двух иноходцев, а семь больших и малых звезд, составляющих группу Большой медведицы, — за семь караульчиков, приставленных оберегать коней от дьявола-волка; иноходцы эти принадлежат двум первенствующим архангелам».

¹ Прикол — это небольшой, четверти в полторы, железный кол, на тупом конце которого приделано кольцо; когда нужно пустить лошадь на траву, наездник вдавливая в землю прикол по самое кольцо и привязывает к нему лошадь на длинной веревке или аркане.

Обращает на себя внимание то, что в изложенной версии сказания произошла инверсия: семь легендарных братьев уже не покушаются на похищение двух небесных коней, но сами стерегут их от чудовищного волка.

По одной версии, известной у казахов, две лошади принадлежат двум богатырям, в которых персонифицированы расположенных по обе стороны от Большой медведицы яркие звезды Капелла и Вега. По другому мнению, две звезды, связанные с Полярной звездой, — белые скакуны бога Тенгри (Temir qazıq'ın qası'ndağı qos jariq juldız — Tәñir'diñ aq-boz tulparları). Небесный страж Kүzetşi (звезда Тубан), охраняет двух небесных коней от Семи воров-конокрадов. Если те украдут лошадей, то нападут на звездное скопление Ürker (астеризм Плеяды), и тогда наступит конец света...

Среди иллюстраций в книге «Петроглифы Древней Сибири» [3] имеются два наскальных рисунка, представляющих в астрально-мифологическом плане особый интерес. Один из них датируется эпохой поздней бронзы, другой — скифским временем. Оба петроглифа имеют большое сходство между собой. Антропоморфное существо, удерживающее двух лошадей, обращенных к нему передом, было условно названо «повелителем коней». По всей видимости, это персонаж, известный у казахов под именем Kүzetşi, стерегущий и/или выступающий в роли хозяина животных. Чтобы показать способность мифических коней летать как птицы, художник скифской эпохи изменил очертания передней части головы у коней, изобразив в виде птичьего клюва.

Птичьи клювы у двух фигур оседланных лошадей в определенной мере сближают их с изображениями мифических оленей. Известный казахский археолог З. Самашев упоминает о наскальных рисунках этих фантастических существ: «В эпоху поздней бронзы, и особенно в период, переходный к железному веку, в репертуаре петроглифов Казахстана появляются изображения оленей со своеобразной трактовкой морды — в виде птичьего клюва, что в некоторой степени является неоспоримым свидетельством миграции носителей этой изобразительной традиции из глубин центральноазиатских степей в западном направлении. Такие рисунки зафиксированы в горах юго-западного Алтая, в Жетысу и на юге Казахстана» [4, с. 23].

Из слов немецкого этнографа Рихарда Карутца, в начале XX века проводившего исследования на Мангышлаке и совершившего путешествие в Коканд, который записал казахское предание о Большой медведице, не ясно, произошла ли замена фигуры мифического сторожа небесных скакунов образом астрального царя или последний упоминается лишь как хозяин этих коней: «Семь воров похитили дочь царя на Полярной звезде; лошади царя (звезды Малой медведицы) привязаны, поэтому царь не может пойти, чтобы освободить свою дочь» [5, с. 67]. Интересная деталь: похищенная дочь хана Уркер (Плеяды) здесь названа дочерью звездного царя, обитающего на Полярной звезде.

Древний астрально-мифологический сюжет был использован ювелиром при создании украшения, которые были найдены археологами среди других предметов на юго-востоке Туркменистана в районе города Мары — при раскопках поселений древней культуры Маргуш (в священной книге зороастризма «Авесте» упоминалась как страна Моуру, позже эта область была известна под античным названием Маргиана). Радиоуглеродная датировка артефактов, обнаруженных в песках Туркмении, показала возраст ранее неизвестной цивилизации — 2300 лет до н.э., т.е. существовавшей во времена Древнего Египта, Месопотамии, Хараппы и Мохенджо-даро. Образы крылатых скакунов были известны эллинам, семитам-карфагенянам и древним обитателям Апеннинского полуострова — этрускам, судя по горельефу, найденному на месте нахождения города Тарквиний.

Küzetşi, букв. ‘Охранник, страж’, — небольшая звезда Тубан, которая находится в составе созвездия Дракона и расположена между Малой и Большой медведицами выше Мицара. По народному преданию, он стережет двух иноходцев от Семерых разбойников. Если этим злоумышленникам удастся поймать небесных коней, они затем похитят Плеяды — дочерей Уркера.

Жители Курчумского района Восточно-Казахстанской области усматривали в двух звездах, расположенных между Большой и Малой медведицами, двух охранников (*yekî küzetşi*). Увеличение числа персонажей, стерегущих лошадей от происков Семи братьев-разбойников, могло произойти по аналогии с образами двух астральных батыров, которым принадлежали эти кони.

Представления о небесных охранниках двух сивых коней (Кохаб и Феркад — β и γ из созвездия Малой медведицы), привязанных арканом к небесной коновязи, распространились за пределы тюркского мира и были переосмыслены настолько, что звезды β и γ упомянутого созвездия сами стали восприниматься в качестве *Стражей (полюса)*, а объектом их охраны оказалась Полярная звезда (α).

Известно, что в старой европейской астрономии звезды Коукаб (Кохаб) и Феркад, β и γ Малой медведицы, объединялись в астеризм ‘Стражи полюса’ (ср. китайск. *Hù jí xīng* ‘звезда Страж полюса’). Это странное, лишенное мифологического объяснения название астеризма появилось, на наш взгляд, в результате переосмысления прототюркского предания об охраннике двух небесных скакунов. В пользу высказанного мнения имеется ряд аргументов.

Существует предположение, что в период с 1 г. н.э. по 1100 г. н.э., когда близ северного полюса мира не было звезды, космоним *Стража* (или *Стражи*) относился к двум самым ярким звездам Малой медведицы — современной Полярной (Киносура) и Коукабу (Кохаб) — α и β упомянутого созвездия. Эти название стали объяснять расположением указанных звезд относительно Большой медведицы: они якобы охраняли это созвездие. Таким образом, Семеро братьев-разбойников, которые, согласно варианту астрального мифа, стерегут двух небесных скакунов, в конце концов, сами оказались под надежной охраной.

Предполагаемые этапы эволюции образа астрального сторожа: 1) охранник (вариант: два охранника) двух небесных коней (Küzetşi — звезда Тубан) > 2) звезды β и γ Малой медведицы — сторожа Полярной звезды > 3) α и β Малой медведицы стерегут Большую медведицу > 4) α созвездия Волопаса — латинск. Arcturus ‘Сторож медведицы’ (от греческ. *ἀρκτος* ‘медведь’ и *οὐρος* ‘страж’) > 5) малоизвестное название всего созвездия Волопаса — Арктофилакс (греческ. *Арктоφύλαξ*, букв. ‘Страж медведицы’) > 6) стражи четырех сторон небосвода > 7) ангелы-хранители четырех стран света: Рафаил покровительствует востоку, Михаил — югу, Гавриил — западу, Уриил — северу. По аналогии со статусом архангелов появилось представление об адских князьях четырех сторон света: Люцифер — князь востока,

Сатана — юга, Астарот (или Левиафан) — запада, Белиал (или Вельзевул) — севера.

Мифологема о небесных стражах получила дальнейшее развитие, и появилось представление о небесных светилах, выступавших в роли «стражей» четырех сторон неба.

Согласно собранию священных текстов зороастрийцев «Авесте», глава всех звезд Тиштар (Сириус) служит стражем востока, звезда Сатавайес (Шатаваэш, т.е. Вега; предполагают, что в древности так называли звезду Антарес) — запада, звезда Вананд (Фомальгаут) — юга, семизвездие Хафторангха (Хавторинг, Хауранг, т.е. Большая медведица) — севера. Аналогичные воззрения возникли и в буддизме, где также известно представление о четырех небесных царях, оберегающих четыре стороны света. Полагают, что красная звезда Альдебаран в глубокой древности отмечала точку весеннего равноденствия и якобы почиталась у персов «Стражем востока».

Мифологический сюжет о привязанных к небесному колу — Поляной звезде — двух скакунах не был зафиксирован в дошедших до нас произведениях античной мифологии и фольклора народов, предки которых вступали в культурные контакты с прототюрками и их потомками. Однако найденное ювелирное украшение, относящееся к далекой эпохе существования Маргианы (Средняя Азия), и скульптурное изображение двух крылатых коней — произведений этрусского искусства (Италия) представляют собой явное свидетельство широкого распространения образов небесных скакунов из южносибирского астрального мифа.

Интересно сравнить эволюцию фигуры Kūzetşi на русских вышивках XIX века. Следует сказать, что в них преобладает красный цвет, символизирующий охранительный огонь, духа которого, по поверью, страшатся злые духи. Тенденция схематизации рисунка на вышивках привела к превращению фигуры мифического сторожа в древовидный образ и даже в геометрический узор. На некоторых вышивках помимо охранника присутствуют еще два персонажа, изображенные сидящими на лошадях. Это их владельцы — братья Iğay и Siğay.

С течением времени небесный охотник Когалдай, мечущий стрелы-молнии с каменным наконечником, стал восприниматься в роли бореального бога-громовержца, который был известен у

разных народов под особыми именами и выступал в мифологических сказаниях и сказках в роли змеборца, противника пришедшего с юга зооморфного божества-дракона со схожими функциями, чей образ имел истоки в культуре крокодила и, по всей видимости, возник у народов, обитавших в экваториальном поясе, тропических зонах и относящихся к веддо-австралоидной расе.

Вооруженный луком или ружьем охотник, выезжая верхом на лошади, обычно брал с собой собаку, если имел в собственности, то и ловчую птицу, обычно орла-беркута. Характер степной охоты объясняет, почему вместе с Когалдаем попали в звездный мир его пес (или две, три собаки), образ которого в античной астрономии оказался связанным с созвездием Большого пса (вариант: Большого и Малого псов), орел и лошадь. На основе прототюркского астрального мифа о небесной охоте в античной астрономической номенклатуре появились названия ряда созвездий, например, Орла (латинск. *Aquila* ‘Орел’, *Vultur Volans* ‘Летающий гриф’) и Стрелы (латинск. *Sagitta*). Самую большую планету Солнечной системы — Юпитер — древние тюрки именовали *Qaraqıç* ‘Орел-могильник’. Звезду Бетельгейзе из созвездия Ориона казахи называли *Оq*, букв. ‘Стрела’, считая, что она стала красной от крови горных баранов.

Древние греки эти калькированные астронимы могли воспринять опосредствованно из Вавилонии (в шумеро-аккадской астрономии звезда Сириус, ассоциировавшаяся с богом Нинуртой, вооруженным луком и стрелами, называлась *Стрела*, «которая огненно-красная, как медь» — это описание больше соответствует Бетельгейзе) либо непосредственно от киммерийцев или скифов. Затем этот астроним стал известен римлянам, но в результате ошибочной идентификации, как это нередко бывает с народными астронимами, оказался связанным с небольшой группой звезд в северном полушарии. У эллинов появились разные этиологические мифы и их существенно различающиеся варианты, объясняющие происхождение созвездий Ориона, Тельца, Пса, Пегаса, Орла и Стрелы.

Изучение сюжетов тюркской астральной мифологии и астронимов, связанных с созвездиями Большой и Малой медведиц, анализ упомянутых в статье произведений фольклора, интерпретация петроглифов Южной Сибири, которые изображают челове-

ка, держащего под уздцы двух коней, позволяют утверждать, что истоки генезиса образов крылатых коней находятся в древней культуре евразийских номадов.

Литература

1. *Артыкбаев Ж.О.* История Казахстана. Костанай: Центрально-Азиатское книжное изд-во, 2006.
2. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996.
3. Петроглифы Древней Сибири. Эпоха камня и бронзы. Скифское и хунно-сарматское время. Средние века и этнографическое время. М.: Галарт, 2010.
4. *Самашев З.* Наскальные изображения Казахстана как исторический источник. Автореф ... доктора ист. наук. Алматы, 2010.
5. *Есмагамбетов К.Л.* Что писали о нас на Западе. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992.

Н.Г. Камынина, Д.В. Решетова

Родовые варианты несклоняемых наименований искусства и спорта в современном русском языке

Аннотация: В центре статьи — заимствованные несклоняемые имена существительные, имеющие колебания в роде. Они выбраны из «Современного словаря несклоняемых слов русского языка» И.Д. Успенской (2009). В статье на примере нескольких тематических групп данных слов рассматриваются их родовые варианты. Делается попытка выявить закономерности такой вариантности.

This paper is devoted to the borrowed indeclinable nouns which have deviations in gender. They are chosen from the “Modern Dictionary of Indeclinable Words of the Russian Language” compiled by I.D. Uspenskaya (2009). The study shows several lexical sets of these words and considers their gender variants. The author attempts to identify regularities among these examples.

Ключевые слова: категория рода, несклоняемые существительные, вариантность, освоение слова, родовые варианты | The category of gender, indeclinable nouns, variation, word mastery, gender variants.

В современном русском языке есть множество несклоняемых имен существительных, которые постоянно пополняют как пассивный, так и активный словарный запас языка. Н.М. Шанский отмечает, что в русском языке таких существительных более 1000 (не включая сокращений и собственных имен) [1]. Известно, что род несклоняемых существительных нельзя определить тем же путем, что и у склоняемых. Показатель рода — окончание, а у несклоняемых существительных нет изменяемой части слова, т.е. окончания.

Все эти существительные, попав в русский язык, должны приспособиться к русской грамматике, фонетическому строю, орфографии и т.д. Процесс освоения таких слов идет по-разному: одни из них осваиваются быстрее, закрепляются в какой-то одной

форме, становятся привычными, другие в течение долгого времени имеют варианты.

Ранее мы уже рассматривали родовую вариантность несклоняемых имен существительных [2]. Это было сделано на материале «Современного словаря несклоняемых слов русского языка» И.Д. Успенской [3]. В нем около трех тысяч слов, среди которых — как давно освоенные языком, так и появившиеся недавно. Наше исследование проводилось на основе анализа следующих тематических групп: медицинских терминов, названий валютных единиц и монет, названий продуктов питания, названий растений, музыкальных инструментов, наименований животных.

Наше исследование показало, что в процессе освоения одни слова вырабатывают склоняемый вариант, уподобляясь обычным русским существительным, другие остаются несклоняемыми, но имеют родовые варианты, один из которых соответствует общему, родовому наименованию.

В настоящей статье будут рассмотрены другие тематические группы несклоняемых слов — наименования из области искусства и спорта. Ударный гласный в словах будем выделять прописной буквой.

Следует сказать, что исследуемый нами словарь содержит огромное количество наименований такого типа. В русский язык пришло множество несклоняемых терминов музыки, живописи, театра, хореографии и т.п. Приведем лишь некоторые примеры: аварЭ¹ (с.), агогИ² (с.), адажиЕтто³ (неизм. и с.), адАжио, адАджо⁴ (неизм. и с.), айс-ревЮ¹ (с.), антрЕ² (с.), барОкко³ (с. и не-

¹ Японск. «очарование» или «печальное очарование». Категория японской эстетики, в основе которой лежит убеждение, что каждому предмету и явлению свойственно свое неповторимое очарование. Относится к главным эстетическим принципам и установкам японской поэзии.

² 1. Термин древнегреческой поэтики, означающий темп. 2. муз. Небольшие отклонения от темпа и метра при исполнении музыкального произведения с целью усиления его художественной выразительности.

³ Муз. 1. неизм. Об исполнении музыкального произведения: довольно медленно; скорее, чем адажио. 2. с. Музыкальное произведение или его часть, не имеющие специального названия, исполняемые в таком темпе.

⁴ Муз. Основное обозначение медленного темпа, соответствующего замедленному шагу.

изм.). Также встречается немало и наименований из области спорта, например: авторАлли⁴ (с.), автородЕо⁵ (с.), айкидО⁶ (с.) и т.д. Представленные для примеры существительные имеют один определенный род (чаще всего средний), некоторые из них имеют вариантное употребление в качестве наречий или несклоняемых прилагательных, например, играть адажио (как?), в стиле барокко (каком?).

Однако в словаре немало и таких существительных, которые имеют родовые варианты. Далее мы обратимся именно к ним.

Рассматриваемые слова пришли из самых разных языков, как европейских, так и восточных. Они отражают особенности жизни и мировосприятия разных народов. Это названия танцев, боевых искусств, музыкальных и литературных жанров, спортивные наименования и т.п.

Вначале рассмотрим варианты термины из области спорта (их 5): конкУр-иппИк (с.) и конкУр (м.), кросс-кантрИ (м. и с.), пенАльти (м. и с.), Ультра-сИ (м. и с.), рЭндзю (ж. и с.). Представим эти данные в виде Таблицы 1, в которой укажем также язык-источник термина.

Таблица 1. Несклоняемые заимствованные спортивные термины

¹ *Англ.* ice + *франц.* revue. Представления (балетные, цирковые, эстрадные), демонстрируемые на площадках с искусственным льдом — на стадионах, цирковых манежах и т.д.

² *Франц.* 1. В цирке первоначально так называлось каждое появление клоуна на манеже, ныне это комедийная или разговорная сценка или пантомима. 2. *хореогр.* В XVII-XVIII вв. — выход одной или нескольких групп танцовщиков, представлявших часть действия балета.

³ *Итал.* Художественный стиль XVI-XVIII вв., получивший наибольшее развитие в архитектуре и скульптуре. Отличается вычурностью декоративной пышностью деталей и форм.

⁴ Многодневные спортивные соревнования в искусстве вождения специально подготовленных серийных автомобилей и на точность соблюдения правил и заданного графика движения по определенному маршруту.

⁵ Соревнования авто- и мотокаскадеров.

⁶ Одна из разновидностей японской борьбы.

	язык-источник	род			склоняемый вариант
		мужской	женский	средний	
конкУр-иппИк	франц.			+	конкур (м.)
кросс-кантриИ	англ.	+		+	
пенАльти	англ.	+		+	
рЭндзю	япон.		+	+	
Ультра-СИ	англ.	+		+	

Как видим, у всех существительных один из вариантов — среднего рода, что обычно характерно для несклоняемых существительных со значением предмета. У трех существительных есть вариант мужского рода, вероятно, по родовому наименованию. Так, кросс-кантри¹ имеет такой вариант, очевидно, по слову «кросс» или «бег», пенальти² — по слову «удар», а ультра-си³, вероятно, по слову «элемент». У существительного конкур-иппик⁴ развился склоняемый вариант также мужского рода — конкур, причем автор словаря отмечает, что данный вариант употребляется чаще [3, с. 198]. И лишь у существительного рэндзю⁵ есть вариант женского рода, возможно, по слову «игра».

Далее рассмотрим группу названий танцев и их элементов. Их 9: сАмбо (с.) и (сАмба) (ж.), лИпси (м. и с.), бергамАско (м.) и бергамАска (ж.), хАли-гАли (м. и с.), лансьЕ (лянсьЕ) (м. и с.) и др. (Таблица 2). Данные таблицы свидетельствуют о том, что названия танцев употребляются преимущественно в мужском роде; в словарных статьях этот род у всех слов находится на первом

¹ Бег по пересеченной местности без дорог, с естественными препятствиями.

² В футболе: штрафной удар по воротам соперника, защищаемым только вратарем, с отметки 11 метров от линии ворот.

³ Категория сложности элементов в спорте: эффектные элементы повышенной сложности, сверхсложные элементы

⁴ Франц. *concours hippique* ‘конные состязания’. В широком понимании — всякое конно-спортивное соревнование.

⁵ Японск. ‘нитка жемчуга’. Спортивно-логическая игра, в которой два соперника поочередно выставляют белые и черные шашки на доску (15x15 полей) до тех пор, пока одному из них не удастся построить по горизонтали, вертикали или диагонали непрерывный ряд из 5 своих шашек.

месте. Исключение составляет слово самбо — оно среднего рода, и к тому же развился склоняемый вариант женского рода самба. Мужской род таких существительных объясняется родовым наименованием «танец». Средний род — той же тенденцией неодушевленных существительных, что и в предыдущей группе. Названия танцев заимствованы из самых разных языков, поскольку эти танцы народные, но какой-либо определенной тенденции, связанной с происхождением, не наблюдается. Склоняемый вариант женского рода развился также у слова бергамаска¹.

Таблица 2. Несклоняемые названия танцев и их элементов

названия танцев и их элементов	язык-источник	род			склоняемый вариант
		мужской	женский	средний	
бергамАско	итал.	+			бергамАска (ж.)
лансьЕ, лянсьЕ	франц.	+		+	
лИпси	нем.	+		+	
па-де-дЕ	франц.	+		+	
паспЬЕ	франц.	+		+	
сАмбо	португ.			+	сАмба (ж.)
сиртАки	греч.	+		+	
хАли-гАли	англ.	+		+	
шалахО	армян.	+		+	

Следующая группа — это другие понятия из области искусства: жанры поэзии, литературы, музыки, виды театрального, изобразительного, боевого и других искусств (18 единиц): каБУ-ки² (м. и с.), фьюжн¹ (м., ж. и с.), цы² (м. и с.), фу³ (м. и с.), БОди-

¹ Старинный (XVI-XVIII вв.) итальянский танец четырехдольного размера, а также музыка к нему.

² Японск. Kabuki 'искусство танца и пения'. Один из видов классического театрального искусства Японии. Включает музыку, танцы, драму. Сложился во второй половине XVI века. Уникальность искусства кабуки состоит в том, что все женские роли исполняются актерами-мужчинами.

Арт⁴ (с. и м.), капоЭро (капоЭра)⁵ (с. и ж.), пУтти⁶ (м. и с.), гохуА⁷ (ж. и с.), юэфУ⁸ (ж. и с.), сахиОба⁹ (м. и ж.), рЭнга¹⁰ (ж. и с.), ру-

¹ *Англ.* fusion, букв. ‘сплав, слияние’, муз. Музыкальный жанр, существующий с конца 1960-х гг., пограничный между джазом и рок-музыкой (jazz fusion, jazz-rock fusion).

² *Кит.*, лит. Жанр китайской классической поэзии. Возник во второй половине VIII века на основе народного песенного творчества. Расцвета достиг в X-XII вв. Стихи цы создавались как песенно-романсовый текст на определенные мелодии, имеют строки разной длины.

³ *Кит.*, Лит. жанр китайской литературы — небольшая, обычно описательная поэма в форме ритмической прозы с эпизодической рифмовкой. Период расцвета — II в. до н. э. — II в. н. э. Существовал до начала XX века.

⁴ *Англ.* body art ‘искусство тела’. Авангардистское направление, возникшее в 1960-х гг., представители которого использовали свое тело как материал и объект творчества, прибегая к разнообразным (часто болезненным) манипуляциям.

⁵ *Порт.* saroeira. Афро-бразильское боевое искусство, появившееся в XVII веке среди рабов. Используется преимущественно техника ног при тщательно разработанных перемещениях, включающих элементы акробатики.

⁶ *Итал.* putti, мн. число от putto ‘младенец’. Изображения маленьких мальчиков (иногда крылатых), излюбленный декоративный мотив в искусстве итальянского Возрождения, а также XVII-XVIII вв., навеянный античными прообразами.

⁷ *Кит.* ‘национальная живопись’. Современная китайская живопись водяными красками на шелковых и бумажных свитках.

⁸ *Кит.*, букв. ‘музыкальная палата’. Жанр традиционной китайской лирической поэзии, китайские народные песни, записанные во II веке до н. э. — VI веке н.э. Музыкальной палатой «Юэфу» и авторские подражания им.

⁹ *Груз.* Своеобразная форма театрально-зрелищного искусства, вид древнегрузинского театра, распространенного в XII-XVIII вв. при дворах грузинских царей.

¹⁰ *Японск.* ‘нанизанные строфы’, *лит.* Своеобразный жанр японской поэзии, популярный в XIII-XVI вв. Главная черта поэзии рэнга — диалогичность. Цикл классической рэнга складывался, как правило, из ста строф, в сочинении которых принимали участие два или более поэтов: один сочинял трехстишие, второй в соответствии с образами предыдущей строфы добавлял к нему двустишие, к двустишию присоединялось новое трехстишие и т.д. Иногда рэнга состояли из нескольких тысяч строф.

баИ, робаИ¹ (м. и с.), кю² (кюй) (ж. и м.), айтысУ³ (ж. и м.) и т.д. (Таблица 3).

Таблица 3. Несклоняемые названия из области искусства

	язык-источник	род			склоняемый вариант
		муж-ской	жен-ский	средний	
айтысУ	казах.	+	+		айтыс, -а, м.
бОди-Арт	англ.			+	бОди-Арт, -а, м.
гохуА	кит.		+	+	
кабУки	япон.	+		+	
капоЭро	порт.			+	капоЭра (капо-Эйра, капуЭйра), ж.
кюй	казах.		+		кюй, -я, м.
От-кутЮр	франц.		+	+	
палАццо	итал.			+	палАц, -а, м.
пУтти	итал.	+		+	
рубаИ, робаИ	араб.	+		+	
рЭнга	япон.		+	+	
сахиОба	груз.	+			сахиОба, — ы, ж.
скЕнэ	греч.			+	скЕна, -ы, ж.
фу	кит.	+		+	
фьюжн	англ.	+	+	+	
фЭн-шУй	кит.	+		+	
цы	кит.	+		+	
юэфУ	кит.		+	+	

¹ *Арабск.*, букв. ‘учетверенный’. Жанр лирической поэзии народов Ближнего и Среднего Востока, афористическое четверостишие с рифмовкой всех четырех или соседних строк: ааба, аааа; иногда абаб. Рубаи пришел в письменную литературу из устного народного творчества персов, а не был заимствован, как, напр., касыда или газель из арабской литературы.

² *Казахск.* Казахская или киргизская народная инструментальная пьеса, наигрыш, исполняемые на домбре (в Казахстане), комузе (в Киргизии) и других народных инструментах.

³ *Одна* из традиционных форм устной народной песенной поэзии, стихотворение, песня-импровизация в форме диалога-соствязания двух акынов у тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана).

В приведенных словах чаще доминирует род слов, являющихся родовым понятием всех приведенных слов: «жанр», «искусство», «живопись». Это обуславливает первичность того или иного рода. И большинство наименований имеют также и вариант среднего рода как относящиеся к неодушевленным существительным. Семь слов развили склоняемый вариант путем присоединения согласного (кюй), замены конечного гласного *-o* на *-a* (скена, капоэра), отсечения части слова (палац, айтыс); два слова (сахиоба и боди-арт), имеющие концовку, похожую на русскую, просто начали склоняться (то есть получили дополнительный склоняемый вариант).

Таким образом, наблюдения над вышеприведенными группами несклоняемых существительных показывают, что процесс освоения у некоторых из них идет путем выработки склоняемого варианта. Большинство же слов (возможно, ввиду нечастого их использования) продолжают употребляться в двух вариантах, один из которых, как правило, объясняется родовым наименованием, другой — общей тенденцией распределения по родам несклоняемых существительных.

Литература

1. *Шанский Н.М.* Современный русский язык: Словообразование. Морфология. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Просвещение, 1987. — 256 с.
2. *Камынина Н.Г., Решетова Д.В.* Грамматическое освоение заимствованных несклоняемых существительных в современном русском языке // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26-29 сентября 2016 г. / Под ред. П.В. Алексеева: В 2-х т. Т. 2. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 214-222.
3. *Успенская И.Д.* Современный словарь несклоняемых слов русского языка: Около 3000 слов. М.: Астрель, 2009. — 474 с.

Т.Н. Никонова

**Проблемы жанровой эвокации:
методика поля в типологии рассказов-анекдотов
В.М. Шукшина**

Аннотация: Рассказы-анекдоты В.М. Шукшина, который мы рассматриваем как вторичный речевой жанр по отношению к первичному жанру анекдота, отличаются неоднородной художественно-речевой структурой и составляют жанровое поле рассказов-анекдотов Шукшина. Введение принципа поля как наиболее соответствующего продукту эвокационного преобразования — художественно-речевой структуре рассказов-анекдотов Шукшина — позволило наиболее полно описать разные типы рассказов-анекдотов и объяснить случаи частичного наложения и пересечения художественно-речевой структуры разных типов рассказов-анекдотов между собой, а также с художественно-речевой структурой других жанровых разновидностей малой прозы В.М. Шукшина.

Short stories-anecdotes of Shukshin, which we regard as a secondary speech genre in relation to the primary genre of the anecdote, differs in a heterogeneous artistic and verbal structure and make up the genre field of Shukshin's anecdotes. The introduction of the field principle as the most appropriate to the product of the evocative transformation — the artistic and verbal structure of Shukshin's anecdotes — allowed the most complete description of various types of anecdote stories and the explanation of cases of partial overlapping and intersection of the artistic and verbal structure of different types of anecdote stories among themselves, as well as with artistic and speech structure of other genre varieties of small prose of Shukshin.

Ключевые слова: речевой жанр, жанровое поле, рассказ-анекдот, эвокация, первичные и вторичные жанры | Speech genre, genre field, story-anecdote, evocation, primary and secondary genres.

Данная статья отражает одну из проблем жанровой эвокации в исследовании рассказов-анекдотов В.М. Шукшина: описание продукта эвокационной деятельности, в нашем слу-

чае — рассказов-анекдотов В.М. Шукшина, в аспекте их художественно-речевой структуры и типологии [1].

Неоднородность художественно-речевой структуры рассказов-анекдотов В.М. Шукшина дает основание провести их типологию: выделить отдельные типы рассказов-анекдотов, в которых учитывается выдвигание эвокационных средств того или иного жанрового признака или комплекса признаков.

На наш взгляд, типы рассказов-анекдотов целесообразно формировать и описать на базе понятия поля. Введение принципа поля обусловлено логикой исследования и самим материалом нашего исследования. Рассказы-анекдоты Шукшина имеют сложную художественно-речевую структуру, которую невозможно строго классифицировать, как трудно вообще уложить художественное творчество в рамки какой-либо классификации. Полевая методика позволяет не только увидеть эту сложность, но выделить и описать разные типы рассказов-анекдотов и, главное, объяснить случаи перехода, пересечения, частичного наложения разных типов рассказов-анекдотов друг на друга, а также на другие жанровые разновидности рассказов В.М. Шукшина.

Категория поля в лингвистике определяется как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [2, с. 380]. В лингвистике традиционно рассматриваются несколько видов поля. К наиболее разработанным относятся теория семантического поля, которая постулирует наличие общего семантического признака, объединяющего все его единицы (Й. Трир, Г. Ипсен). В рамках психолингвистики и психологии исследуются ассоциативные поля (Ш. Балли). Активно разрабатывается учение о функционально-семантических полях (А.В. Бондарко и его школа), понимаемых как «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [3, с. 40]. Одной из новых является концепция фатического поля языка (Л.Н. Мур-

зин), основанная на фатической функции языка и построенная на деривационном принципе лингвистического описания [4].

Таким образом, опираясь на основные принципы концепции поля, мы выделили ряд важных для нашей типологии признаков полевой организации. Во-первых, материал исследования требует того, что системной жесткости единиц противопоставляются более мягкие элементы поля, строгому языковому детерминизму — вероятностная полевая модель и т.д. Во-вторых, отличительной чертой полевых структур является наличие у них ядра, периферии и переходной зоны между ними. Ядро характеризуется максимальным сосредоточением полеобразующих признаков, а периферия — ослаблением интенсивности или даже исчезновением части таких признаков. При этом периферийная зона поля обычно оказывается больше ядерной. В-третьих, для поля характерно явление аттракции, которое состоит в том, что «благодаря существованию данной группы элементов с общим признаком в нее включаются новые элементы с таким же признаком» [5, с. 101-102]. При этом тот или иной элемент может испытывать притяжение нескольких ядер, входя, таким образом, в несколько полей.

Отмеченные признаки поля отвечают особенностям организации материала нашего исследования. Следовательно, совокупность рассказов-анекдотов Шукшина может быть рассмотрена с точки зрения полевого принципа. Так как рассматривается жанровая особенность художественно-речевой структуры рассказов-анекдотов В.М. Шукшина, то поле организации этого типа рассказов квалифицируем как жанровое поле.

Теории описания жанрового поля лингвистами не разработано. Отметим попытку описания полевого принципа организации речевых жанров, сделанную М.Ю. Федосюком, на примере первичных речевых жанров приказа, просьбы, мольбы и требования. Исследователь утверждает, что комплекс средств выражения каждого из жанров обладает структурой языкового поля. «При этом если центральные компоненты каждого из жанровых полей четко противопоставляют данный жанр всем другим жанрам, то на уровне периферии формальные различия между разными жанрами нейтрализуются» [6, с. 109]. Центр полевой структуры речевого жанра составляют перформативные конструкции (Я приказываю, Я прошу, Я умоляю и Я требую), которые позволяют одно-

значно отличить один жанр от другого на формальном уровне. Но данная возможность не всегда используется говорящим. Например, как отмечает Е.В. Падучева [7], предложение *Иди домой!* может выполнять иллокутивную функцию просьбы, приказа, мольбы, совета, предложения, разрешения и т.д. Такого рода высказывания стоят на периферии этих жанровых полей и формально нейтрализуют различия между разными речевыми жанрами. Это позволяет отметить существование таких побудительных конструкций, которые сочетают в себе просьбу и приказ, просьбу и требование и т.д. Использование подобных «нейтрализованных» высказываний возможно тогда, когда принадлежность высказывания к тому или иному жанру не требует специального выражения, поскольку она однозначно определяется ситуацией общения. Кроме того, нейтрализация различий между двумя или несколькими жанрами может быть намеренно использована говорящим, так как «это для него нерелевантно или противоречит его коммуникативным интересам» [6, с. 111]. Такого рода высказывания стоят на периферии этих жанровых полей. Для определения жанровой принадлежности периферийных компонентов необходимо знание ситуации общения: концепции автора и адресата, фактора коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего.

Таким образом, концепция М.Ю. Федосюка существенна для нас как сам факт возможности описания речевых жанров через принцип поля. В то же время перед нами стоит задача описания полевой структуры рассказов-анекдотов Шукшина как вторичного речевого жанра, несомненно, являющегося более сложной организацией, учитывающей особенности авторской манеры письма, эстетического образа мышления, специфику литературного жанра рассказа и т.п.

Так, в отличие от концепции М.Ю. Федосюка, мы рассматриваем не первичный речевой жанр, представленный одним коротким высказыванием, а вторичный жанр, возникающий, по М.М. Бахтину, «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения» [8, с. 252]. Важным отличием является то, что вторичный речевой жанр рассматривается нами в эвокационных отношениях с первичным, обладающим высоким эвокационным потенциалом. Следуя методу

эвокационного анализа, разработанному профессором А.А. Чувакиным, представляется существенным рассмотрение действия эвокационных принципов адекватности и активности при воспроизведении жанровых признаков анекдота в рассказе-анекдоте Шукшина. «Принцип адекватности устанавливает, что продукт воспроизведения, конструируемый из средств воспроизведения, соответствует объекту воспроизведения» [9, с. 51].

В качестве гипотезы выдвигаем положение о том, что ядро жанрового поля рассказов-анекдотов Шукшина адекватно воспроизводит жанровые признаки первичного речевого жанра анекдота. Средства воспроизведения признаков смеховости, краткости, парадоксальности и игрового начала в рассказах-анекдотах, составляющих ядро жанрового поля, имеют ровный характер выдвижения в художественно-речевой структуре этих рассказов, что соответствует первичному речевому жанру анекдота.

Таким образом, из двух эвокационных принципов, функционирующих в единстве, действие принципа адекватности в ядерном компоненте жанрового поля более актуально, чем в периферийных компонентах. В периферийных компонентах при воспроизведении жанровых признаков анекдота актуализируется эвокационный принцип активности. «Принцип активности устанавливает, что в процессе воспроизведения его объект преобразуется средствами воспроизведения» [9, с. 60]. Предполагаем, что жанровые признаки в периферийных компонентах жанрового поля рассказов-анекдотов в большей степени подвергаются преобразованиям, чем в ядерных. Преобразование предполагает, что жанровые признаки получают новую субстанцию и новую функцию, оставаясь тождественными самим себе (принцип адекватности).

Субстанциональное преобразование подразумевает нейтрализацию или выдвижение отдельных жанровых признаков анекдота. Функциональное преобразование предполагает обеспечение воспроизведения жанровых признаков в разных типах рассказов-анекдотов как «эмоционально-образной, эстетической трансформации» [10, с. 185]. Так, жанровый признак смеховости, актуализированный в ядре жанрового поля рассказов-анекдотов, нейтрализуется в некоторых рассказах из периферии. Признак краткости, в отличие от смеховости, сохраняет свою актуальность в та-

ких рассказах. При этом, принцип поля позволяет увидеть и обозначить предел такого преобразования (и предел эвокационного потенциала первичного речевого жанра анекдота) на стыке с другими жанровыми полями рассказов Шукшина. Актуализация принципа активности приводит к своего рода размыванию жанра на периферии жанрового поля. Как следствие происходит нейтрализация различий между жанровым полем рассказов-анекдотов и жанровыми полями других разновидностей рассказов В.М. Шукшина.

Если в концепции М.Ю. Федосюка распределение высказываний по центральным и периферийным компонентам производится по принципу наличия/отсутствия перформативной конструкции, то в данном исследовании такое распределение происходит на основе принципа выдвижения средств воспроизведения жанровых признаков на разных уровнях организации художественного текста: сюжетном, композиционно-речевом и уровне языковых средств. Рассмотрение уровневой организации средств воспроизведения жанровых признаков позволяет более полно проанализировать сложную организацию художественного текста, найти ведущую роль какого-либо уровня в воспроизведении жанровых признаков в рассказах-анекдотах. Так, в рассказах-анекдотах, составляющих ядерный компонент, доминирующими являются сюжетный и композиционно-речевой уровни, организация которых наиболее адекватна первичному речевому жанру. В периферийных рассказах-анекдотах композиционно-речевой уровень теряет статус определяющего, а на доминирующие позиции наравне с сюжетным выходит уровень языковых средств.

Таким образом, на основе концепции жанрового поля М.Ю. Федосюка и родовых признаков поля в лингвистике выработалось рабочее определение жанрового поля рассказов-анекдотов Шукшина как вторичного речевого жанра. Под полевой организацией рассказов-анекдотов мы понимаем группу рассказов этого жанра, которая характеризуется:

наличием у эвокационных средств, входящих в группу рассказов-анекдотов, общей функции (воспроизведение основных признаков анекдота в художественно-речевой структуре рассказов), показывающей отношения между первичным и вторичным речевыми жанрами;

структурой, в которой определяющую роль играют следующие признаки: а) членение «центр (ядро) — периферия»; б) постепенные переходы между компонентами группы рассказов-анекдотов и другими жанровыми группами, частично пересекающимися на периферии с рассказами-анекдотами.

Анализ рассказов-анекдотов в ключе полевой организации позволил выявить следующую структуру жанрового поля рассказов-анекдотов В.М. Шукшина. Ядерный компонент жанрового поля рассказов-анекдотов В.М. Шукшина представлен собственно рассказами-анекдотами. В основе отбора рассказов в этот тип рассказов-анекдотов лежит особый характер выдвижения воспроизводимых жанровых признаков на разных уровнях художественно-речевой структуры, который может быть описан в понятиях и оппозициях частотности, эксплицитности и имплицитности, континуальности и дискретности воспроизведенных жанровых признаков. Особенность характера выдвижения жанровых признаков анекдота в собственно рассказах-анекдотах проявляется в относительно равномерном их воспроизведении на всех уровнях текста: сюжетном, композиционно-речевом и языковом.

Этот критерий выдвижения рассказов-анекдотов в ядерный тип имеет следующие черты их уровневой организации: 1) сюжетный уровень характеризуется а) яркой анекдотической ситуацией, лежащей на поверхности рассказа, не спрятанной за другими сюжетными ходами, б) смещением кульминационного момента в конец рассказа; 2) композиционно-речевой уровень отличается а) динамичным взаимодействием его компонентов, б) отсутствием длинных описаний и рассуждений, в) усилением диалогичности к концу рассказа; 3) на уровне языковых средств принцип выдвижения имеет характер частотно равномерного воспроизведения лексическими и синтаксическими средствами всех жанровых признаков анекдота. Итак, в ядерном компоненте жанрового поля рассказов-анекдотов В.М. Шукшина не наблюдается яркое выдвижение одних и нейтрализация других жанровых признаков.

Представленный ряд особенностей ядерного типа рассказов-анекдотов Шукшина динамичен. Он может быть дополнен или изменен при описании характера представленности жанровых признаков в разных рассказах-анекдотах, но без нарушения правил, задаваемых теорией поля. Однако отмеченные особенности

собственно рассказов-анекдотов являются достаточным условием для выделения из всей совокупности рассказов-анекдотов Шукшина рассказов, относящихся к ядерному типу рассказов-анекдотов.

К собственно рассказам-анекдотам относятся рассказы «Дебил» (1971), «Ораторский прием» (1971), «Версия» (1973), «Мужик Дерябин» (1974).

Ближняя периферия жанрового поля рассказов-анекдотов В.М. Шукшина представлена усложненными рассказами-анекдотами. В основе выделения ближней периферии рассказов-анекдотов Шукшина лежит актуализация принципа допустимости различных модификаций при воспроизведении жанровых признаков анекдота как первичного речевого жанра. Если в ядерном типе рассказов-анекдотов ведущим принципом воспроизведения жанровых признаков является эвокационный принцип адекватности и действовало максимальное проявление всех этих признаков с выдвиганием смеховости и краткости, то в ближней периферии действие эвокационного принципа активности заметно активизируется. Эта особенность влияет на характер выдвигания одних жанровых признаков и нейтрализацию других на разных уровнях художественно-речевой структуры этих рассказов.

Усложненные рассказы-анекдоты как ближняя периферия жанрового поля рассказов-анекдотов В.М. Шукшина имеет следующие черты поуровневой организации их художественно-речевой организации: 1) на сюжетном уровне анекдотическая ситуация, лежащая в его основе, осложнена другими сюжетными ходами, либо рассказ вообще состоит из целой цепи анекдотических ситуаций; 2) композиционно-речевой уровень усложняется введением описаний и рассуждений, так как повышается значимость речевой партии автора; 3) уровень языковых средств отражает выдвигание признаков игрового начала, парадоксальности, смеховости и нейтрализации краткости в одних рассказах, либо иное соотношение выдвигаемых признаков в других рассказах этого типа. К усложненным рассказам-анекдотам относятся рассказы «Чудик» (1967), «Митька Ермаков» (1970), «Генерал Малафейкин» (1972), «Владимир Семеныч из мягкой секции» (1973), «Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток» (1974), «Ночью в бойлерной» (1974).

Дальняя периферия жанрового поля рассказов-анекдотов В.М. Шукшина представлена нейтрализующимися рассказами-анекдотами. (Название этого типа рассказов-анекдотов придумано по аналогии с действием фонематической позицией нейтрализации, где происходит ослабление различительной силы фонемы, и несколько разных фонем не различаются). От ядерного типа нейтрализующихся рассказы-анекдоты отличаются усложненной художественно-речевой структурой (как и рассказы-анекдоты ближней периферии). От усложненных рассказов-анекдотов они отличаются нейтрализацией доминирующего жанрового признака. От этого их художественно-речевая структура приближается по своему характеру к ядру других жанров рассказов в общей системе малой прозы В.М. Шукшина.

Как и в рассказах-анекдотах ближней периферии, в нейтрализующихся рассказах-анекдотах актуально действие эвокационного принципа активности в воспроизведении и выдвигании жанровых признаков анекдота. В связи с этим художественно-речевая структура этого типа рассказов-анекдотов значительно преобразуется. Дальняя периферия жанрового поля рассказов-анекдотов представляет собой предел преобразования жанровых признаков анекдота в рассказах В.М. Шукшина и предел его эвокационного потенциала.

Художественно-речевая структура нейтрализующихся рассказов-анекдотов имеет следующие черты уровневой организации. 1) Сюжетный уровень отличается а) скрытой анекдотической ситуацией, лежащей в основе сюжета, б) сюжетное ядро рассказов может усложняться другими сюжетными ходами, в) концовка рассказа, как правило, имеет драматичную развязку. 2) Композиционно-речевой уровень в одних рассказах характеризуется актуализацией диалога, в других — повышением роли авторского речевого слоя. 3) Уровень языковых средств отличается снижением частотности эвокационных средств жанровых признаков смеховости и игрового начала. К нейтрализующимся рассказам-анекдотам относятся рассказы «Критики» (1964), «Степка» (1964), «Волки» (1967), «Раскас» (1967), «Пост скриптум» (1972), «Штрихи к портрету» (1973), «Три грации» (1973).

В этих рассказах выдвигание жанровых признаков действует так, что их художественно-речевая структура в соответствии с

действием принципа поля частично совпадает с художественно-речевой структурой других жанровых разновидностей рассказов В.М. Шукшина (собственно рассказ, рассказ-сценка, новелла). Подробно данная типология будет рассмотрена в следующих публикациях.

Литература

1. *Никонова Т.Н.* Рассказ-анекдот В.М. Шукшина как вторичный речевой жанр (эвокационный аспект). Горно-Алтайск, 2005.
2. *Кузнецов А.М.* Поле // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 380-381.
3. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2001.
4. *Мурзин Л.Н.* Полевая структура языка // Фатическое поле языка. Пермь, 1998. С. 9-14.
5. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
6. *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102-120.
7. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
8. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
9. *Чувакин А.А.* Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.
10. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.

**А.В. Попов, С.И. Драчева,
Т.А. Баданова**

Русские названия в топонимическом пространстве бассейна Телецкого озера

Аннотация: В данной статье исследуется топонимическое пространство бассейна Телецкого озера Республики Алтай. Русские топонимы (гидронимы, оронимы, ойконимы) бассейна Телецкого озера впервые изучаются в свете пересечения национальных идентичностей, отражения бытования этноса в топонимике.

This article explores the toponymic space of the Teletskoye Lake basin in the Republic of Altai. Russian toponyms (hydronyms, oronyms, oikonoms) of the Lake Teletskoye basin are studied for the first time in the light of the intersection of national identities, reflections of the existence of an ethnic group in toponymy.

Ключевые слова: топонимы Горного Алтая, Телецкое озеро, гидронимы, оронимы, ойконимы, национальная идентичность | toponyms of Altai Mountains, lake Teletskoye, hydronyms, oronymy, oikonoms, national identity.

Объектом анализа в данной статье является топопространство бассейна Телецкого озера, находящегося преимущественно в Турочакском районе Республики Алтай. Прилегающие к озеру территории исторически заселены различными этносами (телесами, кумандинцами, челканцами, тубаларами, русскими и др.), обозначающими свое существование в топонимии. Поскольку наличие освоенного пространства способно обеспечить группу людей правом на самоопределение, каждый этнос стремится закрепить за собой пространство через систему языковых и культурных репрезентаций, выражая национальную идентичность. В ходе различных процессов «национальные идентичности стремятся сформировать мифологический комплекс, оправдывающий их физический контроль над территорией: исто-

рические легенды, предания, космогонические и эсхатологические мифы, персональные мифы, а также топонимы» [1].

Русские переселенцы появились и начали осваивать пространство юга Западной Сибири начиная с XVII века, обозначая свое существование в топонимике. Освоение Сибири и в частности территорий вокруг крупнейшего озера Горного Алтая не могло не отразиться в топонимической системе — это естественный процесс освоения пространства другим народом. Географические наименования становятся частью регионального ономастикона и отражают особенности межэтнических языковых и культурных контактов.

Вопросам изучения топонимики Горного Алтая посвящены работы О.Т. Молчановой, Н.А. Баскакова, А.Т. Тыбыковой, К.Б. Самтаковой, П.В. Алексеева и других исследователей. Однако рассмотрение русских топонимов бассейна Телецкого озера через призму пересечения национальных идентичностей еще не становилось предметом специального исследования.

Целью исследования является выявление и описание русских топонимов (гидронимы, оронимы, ойконимы) бассейна Телецкого озера Республики Алтай в свете пересечения национальных идентичностей, при этом используются элементы этимологического, лингвокультурологического, сравнительного и описательного методов.

Интенсивное освоение Алтая началось в XVIII веке. Из сохранившихся документов известно, что в начале 1717 г. кузнецкий комендант Б.А. Синявин получил распоряжение сибирского губернатора Матвея Гагарина «на Бии и Катунь построить город в крепком месте, ... також сделать острог на Алтыне озере [Телецком озере], из которого течет Бия река, и в иных местах: на Чумыше и в яшашных волостях остроги строить же» [2]. Таким образом, физическое закрепление русского этноса в топопространстве Телецкого озера началось в первой половине XVIII века.

Каждый регион России представляет собой особое топопространство, сохраняющее в себе (а в какой-то мере даже консервирующее) особенности менталитета народов, их культур историю межэтнических контактов и пересечения национальных идентичностей. Все это применимо к территориям Телецкого озера. Русский этнос перенял и сохранил подавляющее большинство топо-

нимов, включая их мифологическую репрезентацию, поэтому русские топонимы в исследуемом районе немногочисленны.

Гидронимы

Освоение бассейна Телецкого озера наиболее заметно выразилось в системе гидронимов (названия рек, ручьев и т. д.), поскольку передвижение и переселение осуществлялось вверх по течению рек. Русские названия гидронимов, которые закрепились на современных картах: ручей Миллионный, Каменный залив, река Клык, Телецкое озеро.

Ручей Миллионный — приток реки Калычак (левый берег Телецкого озера). Топоним с ясной этимологией и семантикой: название может быть связано с числом или количеством (в бассейне озера много ручьев, а это один из тысячи тысяч). Однако следует отметить, что в бассейне реки Калычак велась и ведется золоторазведка и золотодобыча, что может вести к другой интерпретации названия Ручей Миллионный, связанной с золотом и богатством.

Каменный залив — залив на левом берегу Телецкого озера в нескольких километрах от села Иогач, объект экскурсионной деятельности. Название связано с большими россыпями камней по берегам залива, которые делают его похожим на кратер от падения метеорита. Река Клык — приток реки Байгол, находится недалеко от сел Яйлю и Бийка. Причина, по которой реку называли Клык, не совсем ясна. Вероятно, название связано со скалами на берегах реки, напоминающими клыки.

Телецкое озеро — крупнейшее озеро в Горном Алтае. Известно под разными названиями: Телецкое, Алтын-көл, Төлös-көл. Русским первопроходцам озеро стало известно еще в 18 веке (в 1717 г. вышло распоряжение сибирского губернатора Матвея Гагарина о постройке острогов, в том числе на Алтыне озере; в 1733 г. казаки посетили озеро, но не нашли подходящего места для острога). На современных картах зафиксировано название озера, которое дали русские. Вот такое описание можно найти в «Новом и полном географическом словаре Российскаго государства» (1788) Л.М. Максимовича:

Алтынъ озеро, по руски ТЕЛЕСКОЕ, название сіе получило отъ жи-
вушаго при нем Татарского народа, называемого Телесы. Татары
называют его Алтынкуль <...> Оно длиною 126, а ширину 84 версты
[3, т. 1, с. 37].

Как видим, русские первопроходцы дали название по племени
— Телеское, со временем произошли фонетическое и орфографи-
ческое изменения, закрепилось название — Телецкое. Русские
дали озеру название, обозначив его принадлежность другому эт-
носу — телесам, но таким образом зафиксировали и свое суще-
ствование.

Влияние русского языка чувствуется и во флексии названии ре-
ки Бия. Алтайское название Бий — господин (язык-источник это-
го слова, по словам А.М. Молчановой неясен: древнетюркское,
сомодийское, тунгусо-манжурское) [4, с. 159]. Первоначально
русские переселенцы и исследователи могли называть реку Би
(Бикатунский острог). Написание из двух букв представлено в
«Новом и полном географическом словаре Российскаго государ-
ства» (1788) Максимовича Л. М.:

БИ рѣка, произтекающая из Телескаго озера, по соединеніи своем
съ рѣкою Катунію, составляет рѣку ОБЪ. Имена БИ и Катунь значат
господина и госпожу, Князя и Княгиню. По сей рѣкѣ прозвань городъ
Бийскъ [3, т. 1, с. 80].

На известной карте Телецкого озера Г.П. фон Гельмерсена
(1840 г.) зафиксировано написание реки Бія, близкое к современ-
ному. Во второй половине 20 века вверх по течению Бии в 45 км.
от Телецкого озера образуется село Верх-Бийск (Верхний Бийск
или в значении находящийся выше Бийска по течению реки Бия).
В названии ярко выразилась национальная идентификация рус-
ского народа в топопространстве Алтая.

Многими местными жителями и туристами широко использу-
ется топоним Третья речка, зафиксированный на некоторых ту-
ристских картах Телецкого озера. Употребление этого наимено-
вания является ярким примером пересечения национальных
идентичностей, поскольку у алтайцев эта река называется Теве-
нек (зафиксировано на картах). Тевенек — небольшая, но бурная
река с каскадом небольших водопадов, приток Телецкого озера

(недалеко от с. Артыбаш). О.Т. Молчанова значение этого топонима раскрывает через башкирское Тэбэнэк — низкий, низкорослый. Можно предположить, что название связано с невысокими водопадами или кустарниками по берегам.

Возможно, в состоянии переосмысления находится гидроним Боже (левый приток реки Челушман), воспринимаемый туристами как форма существительного Бог. Источником этого названия могут быть самодийский или селькупский языки. Так, А.М. Молчанова указывает, что Боже (Божо, Беже, Боожо, Биже), возможно, образовались из самод. нии, нииго, нүго — осина; осиновый или сельк. нү <...> — камень; каменный; самодийский кы/гы > жо, жо, же, же, жы — река» [4, с. 161]. Таким образом, возможен перевод Боже как Осиновая река или Каменная река.

В топопространстве бассейна Телецкого озера довольно много смешанных русско-алтайских (и иного происхождения) гидронимов.

1. Гидронимы со словами большой/малый — самая многочисленная группа: Большой Шалтан, Малый Шалтан, Малая Корбу, Большая Корбу, Большая Чили, Малые Чили, Большой Мионок, Малый Мионок, Большой Орогач, Малый Орогач, Большой Чульчинский водопад и др.

Большой Шалтан — небольшой приток р. Камга, а также водопад в 12 км от устья реки на северо-востоке Республики Алтай (Турочакский район). Водопад расположен на территории Алтайского государственного заповедника. Возможно, происходит от алтайского шалтан — обнаженный (монгольское шалдан(г) также переводится, как обнаженный, голый). К алтайскому наименованию добавлено русское прилагательное большой, для различения объектов, поскольку есть р. Малый Шалтан.

Малая Корбу — река, являющаяся притоком Большой Корбу, впадающей в Телецкое озеро. Происходит от алтайского слова корбо — кустарник, молодые побеги дерева, растущие от общего корня. По-алтайски река называлась Кичү (маленькая) Корбо. Русский перевод первого слова закрепился в топонимике и представлен на картах Горного-Алтая.

Большая Чили — крупный левый приток Телецкого озера, впадающий в него между горами Алтын-Туу и Кара-Корум. Образовано от рус. большой + алт. чили. По данным словаря А.М. Мол-

чановой, алтайское чили или шили переводится как стекло. В словаре также упоминается другое название реки Ян-Чили (большое окно) [там же, с. 341]. Русское прилагательное большой служит для более точной идентификации объекта, поскольку есть Малые Чили.

Большой Мионок — река, впадающая в залив Камга Телецкого Озера. Алтайское слово Мёөнёк может быть переведено как маленькая кишка, или маленький омут. В современном названии реки использованы слова с противоположными значениями буквально Большой + Мионок (Маленький омут).

Большой Чульчинский водопад — каскадный водопад на реке Чульча (правый приток реки Чулышман). Название образовано русским прилаг. большой + прилаг. Чульчинский (возможно от алт. Чулчак — маленькая река). У водопада есть алтайское название Учар (учар — летящий).

2. Гидронимы со словами, обозначающими расположение (левый/правый, верхний / нижний): Левый Юрток, Правый Юрток, Левый Баяс, Верхний Камелик и др.

Левый Юрток — приток реки Бии, впадающий в нее в нескольких километрах от Телецкого озера. Образовано от рус. левый + алт. Юрток (Юрт јок). По данным А.М. Молчановой јурт — осенне-весенне-летняя стоянка, место поселения, а јок — нет, не имеется, не существует. Вероятно, на этой реке не было стоянок и поселений. Летом река почти иссякает, а весной и после больших дождей превращается в бурный поток, через который невозможно перебраться.

Верхний Камелик алт. камелүк — лодочная станция. К алтайскому наименованию Камелик (камелүк — лодочная станция) добавлено русское прилагательное верхний, для различения объектов.

3. Гидронимы с числительными.

Гидронимы с числительными составляют немногочисленную группу. Здесь особый интерес представляют притоки реки Клык (недалеко от с. Яйлю), Кожа 1-я и Кожа 2-я. Происхождение название этих рек точно не установлено. В словаре топонимов А.М. Молчановой указывается Кажаа (Кажа, Кожа) — левый приток реки Бии. На карте Горного Алтая (и не только) встречаются одинаковые топонимы, обозначающие разные природные

объекты. Следовательно, можно предположить, что название этих рек также восходит к алт. *кажаан/кажаган*, что переводится как скотный двор, хлев. В тоже время, А.М. Молчанова, ссылаясь на автореферат Э.Г. Беккера «Селькупские топонимы Западной Сибири» (1965), справедливо, на наш взгляд, указывает еще на возможность камасинского происхождения: «камасинское *kho* — пихта + *чу>жа* — река, то есть Кожа — букв. пихтовая река» [там же, с. 192]. Этот вариант перевода соответствует реалиям — по берегам реки есть хвойные леса (кедр, пихта). Кроме того, реки с таким названием есть в Архангельской и Мурманской областях, что, добавляет неясности в происхождение этого слова. На современном этапе развития топонимической системы в этих названиях отражается русское влияние, выразившееся в нумерации рек.

Оронимы

Обратимся также к анализу оронимов бассейна Телецкого озера. Следует заметить, что подавляющее большинство названий гор — это тюркские наименования: Кейтек, Кокуя, Корумбу, Алтын-Туу, Перлу, Тилан-Ту, Корбулу, Мандагыш, Чаяк-Пакты, Селек, Кулюк, Беле и др.

Русские исследователи Алтая, переселенцы и топографисты сохранили названия коренных народов. В то же время существование русского этноса и освоение им пространства не могло остаться бесследным и не отразиться в топонимике района Телецкого озера. Поэтому русские оронимы в топопространстве Телецкого озера есть, но они немногочисленны: хребет Чихачева, г. Чертог, г. Купоросная.

Хребет Чихачева находится в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай. Часть хребта на территории Улаганского района находится рядом с Телецким озером и принадлежит Алтайскому государственному природному заповеднику. Хребет назван по имени русского географа и путешественника Петра Александровича Чихачева, известного исследователя этих мест.

Гора Чертог находится недалеко от Яйлю. По данным словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой — это «(устар. высок.). Пышное, великолепное помещение или здание, дворец» [5, с. 882].

Гора Купоросная находится в месте поворота Телецкого озера к югу. На картах Горного Алтая зафиксировано русское название горы, свидетельствующее о том, что русский этнос пытался обозначить свое существование в топонимах. У алтайцев есть другое исконное название — Кёк-Паш, что может быть переведено с алтайского языка как Голубая гора (Кёк — многозначное прилагательное: голубой, сизизый; Паш (Баш) — гора, вершина). Русское прилагательное купоросный также передает характеристику цвета медного (синий) или железного (зеленый) купороса.

Ойконимы

Следует заметить, что, несмотря на большую протяженность Телецкого озера и его значимость как водного источника, населенных пунктов и населенных ранее мест в его бассейне относительно немного. Освоение территорий происходило, вероятнее всего, вверх по течению реки Бия, исток которой Телецкое озеро. Русские переселенцы осваивали и сохраняли ойконимы этой территории, поэтому их без труда можно найти на современных картах: Артыбаш, Иогач, Яйлю, Балыкча, Обога (урочище, нежилое село в долине реки Пыжа, расположенное в 40 км за перевалом от озера), Атышту (Кордон), Беле (Кордон), Ежон (Кордон), Караташ (Кордон), Байгазан (заимка).

Свое присутствие русские переселенцы обозначали фактически только у начала реки Бии и значительно позднее. Что выразилось в названии села Новотроицк и частично в названии поселка Усть-Пыжа в устье реки Пыжа.

Топоним Новотроицк связан с названием Троицк. Однако топонимов Троиц (как и Новотроицк) на карте России много (более 20), включая город Троицк (город, поселение в составе административного округа Москвы). Предположительно, наименование связано не с городом в Московской области, а с селами Алтайского края России: Троицк (1908) в Кулундинском районе (прежние названия: Кирлы, Троицкое), Троицк (1909) в Ельцовском районе (прежние названия: Троицкий, Скрябино) и Троицк (1917) в Калманском районе (прежде: Троицкое). Переселенцы из этих сел могли дать название селу в Турачакском районе.

Интересен ойконим Усть-Пыжа как пример пресечения национальных идентичностей и их наложения. Элемент Усть— может восходить к слову устье — «место впадения реки (в море, озеро или другую реку» [5, с. 841], поскольку многие населенные пункты расположены недалеко от устья реки (Усть-Нарва). Возможно, в некоторых случаях названия восходят к архаическому употреблению слова «усть» в значении «верховье реки»: «Академик Срезневский в своем словаре древнерусского языка давал пояснение слова «устье»: «Усть — устье реки <...> исток реки: на усть — при истоке — Поставиша город на усть Невы» (дана отсылка к Новгородской первой летописи)» [6]. Видимо, русские переселенцы подчеркнули место расположения населенного пункта около устья реки Пыжа (слияние с рекой Бия), обозначив свое существование топонимом.

Таким образом, топопространство бассейна Телецкого озера является местом пересечения национальных идентичностей и требует дальнейшего изучения в различных аспектах.

Литература

1. Алексеева А.А., Алексеев П.В., Попов А.В., Самашева Н.Е. Топонимы в пересечении национальных идентичностей многонационального региона (на примере топонимов Беляши и Джазатор в Республике Алтай) // Филология и литературоведение. 2016. № 1. URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1828>.
2. Освоение Алтайского региона Российским государством в XVIII веке. URL: <http://library.altspu.ru/althistory/opening>.
3. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российскаго государства, или Лексикон <...> . Ч. 1. А-Ж. М.: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1788.
4. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Наука, 1979.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
6. Азбелев С.Н. Понятие «Устье Непрядвы» в русском летописании // XLIII Международная филологическая научная конференция 11-16 марта: тезисы. Санкт-Петербург, 2014. URL: <http://conference-spbu.ru/conference/13/reports/282>.

Т.И. Орехова

Онимы в текстах городского романса и бардовских песен: семантика, структура и функционирование

Аннотация: В статье рассматривается онимическая лексика, используемая в текстах русского городского романса второй половины XIX — начала XX века и авторской (бардовской) песни. Детально представлен структурно-семантический анализ поэтонимов в каждом жанре с последующим сопоставлением и выявлением общих/отличительных черт. Делается вывод об особенностях функционирования имен собственных в поэтических текстах разных жанров.

This article deals with the onym lexicon used in texts of the Russian city sentimental song of the second half of 19 — the beginning of the 20th century and an author's (bard) song. The structural-semantic analysis of poetic onyms in each genre including the comparison and identification of common and distinctive features is particularly performed. The conclusion about specific characteristics of proper names functioning in poetic texts of different genres is done as well.

Ключевые слова: Поэтическая ономастика, антропонимы, поэтонимы, русский городской романс, авторская (бардовская) песня, лингвокультурология, языкознание | Poetic onomastics, anthroponym, poetic onyms, Russian city sentimental song, author's (bard) song, cultural linguistics, linguistics.

Традиционно в современном языкознании сохраняется интерес к изучению имен собственных в текстах разных жанров, что связано с расширением исследований в области изучения поэтики, литературы, стилистики русского языка и др. направлений.

Обращение к данной теме исследования обусловлено возросшим интересом к функционированию онимов в поэтических текстах, представляющих собой культурный феномен, а также к изучению языкового материала с точки зрения лингвокультурологии как одного из современных направлений в отечественном

языкознании. Исследователи подчеркивают способность антропонимов вызывать широкие ассоциации, задавая тем самым особую эстетическую систему кодирования текста. Эту важную функцию отмечал в своих трудах В.В. Виноградов: «...вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т.п., не может быть иллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [1, с.256].

Фактическим материалом для изучения послужили поэтические тексты двух жанров устной поэзии — русского городского романса второй половины XIX — начала XX вв. и авторской (бардовской) песни. Исходя из тематики нашей работы, мы рассматривали семантику и структуру онимов в поэтических текстах, следовательно, речь пойдет о *поэтонимах*. Как правило, исследователи при анализе собственных имен в художественной литературе и определении художественного образа (одушевленного или неодушевленного) употребляли термины «имя» или «собственное имя», но относительно художественных текстов термины конкретизировались: «имя действующего лица», «имя литературного персонажа», «имя персонажа».

Рассмотрим последний: «Имя персонажа — одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать историческую правду (или разрушать ее, если имя выбрано вопреки правде)» [2, с.167].

Обобщение и систематизация теоретических работ в данном направлении свелось к поиску «...универсального термина, соотносимого со всеми разрядами имен собственных в художественном тексте» [3, с.6]. В научный оборот вводились различные варианты определений, но окончательно закрепился термин *поэтоним*, уже ранее активно используемый литературоведами [4, с.30], но с расширением семантического наполнения [5, с.108].

Источниками для данного исследования послужили тексты «городских» романсов и «авторских», «бардовских» песен. Обратимся к их краткой характеристике. Городской романс как жанр формируется на рубеже столетий (XVIII — XIX вв.). Основой по-

служили русские народные песни и авторские поэтические тексты лирического содержания. Исполнение сопровождалось чаще под гитару, иногда — фортепиано, реже — арфу. Эволюция жанра в XIX веке привела к появлению двух направлений: «классический» («профессиональный») и «городской» («любительский») романс. Тексты романсов были популярны, так как в основу сюжета положены страдания о неразделенной любви главного героя (юноши) к недостижимой возлюбленной (девушке).

Наличие особой фразеологии («*глядел он до боли в очах*») и ступенчатой композиции позволяло повышать эмоциональное напряжение у слушателей. Заголовки в текстах городского романса имелись редко, поэтому их роль обычно выполняла первая строка. Сюжет, как правило, составляет случай из жизни или воспоминание героя. Этим объясняется в зачине романса указание на место действия, но без его конкретизации; «*расскажу про тот край, где бывал я*», «*В далекой солнечной и знойной Аргентине*», «*В далеком Лондоне погасли огоньки*», «*В одном городе близ Саратова, / Под названьем тот город Петровск*» и др.

Стихи были положены на музыку композиторов: А.А. Алябьева, А.Е. Варламова, А.Л. Гурилева, П.П. Булахова, А.И. Дюбюка, С.Л. Донаурова. Наиболее популярными произведениями этого жанра были: «Песня цыганки» («Мой костер в тумане светит...», 1853) Я.И. Полонского, «О, говори хоть ты со мной...» (1857) А.А. Григорьева, «Под душистою ветвью сирени...» (1857) В.В. Крестовского, «Дышала ночь восторгом сладострастья...» (1900) В. Мазуркевича, «Гори, гори, моя звезда...» (1930-е) В.П. Чуевского, «О, если б мог выразить в звуке...» (1920-е) Г.А. Лишина и др. Исполнителями русского городского романса стали Ю. Морфесси, В. Зорин, Саша Давыдов, Варя Панина, А.Д. Вяльцева, Н.В. Плевицкая.

Позже традицию и оригинальную манеру исполнения романсов, стиль, отличающийся теплотой, задушевностью, эмоциональной наполненностью, продолжили П. Лещенко, В. Козин, И. Юрьева, Т. Церетели, Н. Брегвадзе, М. Шишков, В. Агафонов, А.Н. Вертинский. Творчество А.Н. Вертинского оказало существенное влияние на развитие русского романса второй половины XX века и песенного творчества поэтов, писавших свои стихи для исполнения под гитару (Б. Окуджава). Во второй половине XX

века городской романс во многом приобретает черты романса «салонного», исполняющегося «для себя», «для близкого круга».

Авторская песня сформировалась во второй половине XX века в неформальной обстановке студенчества и молодых интеллектуалов. Как правило, авторскую песню еще называют бардовской, т.е. песня, которая в лице своего автора объединяет поэта, композитора, исполнителя. Это древнейший вид творчества, известный культурам многих народов, не случайно представителей авторской песни часто называют «бардами», сопоставляют с древнегреческими лириками, русскими гусярами, трубадурами, украинскими кобзарями. Наряду с приоритетом текста над музыкой неотъемлемым атрибутом авторской песни являлось гитарное сопровождение.

В процессе исследования нами было проанализировано более 100 текстов (50 из сборника А.В. Кулагина «Городские песни, баллады, романсы») [6] и более 50 текстов авторских песен, включенных в сборники «Песни бардов» выпуск 1,2 [7, 8]. В текстах городского романса количество антропонимов-поэтонимов составляет 224 примера, в текстах авторских песен — 210. Онимы в поэтических текстах очень разнообразны как в семантическом плане, так и в структурном отношении и во многом определяют общую тональность произведений, способствуя погружению слушателя (читателя) в особое эмоциональное состояние. Женские имена в текстах романсов встречаются чаще, чем мужские, в авторских текстах наоборот, сравним:

1) в текстах городского романса 96 женских имен: *Маруся* (30), *Катя* (14), *Дуня* (9), *Оля* (8), *Анюта* (8), *Тамара* (8), *Лиля* (6), *Шура* (5), *Наташа* (3), *Таня* (3), *Валентина* (2) — в сумме составляют 43% всех употреблений и 35 случаев употребления мужских имен — *Николай* (21), *Иван* (5), *Андрей* (4), *Владимир* (4) и *Алексей* (1) — в сумме составляют 15%;

2) в текстах авторских песен 61 пример употребления женских имен: *Зинаида* (13), *Елена* (12), *Марина* (9), *Надежда* (8), *Екатерина* (7), *Лора* (2), *Мария* (2), *Валентина* (1), *Нора* (1), *Вера* (1), *Тамара* (1), *Наталья* (1), *Марфа* (1), *Александра* (1) и *Анна* (1) — в сумме составляют 29% всех употреблений и 83 примера употребления мужских имен — *Иван* (28), *Аркадий* (8), *Юрий* (8), *Алексей* (8), *Климентий* (8), *Сергей* (7), *Михаил* (6) *Петр* (5), *Жо-*

ра (1), Валера (1), Анатолий (1), Николай (1) и Григорий (1) — в сумме составляют 40%.

Отметим, что в текстах городского романа редко встречаются официальные паспортные формы имени, н-р, *Валентина, Мария, Тамара, Елена, Андрей, Иван*. Это связано с основной функцией официальной формы имени — именованности лица, в то время как производные формы несут в себе оценивающую функцию.

Далее отметим, что часть героев безымянна, традиционно, это: *девушка, девица, красотка, недотрога, милая моя; голубчик, братан, мой лучший друг, счастливец, братец, паренек, красавец* и т.д. Иногда только с помощью контекста можно понять, о мужчине или женщине идет речь, например: *любовь моя* («Иди ко мне, любовь моя» Юрий Визбор), *горюшко мое* («Али вольное житье Слаще пряничка? Ах ты, горюшко мое, Ваня-Ванечка! Ваня!» В. Высоцкий). Следует отметить оценочные имена прилагательные, которые не только называют героя, но и показывают отношение к нему: *милый, милая, глупый, дорогая, ненаглядный, любимый, хорошая* и др.

Для выявления языка-источника, перевода и этимологических справок мы обратились к «Словарю русских личных имен» Н.А. Петровского [9]. Из общего количества поэтонимов (более 300) выбрали несколько редких по употреблению имен, например:

АРКАДИЙ, -я, м., разг. Аркадьич. Производные: Аркадьюшка; Аркаша; Аря; Кадя; Каня; Адя. [От греч. Arkas (род.п. Arkados) — уроженец Аркадии].

КЛИМЕНТ, -а, м.; разг. Клим, -а и Климентий, -я. Производные: Климка; Климаша; Климуха. [Предположительно от лат. Clemens (род.п. clementis) — милостивый или от греч. klematinos — виноградная лоза].

ЮРИЙ, -я, м. Производные: Юра; Юраня; Юрася; Юраха; Юраша; Юрени; Юрчени; Юка; Юша. Образовано от имени Георгий — [от греч. Georgos — земледелец].

МАРФА, -ы, ж. Производные: Марфонька; Марфуня; Марфута; Марфуха; Марфуша; Марфеня; Маруша. [Арам. Marta — госпожа].

ТАМАРА, -ы, ж. Производные: Тамарка; Тама; Тамуся; Тома; Томуля; Томуня; Томуся; Муся; Тата; Татуся; Туся; Мара. [Др.-евр. имя Tamar — финиковая пальма].

ЗИНАИДА, -ы, ж. Производные: Зинаидка; Зина; Зинаха; Зинаша; Зинуха; Зинушка; Зинуля; Зинура; Зинуся; Зиня; Зиша; Ина; Ида [от греч. Zeus (род.п. Zeos) — Зевс.

Обращение к лексикографическим источникам позволило выяснить, что большинство имен имеют греческое происхождение, часть онимов была заимствована из других языков, например: Ольга — рус. [из сканд. Heilga: heila святая]; Анна — рус. [из др.-евр. hanna: h-n-n милость]; Иван — рус. [из др.-евр. Yohanan бог милует; греч. Ioannes, лат. Johann(es); церк. Иоанн]; Сергей — рус. [из лат. Sergius римское родовое имя] [9].

Отличительной особенностью русского городского романса является употребление мужских и женских имен одновременно с приложением, которое определяет занятие или профессию человека, например: *Катя-пастушка*; социальный статус персонажа или возраст — *графская дочь Валентина*, *Танька-малолетка*; отражает внешнюю характеристику персонажа — *Анюта-красавица*, *чернобровый красавец Андрюшка*, *красотка Лиля*, *милая Шура*; подчеркивает особенности поведения и отношения со стороны других героев — *Тамара — гадкая девчонка*, *Андрюша — подлец* и др.

В текстах авторских песен безымянные имена выполняют иногда функцию обращения, которые можно объединить в две группы: например:

1) по отношению к женщине: любовь моя: «*Иди ко мне, любовь моя, Иди красотка, недотрога*» (Ю.Визбор), *милая моя солнышко лесное*, *шахиня*, *холодная жена*, *жена-царица*, *кровиночка*, *половинка*, *красоточка-шатеночка*, *останкинская девочка* и др.;

2) по отношению к мужчине (более шуточные, иногда оскорбительные): *я твой астроном*, *бедолага*, *твой бывший кровопийца*, *голубчик*, *алкаш*, *пьянь*, *братан*, *мой лучший друг*, *красавец-эфиоп*, *красавец царственный*, *принц* и др.

Как мы уже отметили, в городском романсе используются имена-приложения, характеризующие статус, профессию или занятие человека. В авторских песнях встречаются нарицательные имена, обозначающие профессию человека, но без имени собственного: *официантка*, *кассирша*, *балериночка*, *шоферюга*, *инструктор*;

звания госслужащих — *капитан, майор, сержант, гаишник*; национальность: *цыганская венгерочка, эскимоска*.

Также встречаются красочные сравнения: *прекрасная, как детская картинка, ты — птица моя синяя вдали, загадочная как жилище инка, ты как елка* и др. Интересны и парные соответствия имен, при этом чаще всего используются мужское имя Коля и женское — Маня/Маруся (Анюта-Коля, Тамара-Коля, Ваня-Наташа, Катя-Андрюша, Леха-Анюта и др.). Характерной чертой авторских песен является сочетание «имя + фамилия», что не свойственно текстам городского романса: *Донцов (без имени), Серега Санин, Мишка Ларин, Мариночка Солина, Леночка Потопова, Лилька Федосеева* и др.

Обращение к словообразовательной структуре поэтонимов позволило сделать некоторые выводы. В исследуемых поэтических текстах преобладают диминутивные формы личных имен с разными суффиксами, которые использовались в образовании форм имен собственных: — *очк* — (*Лорочка, Жорочка, Норочка, Верочка, Валерочка, Мариночка, Леночка*); — *и* — (*Николаша*); — *юш* — (*Ванюша*); — *к* — (*Лорка, Лилька, Колька, Гришка, Мишка, Тамарка, Маринка*); — *еньк* — (*Наденька, Катенька*); — *юшк* — (*Ванюшка, Катюшка*); — *ечк* — (*Ванечка, Колечка, Манечка, Анечка*); — *ян* — (*Толян*); — *ушк* — (*Петрушка, Иванушка*); — *юх* — (*Валюха*).

10 суффиксов, которые использовались для образования различных форм личных имен. Среди них самыми употребительными были суффиксы — *очк-*, *-ечк* — и — *к-*. У суффикса — *очк* — основное уменьшительно-ласкательное значение, которое передает теплые чувства, испытываемые к адресату. Суффиксы — *еньк* — и — *ечк* — во многих формах имен играют ту же структурную и функциональную роль, что и суффикс — *очк-*: *Наденька, Катенька, Ванечка*. Уменьшительные имена, образованные при помощи суффикса *-к* — обретают оттенок пренебрежения, презрения, умаления достоинства именуемого: *Мишка, Маринка, Гришка*, суффикс — *и* — (*Николаша*). Имена с суффиксами — *ушк-*, *-юшк* — (*Петрушка, Иванушка, Катюшка*) имеют двойственную природу — иногда ласкательные, а иногда и фамильярные, лишенные какой-либо теплоты, в зависимости от сферы своего употребления. Нами были выделены и огрубленные преуве-

личительно-огрубляющие суффиксы *-юх-*, *-ян-*: *Толян*, *Валюха*. Уменьшительные имена могут иметь не только эмоционально-экспрессивную окраску, но и служить для обозначения социально-психологических качеств персонажа. Многообразие эмоциональных оттенков, которые проявляются с помощью суффиксов, формирует различные формы антропонимов русского языка, которые в свою очередь являются отражением своеобразия языка и культуры народа.

Анализ текстов поэтических произведений позволил выявить определенные особенности данного материала: простоту и ясность изложения, способность автора выражать свои мысли и чувства в нескольких куплетах или в одном припеве; тематика песен очень разнообразна, у каждого автора свои взгляды на мир, на вещи, и через их призму мы можем проследить события, факты, социальные явления ушедших эпох и многое другое. Тексты городского романса и авторских песен отличаются разнообразием представленных личных имен и их форм. Очевидно, что поэтонимы частично отражают состояние русского ономастикона второй половины XIX — начала XX века. Имена собственные, которые используются в художественных произведениях, помогают автору реализовать его индивидуальные и творческие замыслы, создать полноценную образную характеристику персонажа, способствуют раскрытию содержания произведения и созданию своеобразного «культурного» фона произведения.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. — 256 с.
2. *Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974.
3. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск, 2009. — 138 с.
4. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
5. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. — 200 с.
6. *Кулагин А.В.* Городские песни, баллады, романсы. М.: МГУ, 1999. — 151 с.

7. *Модель В.И.* Песни бардов. Вып. 1. Л.: Советский композитор, 1989. — 81 с.
8. *Модель В.И.* Песни бардов. Вып. 2. Л.: Советский композитор, 1990. — 80 с.
9. *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М.: Рус. яз., 1984. — 384 с.

Т.В. Федосова, Т.Д. Федосов

**Языковые особенности современного
политического дискурса (на примере речей
Дональда Трампа)**

Аннотация: В статье проводится анализ языковых средств (лексических, синтаксических, стилистических), участвующих в создании политических речей действующего президента США Дональда Трампа. Авторы пришли к выводу, что для эффективного воздействия на аудиторию политический деятель прибегает к средствам, среди которых можно выделить личные местоимения, ключевые слова, метафоры, сравнения, эпитеты, образные высказывания, репрезентированные метафорическими переносами в основном из области экономики.

This paper considers language means (lexical, syntactical, and stylistic) used to create political speeches of the acting US president Donald Trump. The authors concluded that to influence the audience efficiently the political leader resorts to the following linguistic means: personal pronouns, key words, metaphors, similes, epithets, and image-bearing expressions from the economic domain.

Ключевые слова: политический дискурс, языковые средства, фигуры речи, тропы | political discourse, linguistic means, figures of speech, tropes.

Современная лингвистика характеризуется возрастающим интересом к проблемам дискурса, в частности политического. Это обусловлено ростом внимания общества к глобальным политическим процессам, на которые значительное влияние оказывает речевая деятельность политиков. Изучение политического дискурса позволяет обнаружить ценностную составляющую, характерную для определенной культуры, а также соотнести ее с актуальной политической картиной для понимания истинных целей, преследуемых политиком. Немаловажным в анализе политического дискурса является выявление средств воздействия, что позволяет увидеть наиболее эффективные страте-

гии и методы привлечения внимания и формирования доверия аудитории.

Сфера публичных коммуникаций становится все более востребованной в связи с увеличением информации и ростом политической активности социума. Общественно-политическая речь — комплексное явление, в котором формируется определенный набор речевых стратегий и языковых средств. Всесторонний научный анализ политической речи должен основываться на привлечении разных наук, включая лингвистику. Языковые средства, участвующие в создании аргументации и эффекта воздействия на аудиторию в политическом тексте, являются ключевыми элементами успешного политического дискурса.

Публичная речь — вид ораторского искусства, адресованный определенной аудитории с целью оказания желаемого воздействия. В этой области существуют свои типы речевых стратегий, своя система речевых действий, свои разновидности текстов. Публичная речь вызывает пристальное внимание общества к собственным проблемам, затронутым в ней, а также и к языковым средствам, при помощи которых она формируется и служит причиной возрождения риторики как науки и активной общественной практики.

Публичное выступление для политика играет важную роль в его деятельности и представляет собой воплощенный в живую речь политический текст. В арсенале умелого политика слово — мощное оружие, эффективное средство воздействия на публику и достижения цели. Выступление политического деятеля — не просто грамотно построенная и правильно произнесенная речь. При построении успешного выступления политику необходимо уметь использовать арсенал средств таких наук, как лингвистика, риторика и психология: знание их основ позволяет создать яркий текст, правильно провести подготовку к публичной речи, выступить и произвести желаемый эффект на слушателей.

Создание текста публичного политического выступления — первый и главный этап подготовки ораторской речи. Значимую роль при этом играет наличие особенностей текста, таких, как связность, лаконичность, точность, ясность. Написанием текстов для официальных публичных выступлений политических деятелей, как правило, занимаются специальные люди — спичрайтеры,

которые и следят за тем, чтобы выступление было построено правильно. Спичрайтер не только готовит текст выступления, но и консультирует первое лицо по вопросам «исполнения» данного выступления, ведет контроль за ходом и результатами рабочего процесса.

Процесс подготовки выступления обычно состоит из нескольких этапов: написанный текст выступления всегда согласуется, в окончательный текст вносятся правки, расставляются необходимые акценты. Официальные выступления должны надолго запоминаться и оставлять незабываемые впечатления. Отсюда и использование большого количества различных языковых стилистических средств [4, с. 23].

По мнению профессора А.Н. Баранова, политический дискурс — это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [2, с. 260]. Данное определение обуславливает широкий подход к пониманию самого термина «дискурс» как более обобщенного понятия.

Для уточнения понятия «политический дискурс» важно отметить, что в лингвистической литературе этот термин употребляется в двух смыслах: узком и широком. В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс — это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти.

С точки зрения широкого понимания политического дискурса термин «дискурс» в современной лингвистике используется для обозначения более 200 разных видов речи и речевых произведений, осмысление которых должно строиться с учетом всей совокупности языковых и неязыковых факторов. Так как в процессе выступления оратор стремится привести доводы в защиту своей точки зрения и тем самым убедить аудиторию в обоснованности своих утверждений, важное место отводится понятию аргументации в изучении политического дискурса.

Политическая речь во многом определяет наше восприятие политической реальности. Политическое восприятие пронизывает жизнь человека с самого детства, с того момента, когда мы узна-

ем о выборах в органы власти. Политическая речь во многом схожа с публицистикой, но ее конечной целью является формирование конкретной политической ситуации в отдельно взятой стране или во всем мире. Поэтому ответственность человека, в профессиональные обязанности которого входит спичрайтинг, огромна.

Среди функций политической речи исследователи выделяют следующие: функция социального контроля, экспрессивная, ориентирующая, манипулирующая, воздействующая, функция убеждения. Так, Е.И. Шейгал выделяет интегративную функцию, привлекающую к себе особое внимание и заключающуюся в объединении всех людей без исключения в единую нацию. Инспиративная функция, заключающаяся в воодушевлении нации или какой-либо группы общества на предстоящие великие дела.

Помимо вышеперечисленных функций, свойственных как инаугурационным речам, так и публичным и победным речам, Е.И. Шейгал выделяет и перформативную функцию. Ее смысл заключается в том, что говорящий выступает не как личность, а как носитель конкретного социального статуса. Также автор выделяет еще одну функцию инаугурационной речи — декларативную. Ее смысл заключается в том, что президент, выступая в роли мудреца, наполняет свою речь дидактикой. При помощи модальных глаголов и слов с семантикой долга он напоминает людям о высоких моральных принципах, которыми они должны руководствоваться при совершении тех или иных поступков [3, с. 75-89].

Стиль обращений политических речей определяется как близкий к публицистическому и характеризуется:

- 1) лаконичностью изложения, экономией языка;
- 2) отбором языковых средств с целью добиться доходчивости изложения;
- 3) употреблением общественно-политической лексики и фразеологии, заимствованной из других стилей;
- 4) использованием речевых стереотипов, клише;
- 5) жанровым разнообразием и разнообразием языковых средств, многозначности, эмоционально-экспрессивной лексики;
- 6) смысловой и информативной насыщенностью;
- 7) демонстративностью.

Выбор стиля изложения, языковых средств, композиционного построения текста в политической речи основывается на особенностях аудитории, для которой предназначены тексты, речевых стереотипов, менталитета, уровня образования целевого сегмента, типах восприятия, преобладающих в аудитории. Политику необходимо добиться расположения аудитории, убедить слушателей принять ту или иную позицию, а также заручиться поддержкой граждан.

С точки зрения лексики, устная и письменная политическая речь характеризуется использованием аналогово-определенных слов и выражений, омонимов, фонетической множественности смыслов, двусмысленных фраз и негативных команд, слов-символов [1, с. 16]. Среди экспрессивно-выразительных средств политических текстов авторы выделяют крылатые слова, образные выражения, сравнительные обороты, метафору, метонимию, синекдоху; обыгрывание устойчивых сочетаний, фрагментов известных песен, прочно вошедших в язык фразеологических оборотов, цитирование, игру слов, намеренное нарушение лексической сочетаемости, афористичные высказывания.

Спектр языковых возможностей и речевых методик воздействия на аудиторию, которые могут применяться, чрезвычайно широк. Умелое использование языковых ресурсов, грамотное и творческое сочетание стилистических приемов способны обеспечить подлинный успех политической коммуникации. На сегодня существует огромное количество технологий, применяющихся спичрайтерами в ходе их профессиональной деятельности [4].

Все политические речи предполагают высокую степень экспрессивности сказанного, что определяется самим характером событий, следовательно, обоснованным является и выделение особой функции — экспрессивной. Поэтому отличительной чертой политического дискурса является частотное использование метафор и эпитетов, которые приносят в речь экспрессивность и эмоциональность. Основное место в публичном выступлении и в частности в речи политика принадлежит использованию ключевых слов, которые несут в себе главную идею выступления и в которых заложен определенный образ и глубинный смысл. Обратимся к анализу языковых особенностей политической речи Дональда Трампа.

Патриотизм является ключевой ценностью американского общества. Обращение к нему красной нитью проходит во всех выступлениях Д. Трампа:

“My agenda will be accomplished through a series of reforms that put America first.” “Ladies and Gentlemen, we will make America great again.” (1) <...> whether we are black or brown or white, we all bleed the same red blood of patriots, we all enjoy the same glorious freedoms, and we all salute the same great American flag. (3)

Америка снова должна стать великой страной, государством, которое защищает интересы простых американских граждан, а не иммигрантов:

Under a Trump administration, no American citizen will ever feel again that their needs come second to the citizens of foreign countries. (1)

Взывая к патриотическим чувствам американцев, Д. Трамп указывает на исторические корни нации, обращаясь к ее истокам, к прошлому, где есть чем гордиться:

We will not apologize for becoming successful again, but will instead embrace the unique heritage that makes us who we are. (2)

Одной из базовых американских ценностей также является развитие, прогресс (progress and change). Изменения, по мнению Д. Трампа, должны затронуть все сферы современного американского общества и, прежде всего, экономику. Он резко критикует Б. Обаму за то, что тот разрушил угольную и нефтедобывающую промышленности в стране, что привело к резкому сокращению рабочих мест, к увеличению безработицы, к обнищанию населения: “President Obama has done everything to kill coal industry.” Именно развитие энергетической промышленности в стране является, по мнению Д. Трампа, первоочередной задачей для США:

American energy dominance will be declared a strategic economic and foreign policy goal of the United States [5].

Политик приветствует публику, его речь довольно эмоциональна, в ней присутствует экспрессивная лексика (beautiful, incredible, fantastic). Отсутствуют сложные предложения и четкость построения фраз. В выступлениях данного оратора более важен внешний облик, мимика и манера речи, нежели содержание самой речи.

Желание общения с публикой выражается благодаря использованию преимущественно восходящих шкал, а также высокого нисходящего тона при употреблении слов (nice, fantastic, incredible, beautiful). С точки зрения просодии в речи преобладают в основном краткие паузы в связи с быстрым темпом произнесения. Темп речи усиливается в процессе выступления, что связано с эмоциональным настроением оратора. Используются краткие и длительные паузы для того, чтобы отследить реакцию аудитории, громкость речи повышенная и темп речи нормальный.

В выступлениях Д. Трамп отказывается от политкорректности, ведет лобовые атаки. Ему не страшен черный пиар и отточенные методы борьбы, используемые против него (провоцирование конфликтов, организация провокаций). Он способен спокойно воспринимать любую критику и оборачивать скандал в свою пользу в силу чрезмерной эмоциональности и экспрессивности его публичной речи. Умение лидера США контролировать свои чувства влияет на выбор используемых лингвостилистических средств.

Ключевыми темами его выступлений являются повышение эффективности экономического развития, реконструкция инфраструктуры, борьба с терроризмом, в частности с ИГИЛ, возвращение идеала «американской мечты», забота о разных слоях населения, включая семьи, военных, ветеранов, усиление контроля за иммиграцией, борьба с нелегальными иммигрантами.

Что касается прагмалингвистического потенциала политических речей политика, наиболее частотными являются следующие коммуникативные тактики, которые О.Н. Паршина выделила в своей диссертационной работе на основе анализа русскоязычного политического дискурса [6, с. 64-67]:

1. Тактика единения реализует задачу сплочения слушателей для осознания ими самих себя как отдельного «народа» или социума. В своих высказываниях президент говорит о сплоченно-

сти и единстве американцев, к которым относит себя и свой народ. Эта тема является актуальной для всего современного общества. Личное местоимение *we* способствует сближению автора и адресата:

We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people. Together we will determine the course of America and the world for many, many years to come. We will face challenges. We will confront hardships, but we will get the job done. (3)

2. Тактика обещания, как отмечает О.Н. Паршина, «на речевом уровне чаще всего манифестируется формами будущего времени глаголов» [6, с. 170]. Президент США прибегает к данной тактике довольно часто:

Now I don't know that I am going to get along with Vladimir Putin. I hope I do, but there is a good chance I won't. (4)

3. Тактика комментирования представлена высказываниями, поясняющими смысл контекста или некоторых слов и выражаемых ими понятий [6, с. 124]. Как показали наши исследования, Трамп не очень активно использует данную тактику, в основном она встречается в новостных конференциях.

4. Тактика поддержки. Д. Трамп подчеркивает важность взаимодействия с разными странами, в том числе и с Россией. В своей первой крупной пресс-конференции:

Well, if Putin likes Donald Trump, I consider that an asset, not a liability. Because we have a horrible relationship with Russia. (4)

В плане лингвостилистического потенциала доминирующими средствами в политических речах Трампа являются сравнения, эпитеты, перечисления, противопоставления, что позволяет акцентировать внимание слушателя на важной информации и убеждать в своей правоте. В прагмалингвистическом плане для Трампа характерно использование тактик единения, идентификации с адресатом, обещания, комментирования, поддержки. Подобно многим другим ярким личностям американской истории,

Д. Трамп прибегает в своих политических выступлениях к религиозной христианской философии и ораторской речевой образности, вызывая при этом отклик у аудитории.

Высокий уровень патриотизма, призывы к улучшению, обещания сделать страну сильнее, упоминание различных местностей и реалий США, оды различным слоям общества и конкретным людям, тема американской мечты — свобода, тема веры и преданности стране, представленные следующими лексическими единицами:

Ford, Exxon, General Motors, Michigan, F-35, F-18. We are one nation, and their pain is our pain. Their dreams are our dreams, and their success will be our success. We share one heart, one home, and one glorious destiny. (3)

Основным элементом публичного выступления считаются ключевые слова, которые обладают следующими отличительными особенностями:

1. Они являются мощными эмоциональными возбудителями. Кроме чисто положительных или отрицательных реакций данные слова также апеллируют к различным чувствам аудитории — гордости, великодушию, доброте (свобода, справедливость, согласие), вызывают страх или даже ненависть (агрессия, геноцид, терроризм). Их максимальная насыщенность эмоциями способствует повышению воздействия на слушателей, ибо подобного рода информация занимает в памяти значительно большее место по сравнению с эмоционально нейтральной.

2. Данные слова являются ценностными ярлыками, поскольку они непосредственно связаны с уже имеющимися у аудитории морально-этическими и политическими ценностями. С точки зрения воздействия это чрезвычайно важный аспект, поскольку, как известно из социальной психологии, ценностные представления проявляются в социальных установках в виде предрасположенности личности (группы) к заранее определенному отношению к данному явлению, человеку или событию.

3. Эти слова представляют собой слова-символы, вызывающие определенные образы. Их смысловое содержание выступает в виде ассоциативных образных представлений, в основе которых

Среди других наиболее ярких языковых средств и приемов в речи американского лидера можно выделить антитезы или противопоставления, которые дают контрастные характеристики высказыванию:

Washington flourished, but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left, and the factories closed. But that is the past, and now we are looking only to the future. (3)

Синтаксический повтор способствует достижению ясности, четкости изложения, а также большей выразительности его ритмико-интонационной организации:

We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams. We will make America proud again. We will make America safe again. And, yes, together, we will make America great again. I'll bring back our jobs, and I'll bring back our money. This is your day, this is your celebration, and this, the United States of America, is your country.

Параллельные конструкции как вид повтора оживляют речь, акцентируя основные мысли:

Their victories have not been your victories; their triumphs have not been your triumphs. We are one nation, and their pain is our pain. Their dreams are our dreams, and their success will be our success. We share one heart, one home, and one glorious destiny.

Речи политика изобилуют ссылками на Библию и библейские стихи. Данные аллюзии выполняют идейную функцию как мерило этических и моральных ценностей:

The Bible tells us how good and pleasant it is when God's people live together in unity. <...> we will be protected by God. <...> the breath of life by the same almighty Creator. I will be the greatest jobs president that God ever created. These leaders will not bring you to the promised land.

Паремии в тексте политической речи пробуждают ассоциации, придают красочность и образность речи: politicians are all talk, no

(success); 3) мечта о равенстве и равноправии (equal rights, equality of opportunity); 4) мечта о свободе и демократии (freedom, democracy).

В книге “The Oxford Guide to British and American Culture” была опубликована следующая дефиниция данного явления:

The American Dream: the belief of Americans that their country offers opportunities for a good and successful life. For minorities and people coming from abroad to live in America, the dream also includes freedom and equal rights. (7)

В словарях, посвященных американскому варианту английского языка, можно найти следующие дефиниции:

The U.S. ideal according to which equality of opportunity permits any American to aspire to high attainment and material success (5); the values and social standards that people traditionally try to achieve in the U.S., such as democracy, equal rights, and wealth. (6)

В этой связи целесообразно привести следующие выдержки, подтверждающие стремление вернуть Американской мечте статус достижимой и выполнимой цели:

We have to do that. We're going to dream of things for our country and beautiful things and successful things once again. (3)

Политик использует местоимение первого лица множественного числа we и его притяжательную форму, имея в виду всех американцев, жителей США в целом независимо от цвета их кожи. Данный прием придает речи доверие и солидарность. Он также активно используют лексемы со значением единения, совместного действия и целостности (together, solidarity, one, unity).

На наш взгляд, доминирующим языковым средством, употребляемым в текстах речей американского президента, является перечисление, синтаксический, а также лексический повтор, что позволяет убедить слушателя и дать надежду:

Together we will make America strong again. We will make America wealthy again. We will make America proud again. We will make America

safe again. And, yes, together, we will make America great again. Thank you. God bless you and God bless America. Thank you. God bless America. We will always put America's interests first, we will deal fairly with everyone, with everyone — all people and all other nations. We will seek common ground, not hostility; partnership, not conflict. I am a nice person. I give a lot of money away to charities and other things. I think I'm actually a very nice person. (3)

Следует отметить в речи политика высокое содержание лексики с положительной смысловой коннотацией, относящейся к описанию людей: *incredible talented people, unbelievable family, a terrific person*. Однако в отношении экономики и инфраструктуры он использует отрицательную лексику: *disastrous airports, useless, destructive Obamacare, terrible infrastructure. We're dying. We're dying. We need money*.

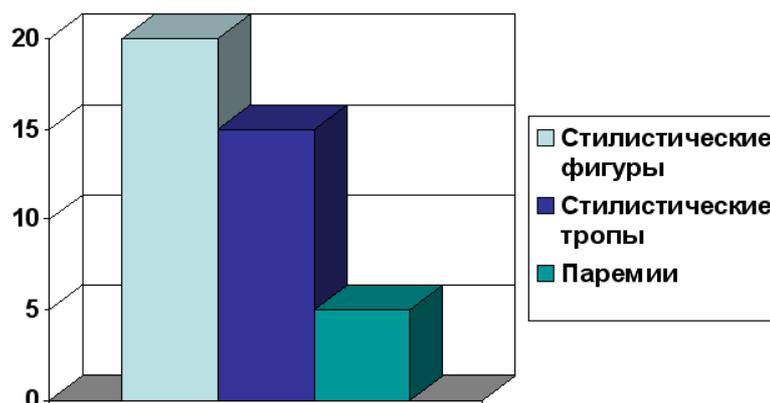
В текстах речей Трампа регулярно встречаются сравнения и антитезы. Прием противопоставления служит эффективным способом убеждения слушателя в правоте оратора: *past — future, first — last, stronger — weaker, partnership — conflict, common ground — hostility*.

Синтаксис речей не осложнен вариативными оборотами, стоит отметить только употребление страдательного залога, что несвойственно данному регистру:

Their victories have not been your victories; their triumphs have not been your triumphs... What truly matters is not which party controls our government, but whether our government is controlled by the people. January 20th 2017, will be remembered as the day the people became the rulers of this nation again. The forgotten men and women of our country will be forgotten no longer. (1)

В просодическом плане Трамп пользуется традиционными элементами: средний темп речи, паузы, логическое ударение и повышение тона на положительных моментах, и понижение тона на отрицательных сторонах.

Статистический анализ языковых средств, используемых в речи президента США, можно представить следующим образом:

Итак, основными языковыми средствами и приемами построения политической речи Дональда Трампа являются стилистические фигуры (антитезы, параллелизм) и тропы (сравнения, гиперболы, эпитеты, метафоры) для усиления выразительности речи, в которых прослеживается частотное употребление и чередование личных местоимений я и мы, свидетельствующие о единстве и солидарности политика и народа. В речи данного оратора можно часто наблюдать повтор, антитезу, аллюзии, параллельные конструкции, придающие глубину и выразительность речи и акцентирующие ее наиболее важные места. Использование паремий делает выступления Дональда Трампа яркими и убедительными. Перечисленные лингвистические средства придают выступлениям экспрессию и употребляются для более сильного воздействия на адресата.

Литература

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: 278 Знание, 2006.
2. Баранов А.Н. Лингвистические аспекты теории аргументации // Введение в прикладную лингвистику. М.: Знание, 2003.
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса дис. ... док. филол. наук. Волгоград, 2000.
4. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. Некоторые стилистические особенности текстов политической рекламы. URL: http://polbu.ru/lisovsky_politadvert/ch15_all.html.

5. *Морозова Н.Н.* Речевой портрет Дональда Трампа в предвыборной кампании 2016 года // Вестник Московского гос. областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru>.
6. *Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... док. филол. наук. Саратов, 2005.
7. *Цветкова Е.Б.* Языковая специфика текстов политических речей Ангелы Меркель // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2013. Вып. 2. <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-spetsifika-tekstov-politicheskikh-rechey-angely-merkel#ixzz4YxElhiEd>.

Цитируемые источники

1. Donald Trump's Presidential Announcement Speech. URL: <http://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech>.
2. Donald Trump's Victory Speech. URL: <http://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/donald-trump-victory-speech>.
3. Donald Trump's Inauguration Speech. URL: <http://time.com/4640707/donald-trump-inauguration-speech-transcript>.
4. Donald Trump's Press Conference Speech. URL: <http://www.npr.org/2017/01/11/509137239/watch-live-trump-holds-first-press-conference-as-president-elect>
5. Collins American Dictionary URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american>.
6. Oxford Advanced American Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.
7. Oxford Guide to British and American Culture. 2nd ed. Oxford University Press, 2005. — 542 p.

П.В. Алексеев

**Г.И. Чорос-Гуркин как *genius loci*
в современных дискурсах национальной
и региональной идентичности
(случай с наименованием аэропорта
в Республике Алтай)¹**

Аннотация. В статье рассматривается ситуация общественного конфликта, возникшего вокруг наименования аэропорта Горно-Алтайска. Проанализировав опубликованные документы и высказывания в социальных сетях, автор приходит к выводу, что образ Г.И. Чорос-Гуркина в массовом сознании приобрел семиотический статус *genius loci*, выступив формой проявления конфликта центра и национальной окраины. Кроме того, Чорос-Гуркин рассмотрен в качестве объединяющего фактора в современных процессах формирования национальной, территориальной и религиозной идентичности Горного Алтая.

The article deals with the situation of a public conflict that has arisen around the name of the Gorno-Altai airport. After analyzing the published documents and statements in social networks, author concludes that G.I. Choros-Gurkin in the mass consciousness acquired the semiotic status of *genius loci*, acting as a form of manifestation of the conflict between the center and the national frontier. In addition, Choros-Gurkin is considered as a unifying factor in the modern processes of the formation of the national, territorial and religious identity of Mountain Altai.

Ключевые слова: Чорос-Гуркин, Рерих, аэропорт, национальная идентичность, территориальная идентичность, Горный Алтай, областничество, Ойротия | Choros-Gurkin, Roerich, airport, national identity, territorial identity, Gorny Altai, regionalism, Oyrotia

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-412-040007 р_а и Правительства Республики Алтай.

Григорий Иванович Чорос-Гуркин является одним из значимых объектов социальной и культурной памяти Горного Алтая и одним из важных концептов алтайского национализма, о котором писали Д.А. Михайлов, А.В. Сушко и др. [1; 2]. Необходимость разграничения Гуркина как биографического лица и Гуркина как персонажа разнообразных общественных и художественных дискурсов требует уточнения, что в статье будет рассматриваться именно Гуркин-персонаж, воплощающий с своей структуре мифологическую и символическую проблематику горно-алтайского *genius loci*.

В серии фундаментальных статей об эволюции Гуркина-персонажа от образа современника к *genius loci* [3; 4; 5] Т.П. Шастина прямо указывает, что в контексте процессов национального самоопределения инородческого населения Горного Алтая, начатого революционными событиями 1917 года, а также в контексте суверенизации начала 1990-х годов, регион остро нуждался в фигуре-символе, который бы наилучшим образом мог репрезентировать складывающуюся идентичность, и на эту роль «...мог претендовать только самый известный представитель территории, <...> Г.И. Чорос-Гуркин, алтаец, открывший миру Алтай» [4, с. 377].

В условиях почти полного отсутствия культурной элиты в Горном Алтае начала XX века этот факт был, разумеется, немаловажным, но нельзя забывать о том, что фигура Гуркина была компромиссной: в ней пересекались интересы областнических и националистических групп. Исходной точкой рассуждений о символической значимости Гуркина является конструктивистская мысль о том, что Гуркин как культурно и общественно значимая фигура был изначально изобретен Г.Н. Потаниным и его областническим окружением в целях подтверждения тезиса о богатом человеческом капитале Сибири, и уже только потом стал воплощением националистических устремлений активных участников Алтайской Горной Думы и Каракорум-Алтайской окружной управы.

Появление в составе фамилии монгольского этнонима «Чорос», непосредственно связанного в сознании современников с монгольской аристократией периода ее могущества [6; 7], непосредственно указывает на то, что сам Гуркин вполне сознательно ми-

фологизировал свою роль отца-основателя. Возможно, это было самым эффективным средством легитимизации права инородческого населения Алтая на государственное самоопределение в условиях полного отсутствия подобного опыта: было крайне важно в кратчайшие сроки осуществить мифологическое «удревнение» (семиотическое удвоение) не только истории алтайских родов (нарратив великого Ойратского государства), но и самого Гуркина, опрометчиво включившегося в активные политические игры националистов, возбужденных В.И. Анучиным.

Долгий период забвения после расстрела в 1937 году по обвинению в сепаратизме и шпионаже в пользу Японии не повредил символическому содержанию образа Гуркина. Напротив, в новейший период именно факт его активного участия в националистическом движении, попытке объединения русского, монгольского и китайского Алтая в республику с центром в Улале, а затем мученическая смерть в расцвете творческих сил (и последовавшая затем реабилитация) создает весь необходимый семиотический потенциал для того, чтобы претендовать на роль важнейшего символа алтайского возрождения.

Однако события октября-декабря 2018 года, когда всероссийским голосованием определялось имя для горно-алтайского аэропорта, показали, что образ Гуркина способен стать конструирующим и объединительным фактором не только в националистическом дискурсе, но и в дискурсе территориальной идентичности гетерогенного населения Горного Алтая. Более того, невероятная активность обычных пользователей социальных сетей и общественных организаций Республики Алтай в период онлайн-голосования продемонстрировала, что в связи с именем Гуркина в регионе стихийно сформировался протестный дискурс, актуализировавший казалось бы забытые областнические концепты противостояния имперского центра и колониального фронта, ущемленного в самых важных для него правах — на национальное и культурное самоопределение (наиболее часто упоминавшийся в сетевых дискуссиях аргумент гласил, что право наименования местных географических и общественно значимых объектов должно быть только у местного населения). Протестный шум оказался столь силен, что горно-алтайский аэропорт оказался единственным объектом из общего списка, решение по кото-

рому так и не было принято, несмотря на победу кандидатуры Рериха (по крайней мере на момент написания данной статьи).

Не претендуя на сколько бы то ни было исчерпывающий анализ этого феномена, позволим себе отметить несколько значимых аспектов этой проблемы.

Согласно данным сайта «великиеимена.рф», организаторами конкурса по присвоению российским аэропортам имен выдающихся деятелей страны стали сразу несколько организаций, так или иначе связанных с Центром: Общественная палата Российской Федерации, Общество русской словесности, Русское географическое общество, Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество. Фамилии претендентов т.н. «лонг-листа» в Горно-Алтайске были сформированы Общественной палатой Республики Алтай по результатам, как уверяли сами общественники, социологического опроса. 22 октября 2018 г. на сайте «Новости Горно Алтай» была опубликована статья о состоявшемся обсуждении на заседании Общественной палаты, из которой следует, что присутствующие, представляя разные группы интересов, выдвинули 14 претендентов (В.И. Вернадский, императрица Елизавета Петровна, Л.В. Кокышев, Аргымай Кульджин, С.С. Суразаков, Е.Ф. Трофимов, М.В. Чевалков и В.Я. Шишков)¹. Были предложены также вполне экзотические варианты: герой алтайских мифов Сартакпай и действующий глава Республики Алтай А.В. Бердников. Интересно, что имени Рериха не было упомянуто, а Гуркин был единственным упомянутым в семиотическом контексте *genius loci*. Заведующий аносским музеем-усадебой Г.И. Чорос-Гуркина Е.С. Тукуеков сообщил:

Должно быть выбрано имя человека, который является средоточием лучших качеств и черт большинства наших великих земляков. Считаю, что такой персоной является Григорий Иванович Чорос-Гуркин — безусловно, легендарная фигура в истории нашего региона. Его творчество широко известно как в Горном Алтае, так и далеко за его пределами².

¹ См.: <https://www.gorno-altaisk.info/news/95474> (дата обращения — 18.12.2018).

² Там же.

Не менее важным прозвучало также мнение директора горно-алтайского аэропорта С.Ф. Круглова:

Присвоенное аэропорту имя должно быть узнаваемым не только на российском, но и на общемировом уровне, поскольку идет работа по приданию аэропорту международного статуса, а значит, здесь будут приземляться борты с зарубежными гостями.

Круглов не выдвинул кандидатуры Рериха, однако позднее, когда усилиями «Сибирского рериховского общества» имя художника было включено в лонг-лист, на своей странице в сети Фейсбук призвал голосовать именно за него, руководствуясь вполне понятными экономическими соображениями (приведем с сохранением орфографии и пунктуации):

<...> наш коллектив АО «Аэропорт Горно-Алтайск» также подключился к изучению возможных кандидатов на это почетное звание. Рассматривались десятки достойных имен: людей знаменитых и не очень, разных профессий, живших в разные времена. Но их всех объединяло одно: они в той или иной мере прославили нашу Республику. Творческие личности своим искусством, военнослужащие своим подвигом, люди разных профессий своим плодотворным трудом. В конечном итоге, принимая во внимание тот факт, что правительством Республики проводится огромная работа по открытию в Аэропорту пункта пропуска и придания ему статуса международного, напрашивается вывод, что это должен быть человек помимо всего прочего известен не только в республике Алтай, не только в России, но и во всем мире.

Таким требованиям, на наш взгляд, полностью отвечает всемирно известный писатель и художник Николай Константинович Рерих, воспевавший в своих произведениях природу и людей Горного Алтая. В двадцатых годах прошлого столетия он возглавил экспедицию по изучению Горного Алтая и Гималаев. Изучая наш край он просто влюбился в красоты гор и долин нашей республики, полюбил населявший ее народ. Причем сам Рерих, работая в горах Алтая, пользовался огромным уважением и коренных алтайцев и кержаков, староверов. И сегодня в республике работает музей Н.К. Рериха в селе Верхний Уймон. Присвоение имени великого художника и писателя Н.К. Рериха нашему аэропорту, кроме всего прочего, несомненно даст и конкурентное преимущество в продвижении бренда Международного аэропорта Горно-Алтайск. Ведь если провести небольшой эксперимент и в адресной строке любого браузера набрать имя Рериха Н.К. и еще од-

ного очень почитаемого и уважаемого художника Чорос-Гуркина Г.И. то увидим, что ссылок в первом случае более миллиона, а во втором около двадцати тысяч. Разница более чем в 50 раз. Следовательно, если аэропорту присвоить имя Н.К. Рехиха, то это значительно повысит узнаваемость Аэропорта именно как воздушных ворот Республики Алтай как для российских, так и для иностранных туристов. О чем коллектив аэропорта и ходатайствовал перед Комиссией и Общественной Палатой Республики Алтай. Просьба нас поддержать. Пора с местного уровня выходить на более высокий уровень, международный¹.

Когда был сформирован шорт-лист из трех фамилий (Гуркин, Рерих, Шуклин) и началось всероссийское голосование, в ходе которого то Гуркин, то Рерих попеременно лидировали, ситуация стремительно накалилась. В многочисленных публикациях в социальных сетях и СМИ уже почти никто не вспоминал, что назвать единственный аэропорт именем более известного культурного деятеля — идея, исходящая прежде всего от самого аэропорта, основанная на экономической целесообразности: для региона, ключевым экономическим потенциалом которого является культурный и рекреационный туризм, это было бы вполне разумно. В общественном дискурсе очень быстро сформировалась оппозиция, которая была осмыслена как «народы Республики Алтай против международного движения Рерихов». Фактически сложилась ситуация социального конфликта, типологически близкого религиозно-политическому, поскольку основные аргументы противоборствующих сторон располагались в области мировоззрения и территориальной целостности Алтая.

Дискурс «родина в опасности» и поляризация на «своих» и «чужих» привели к тому, что в роли «своих» выступило все разнонациональное население Республики Алтай (публичное признание в том, что голосовал за Рериха, стало равносильным признанию в предательстве), алтайские землячества в столице и крупных городах России и, что особенно интересно, соседние национальные регионы — Хакассия, Тува и Бурятия. В роли «чужих» — все, кто предлагал иной вариант, кроме Гуркина.

¹ См.: <https://www.facebook.com/sergey.kruglov.56/posts/1768168296644926> (дата обращения — 18.12.2018).

Особый социологический интерес представляют обнародованные на страницах социальных сетей документы — индивидуальные и коллективные обращения жителей Республики Алтай в Общественную палату Российской Федерации: приводящиеся здесь аргументы в полной мере раскрывают характер сложившегося конфликта и роль образа Гуркина в общественном сознании. Так, в публичном обращении директора Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (где содержится крупнейший фонд Гуркина — около 1500 единиц хранения) на имя секретаря Общественной палаты В.А. Фадеева прямо фиксируется идея жертвенности в религиозно-мифологическом ключе: аэропорт должен быть назван в честь Гуркина, «Великого сына алтайского народа, патриота своей родины, неутомимого творца и труженика, принесшего на алтарь не только свою жизнь, но и жизнь и судьбы своих детей и семьи»¹. Как идея жертвенности связана с топосом аэропорта, в документе не уточняется.

О том, что в конфликте присутствовал явный религиозный подтекст, свидетельствовала также вовлеченность в него представителей Русской православной церкви: в СМИ и на подконтрольных местной епархии интернет-ресурсах появились призывы к общественности отдать голоса за Гуркина. Главным аргументом был «антихристианский» характер учения Рериха, о чем 22 ноября 2018 г. напомнила официальная страница «Горноалтайской епархии»:

Если аэропорт будет назван в честь Рериха, то в том числе, будет активно рекламироваться, пропагандироваться и их религиозное учение. Напомню, что Архиерейский Собор Русской Православной Церкви определил Агни-Йогу как религиозное течение антихристианского характера².

Активное участие местной церкви в продвижении Гуркина как единственного, кто может противостоять натиску конкурирую-

¹ См.: <http://www.musey-anohina.ru/images/2018/letterToOPRF/pdf/001.pdf> (дата обращения — 18.12.2018).

² В названии страницы слово «Горноалтайская» написано без дефиса. См.: https://vk.com/club64029221?w=wall-64029221_1848 (дата обращения — 18.12.2018).

щего культа на Алтай, было многократно освещено в СМИ, что усилило и усложнило общественную значимость проблемы «свой — чужие» в этом противостоянии. Несмотря на то, что последователи учения Рерихов также являются гражданами России и имеют такое же право на исповедание своих взглядов, официально не запрещенных на территории страны, представители местной епархии планомерно формировали образ онтологического «Чужого». Например, в прессе был многократно процитирован эмоциональный призыв настоятеля майминского храма Г. Балакина, развивающий сюжет «родина в опасности» и акцентирующий внимание на проблеме взаимозависимости территориальной и религиозной идентичности:

Дорогие друзья и посетители моей страницы! Пожалуйста, не проходите мимо: проголосуйте за то, чтобы аэропорту г. Горно-Алтайска присвоили имя Чорос-Гуркина. Мы голосуем не столько за него, сколько против Рериха, ведь его имя поддерживают не жители Республики Алтай, а адепты его религиозного, антихристианской учения из других регионов. Пожалуйста, помогите нам! Проголосуйте сами и попросите это сделать своих знакомых! Православные! На помощь!¹

Одна из самых активных и самых посещаемых страниц, поддерживающих публикации под хэштегом «#ЗаЧоросГуркина», после подведения итогов голосования (5 декабря 2018 г.) опубликовала ряд документов, которые предлагалось подписать и от своего имени отправить в Общественную палату России на имя В.А. Фадеева. Неизвестно, какое количество таких обращений было отправлено, но на момент написания данной статьи количество просмотров превышало семь тысяч². Вот наиболее значимые выдержки из трех предлагаемых публике документов (с сохранением орфографии и пунктуации):

1. <...> Это голосование сплотило жителей региона независимо от национальности и вероисповедования. Однако ему было сложно конкурировать с последователями Агни-Йоги из других регионов. За Ре-

¹ См.: <http://www.amic.ru/news/428445> (дата обращения — 18.12.2018).

² См.: <https://vk.com/public174877050> (дата обращения — 18.12.2018).

риха голосовали преимущественно жители других регионов, что ясно следует из оставленных ими комментариев в сети Интернет.

Ситуация, когда история маленького по численности населения региона, но все же равноправного субъекта Федерации затмевается числом голосов сторонников Рериха Н.К., воспринимается жителями как несправедливость и пренебрежение историей и культурой алтайского народа. Просим не допустить возрастания социальной напряженности в регионе, вызванной несправедливостью и необеспеченностью способов голосования, когда не-жители региона и не имевшие никогда с регионом связи люди могут влиять на ход голосования.

2. <...> мы жители Горного Алтая единогласно выбрали своего земляка Г.И. Чорос-Гуркина, так как его имя и творчество полностью отражает суть и уникальность Горного Алтая.

Имя Н.К. Рериха, возможно популярно в мире, но оно имеет ценность только для его последователей и сторонников учения Агни-Йоги.

Как мы понимаем будущее Горного Алтая, религиозная составляющая этого учения не только не подходит, но и противоречит концепции современного центра Экологического, Спортивного, Этнокультурного развития Горного Алтая и туризма в нашем регионе.

3. <...> В магазинах, автобусах — во всех общественных местах — непременно услышите то, как люди обсуждают это неравное голосование и с какой болью они об этом говорят! Республика Алтай — малочисленный регион, мы не можем противостоять огромной и хорошо организованной армии поклонников Н. Рериха!

Есть доказательства (ранние публикации в их группах, все скриншоты сохранены) о том, что они преследуют низменные интересы — экспансию на Алтай и создание там целой туристической индустрии под именем Рериха. Также публикация директора Горно-Алтайского аэропорта в сети Facebook, где он рассуждает о целесообразности наименования нашего аэропорта в честь Рериха лишь на том основании, что он более известный, что поисковики по запросу «Рерих» выдают миллионы ссылок, а по запросу Гуркин «всего» 20 тыс. результатов, стало быть, имя Рериха привлечет больше пассажиров Горно-Алтайскому аэропорту, даст ему «конкурентное преимущество», говорит о том, что директор аэропорта, поддерживая и призывая чужаков (имеется ввиду не жителей Горного Алтая) голосовать за Рериха преследует исключительно коммерческие интересы, пренебрегая волей и желанием местного населения. Безусловно, экономическое развитие Республики Алтай, как туристического региона, является важным. Но ведь не рублем одним измеряются вещи в этом мире! Кроме материального благополучия есть такие понятия и ценности как честь, достоинство, героизм (а Гуркин именно что наш герой!), народная па-

мать и благодарность! Мы, жители Горного Алтая (независимо от национальности!), бесконечно благодарны нашему великому земляку Чорос-Гуркину за его неизмеримый вклад в развитие культуры и становление нашего региона!

Напомним, существенным критерием в отборе имен является связь предлагаемого имени с регионом, его вклад в развитие этого региона. Этому критерию отвечает из двух двоих отвечает только Г.И. Чорос-Гуркин!¹

Весьма любопытным было обращение в Общественную палату председателя Ассоциации коренных малочисленных народов Республики Алтай И.С. Тенгереева (исх. номер — 61 от 07.12.2018 г.). В довольно эмоциональном тексте постулируется мысль о том, что аэропорт и Гуркин в дискурсе национальной и территориальной идентичности воспринимаются как знаковые объекты, замещающие в сознании разнонационального населения весь Алтай, причем не в современных политических границах, а в более широком, географическом значении трансграничной горной системы. При этом в контексте имен Потанина и Анучина (соответственно — областничества и мифопоэтики Ойротии) возникает осязаемый имперский сюжет:

Наш первый алтайский профессиональный художник, ученик великого русского художника Ивана Ивановича Шишкина Григорий Иванович Гуркин в ходе жесткого голосования уступил 1046 голосов российскому художнику Николаю Константиновичу Рериху.

Да, Н.К. Рерих, в начале XX века в поисках Шамбалы посетил Алтай, восхищался ее девственной природой. Народы, населяющие Республику Алтай, отдали дань великому российскому художнику Н.К. Рериху. В Усть-Коксинском районе открыт и функционирует музей Н.К. Рериха.

В 1842 году Алтай посетили Великие русские художники Иван Константинович Айвазовский и Егор Егорович Мейер в составе экспедиции возглавляемой Петром Александровичем Чихачевым. За заслуги перед Россией и наукой, его именем был назван один из величайших хребтов Алтая — хребет Чихачева, где он производил свои исследования. И.К. Айвазовский и Е.Е. Мейер, как и Н.К. Рерих великие люди России, но они не имеют ни каких заслуг перед Республикой

¹ См.: https://vk.com/public174877050?w=wall-174877050_14 (дата обращения — 18.12.2018).

Алтай и перед алтайцами. Мы их уважаем, но имя Григория Ивановича Гуркина нам ближе и роднее. Мы его знаем не только как художника, но и как одного из основателей государственности алтайцев в лице Республики Алтай.

В 2020 году нашему национальному герою Григорию Ивановичу Гуркину исполнится 150 лет. Великий русский путешественник, тюрколог Григорий Николаевич Потанин, профессор Томского университета Василий Иванович Анучин решили, что наступил благоприятный момент в 1917 году по объединению Русского Алтая, Монгольского Алтая и Китайского Алтая в единую Республику Алтай под протекторатом России. Главная роль по объединению Алтая и создания Республики Алтай под протекторатом России отводилась Григорию Ивановичу Гуркину.

Г. И. Гуркин поднял вопрос перед Временным Правительством России о создании Республики Алтай под протекторатом России и получил согласие в этом вопросе. Октябрьский переворот в октябре 1917 года не позволил осуществить данный проект¹.

Несмотря на то, что подобные обращения были инициированы и распространены на ресурсах, связанных, главным образом, с продвижением языка и культуры коренных народов Горного Алтая, довольно большое число русского населения поддержало исходный тезис о Гуркине как единственно возможном репрезентанте «ворот» Горного Алтая. Образ Рериха и его последователей как «Чужого» в целом, за редким исключением, был встречен русским населением с пониманием.

В качестве исключения можно назвать инициативу группы жителей Республики Алтай развивать этот конфликт в судебном порядке. Так, 17 декабря 2018 г. было опубликовано заявление в Генеральную прокуратуру России от инициативной группы граждан — жителей Чемальского района Республики Алтай (Л. Соловьева, И. Иванова и Д. Гавриш)². В заявлении содержались требования проверить на экстремизм высказывания В.А. Фадее-

¹ См.: https://vk.com/altay_sooktor?w=wall-7525637_21609 (дата обращения — 18.12.2018).

² Под заявление стоит дата «11.12.2018». В контексте нашего исследования интересно не только это заявление, опубликованное на новостном сайте Республики Алтай, но и многочисленные комментарии читателей к нему. См.: <https://www.gorno-altaisk.info/news/97661> (дата обращения — 24.12.2018).

ва на телеканале «Спас» 8 декабря 2018 года о наличии сектантских признаков у рериховского движения и также проверить законность отмены результатов голосования. При этом авторы заявления поместили образ Гуркина в сепаратистский контекст, в роли «чужих» маркируя «местных националистов». Приведем часть текста с сохранением авторской орфографии и пунктуации:

<...> нездоровая шумих[а], поднятая вокруг имени Н.К. Рерих[а] местными националистами не способствует консолидации народов России. Считаем, что имя Чорос-Гуркина противоречит основной идее конкурса общенациональной консолидации народов России. Чорос-Гуркин проводил идею самоопределения алтайского народа и выделения инородцев Алтая в самостоятельный уезд. За эту политику противоречащую интересам целостности страны он был репрессирован дважды: в апреле 1919 года арестован «за сепаратизм и измену Родине» и отправлен в тюрьму города Бийска и повторно в 1937 году Чорос-Гуркин был арестован и расстрелян по обвинению в организации подпольной националистической группы.

И далее авторы, противопоставляя Рериха и Гуркина по степени общероссийской популярности, высказывают мысль, которая парадоксально подтверждает особый статус алтайского художника в регионе:

Именем Чорос Гуркина названы многочисленные объекты в РА: улицы, школы, детские сады, создан музей Чорос-Гуркина, проводится ежегодный конкурс, целью которого является знакомство с творчеством Чорос-Гуркина. Считаем, что использование имени Чорос-Гуркина в Республике Алтай является достаточным, если не избыточным. Поддерживая тенденцию к выпячиванию национальных мало значащих имен для Российской Федерации¹.

Вероятная связь авторов этого текста с движением Рериха² углубляет общественный конфликт, сложившийся в регионе, но только подтверждает наши предположения о его причинах и

¹См.: <https://www.gorno-altaisk.info/news/97661> (дата обращения — 24.12.2018).

² На сайте, посвященном «Живой этике», подписанты заявления названы «рериховцами». См.: <http://agnivesti.ru/news23498> (дата обращения — 18.12.2018).

сущности. Учитывая значительную поддержку имени алтайского художника, можно сделать вывод о том, что образ Гуркина выступил точкой пересечения алтайского националистического дискурса, отстаивающего право на самоопределение, дискурса территориальной идентичности, в котором активно участвовало русское население, а также религиозно-мифологического дискурса по причине актуализации противоборства Русской православной церкви и движения «Агни-йога»¹. Принципиальным моментом является тот факт, что пересечение этих дискурсов происходило в общероссийском информационном пространстве.

В качестве заключения следует сказать, что конфликтная ситуация, сложившаяся вокруг наименования горно-алтайского аэропорта, продемонстрировала несколько важных аспектов складывания территориальной, религиозной и национальной идентичности в Горном Алтае в начале XXI века. Во-первых, в приграничном многонациональном регионе неожиданно возник объединительный символ, структурно восходящий к понятию *genius loci* и отвечающий ожиданиям и надеждам самых разных этноконфессиональных групп. Во-вторых, в ходе развития этого конфликта были актуализированы сепаратистские контексты областничества и «великой Ойротии», обнажающие проблему противостояния центра и региона в семиотическом ключе «свой-чужие». В-третьих, образ Чорос-Гуркина значительно вышел за пределы художественного дискурса и впервые в своей истории получил право эксклюзивной символической репрезентации всего Алтая, а не только его отдельных географических объектов.

Литература

1. Михайлов Д.А. Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. №1. С. 37-51.

¹ В общественном дискурсе явно смешивались образы поклонников творчества Рериха с образами адептов религиозно-философского учения «Агни-йога». Именно этим можно объяснить резкие высказывания пользователей социальных сетей и представителей Горно-Алтайской епархии.

2. Сушко А.В. Роль В.И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия АлтГУ. 2008. № 4/1 (60). С. 142-145.

3. Шастина Т.П. Г.И. Чорос-Гуркин: от образа современника — к *genius loci* в литературе XX века. Статья I // Алтайский текст в русской культуре: Сб. научных статей / Под ред. М.П. Гребневой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. С. 400-415.

4. Шастина Т.П. Г.И. Чорос-Гуркин: от образа современника — к *genius loci* в литературе XX века. Статья II // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 377-380.

5. Шастина Т.П. Г.И. Чорос-Гуркин: от образа современника — к *genius loci* в литературе XX века. Статья III (Гуркин как персонаж исторической прозы И. Кудинова) // Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX-XX веков Сборник научных статей / Отв. ред. А.И. Куляпин. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 74-83.

6. Почакаев Р.Ю. Чингизидское правовое наследие в ойратских ханствах // Монголика-XIV: Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 12-18.

7. Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980–1982 (1-е изд. и все последующие). Т. 2. С. 632-633.

Э.П. Чинина, Т.П. Шастина

**Г.И. Гуркин и П.И. Макушин
в просветительском движении Томской губернии
предреволюционного десятилетия
(1907-1917)¹**

Аннотация: В статье рассматривается самое продуктивное десятилетие в творческой биографии художника Г.И. Гуркина, когда в Томской губернии имя первого профессионального художника-инородца становится синонимом Алтая и народа, который он представляет. Начало просветительской деятельности Гуркина связывается с его включением в научный и культурный круг Г.Н. Потанина. Наблюдения и выводы опираются на ряд архивных источников (четыре из них публикуются в приложениях) и материалы сибирской периодики.

The article discusses the most productive decade in the creative biography of the artist G.I. Gurkin, when in the Tomsk province his name as the first professional foreign artist becomes synonymous with Altai and the people he represents. The beginning of Gurkin's educational activity is associated with his inclusion in the scientific and cultural circle of G.N. Potanin. Observations and conclusions are based on a number of archival sources (four of them are published in appendices) and materials of Siberian periodicals.

Ключевые слова: Г.И. Гуркин, Г.Н. Потанин, П.И. Макушин, сибирские инородцы, Анос, библиотека, областничество | Gurkin, Potanin, Makushin, Siberian aborigines, Anos, Library, Regionalism

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Алтай, грант № 18-412-040007 p_a.

В самом начале XX века Г.Н. Потанин, готовя в столице к изданию сборник барнаульской поэтессы М.Г. Васильевой, повторил одну из констант сибирских областников:

<...> отсутствие умственной жизни, хорошего общества и здоровых развлечений, сознание, что эта область забыта, заброшена и при решении общественных вопросов всегда остается на заднем плане, все эти особенности сибирской судьбы заставляют жителя Сибири чувствовать на себе «невидимые оковы» и вызывают желание куда-то бежать, под другое небо. Ни одна область империи не страдает таким отливом своих лучших интеллигентных сил, как Сибирь. Молодежь бежит из нее, как из тюрьмы [1, с. III].

А.В. Адрианов, убежденный последователь Потанина, задавал риторический вопрос:

Много ли в мое время сибиряков, окончивших университет, возвращались в Сибирь? [2, с. XXI].

Одним из тех сибиряков, кто после учебы в столице, как и Адрианов, «сознательно <...> застрял в Сибири», был художник Григорий Иванович Гуркин (1870-1937).

Этот алтайский мастер пейзажной живописи, первый профессиональный художник из сибирских инородцев по праву может быть назван и первым светским (в отличие от миссионеров Алтайской духовной миссии) просветителем в Горном Алтае, и первым этнографом, и первым алтайским общественным деятелем (с его именем связано создание государственности в Горном Алтае в 1917-1918 гг.). И если его сибирские современники считали, что нет еще «ни одного сибирского поэта, который бы прозвучал на всю страну и сделался бы вполне достойным сыном своей родины, олицетворением, если не настоящего, то во всяком случае будущего ее величия» [3], то даже столичная «Нива» признавала, что Г.И. Гуркин познакомил страну с «разнообразной, красивой и величественной природой» Сибири, «с ее оригинальными условиями жизни» [4, с. 855].

После первой выставки в Томске, подготовленной в 1907 и открытой в 1908 г., художник Гуркин закономерно становится связующим звеном между Алтаем и губернским центром; в томских

газетах его имя постепенно начинает синонимизироваться с Алтаем и по частоте упоминаний в «Сибирской жизни» Гуркин, как медийная личность, стоит сразу за Потаниным. Художник начинает заниматься этнографией, и, руководимый лично Г.Н. Потаниным, приступает к серьезной исследовательской работе, записывая фольклорные тексты (при его участии шла работа над «Аносским сборником»). Проникнувшись идеями автономизации в процессе дружеского общения с учеными, стоявшими на позициях областничества, в Аносе, где летом собирались художники и университетские профессора круга Потанина, и в Томске, куда он довольно часто наезжает, Гуркин начинает задумываться о путях просвещения алтайцев.

Маленькое инородческое селение Анос, где с 1903 г. поселился Гуркин, стало благодаря ему первым светским центром культуры в Горном Алтае. Это село (от алт. *онос* — досл. *десять устьев рек*), расположенное на левом берегу реки Катунь, было основано в 1856 г. [5, с. 97]. Известно, что миссионерская школа в нем была открыта 1 октября 1895 г. «в доме, выстроенном на средства миссии, учащихся в ней мальчиков 3 и девочек 1, учителем инородец Иван Тюмаков, попечитель школы Ив. Ив. Гандль, утвержденный в сем звании Преосвященнейшим Мефодием, Епископом Бийским в 1895 году и жертвующий в пользу сей школы ежегодно по сто рублей. В школьной библиотеке книг разных наименований 32 экземпляра» [6, Л. 45-48].

В период с 1907 по 1917 гг. Гуркин из Аноса отправляется в свои экспедиции по Алтаю, в Аносе пишет картины для персональных выставок, с успехом прошедших в Томске, Барнауле, Красноярске, Иркутске. Известность художника с каждой выставкой росла, росла и известность Аноса, в отличие от курортного местечка Чемал, постепенно становящегося в летний период средоточием культурной и общественной жизни губернии. Сюда для работы и профессионального общения приезжают художники из Томска, Барнаула, Омска и других сибирских городов; поэты и писатели Г.Д. Гребенщиков, Г.А. Вяткин, И.И. Тачалов; многолетняя дружба связывает Гуркина с В.Я. Шишковым. С 1905 года сюда на отдых почти каждое лето приезжал Г.Н. Потанин, (последний раз он был на Алтае в 1915 г.), здесь он работал над сво-

ими «Воспоминаниями», собирал этнографический и фольклорный материал [7, с. 57; 8, с. 6].

Интеллектуальную атмосферу летнего Аноса хорошо передает письмо Г.Н. Потанина М.Г. Васильевой от 20 июня 1910 г.:

Наша кампания увеличилась. Приехало семейство Вейнбергов, отец семейства профессор физики, мать писала в детских журналах, сестра ее, курсистка — педагогичка, занимается зоологией. Приехал Анохин, собиратель народных мелодий; он будет разъезжать по краю в сопровождении художницы Вороной и будет временами наезжать в Анос. Теперь у нас ведутся разговоры о физике, о магнетизме, о классе Arthozoa, о Рубенсе, о стилях и о хроматизме в музыке. Анос превратился в какой-то Гельдерберг или Геттинген, тогда как Чемал — это наш Париж [9, с. 280].

Следует подчеркнуть, что в эту аносскую орбиту культурного и научного общения постепенно втягивается зарождающаяся национальная интеллигенция (Г. М. Токмашев, Н.Я. Никифоров, братья Кульджины, В.Т. Тибер-Петров). В Аносе с большим успехом проходили «Аносские вечера», прослушивались музыкальные произведения А.В. Анохина. В мастерской художника бывали не только личные гости Гуркина, она периодически открывалась и для дачников-«воздушников» (см., например, характерный эпизод из чемальской дачной жизни [10]).

Особую роль в формировании просветительской позиции Г.И. Гуркина сыграл Г.Н. Потанин, он «увидел в Гуркине выразителя своих идеалов в сибирском искусстве» [11, с. 11]. Активизация художественной жизни Томска и всей Сибири, условия появления не заезжих, а собственных художников, которые могли бы получать образование на родине и затем плодотворно работать здесь же — одна из проблем, в решении которой Г.Н. Потанин со времени возвращения в Томск проявлял страстную заинтересованность — см. [12]. Особенно внимательно идеолог областничества следил за творчеством Гуркина, с удовольствием делился с читателями «Сибирской жизни» сообщениями о его успехах, отмечая в письмах его постоянное совершенствование [13, с. 23]. Сам Потанин был истинным книголюбом, без книг в Анос он не приезжал, так в письме М.Г. Васильевой из Аноса от 20 июня

1910 г. он упоминает, что читал «историю живописи Мутера» [9, с. 281]¹.

Смеем предположить, что личность Потанина и идея просвещения инородцев были неразрывно связаны в восприятии художника: сохранилось письмо Гуркина Потанину и Васильевой от 27 мая 1914 г. с символической виньеткой в левом верхнем углу первой страницы. Это рисунок пером, в центре которого треугольник горы с надписью «Хан-Алтай», из-под его основания вытекает река с надписью «Катунь», а из-за вершины восходит солнце; справа контур аила с восходящим дымком, на заднем плане силуэты деревьев и облаков [14]². Добавим, что восходящее из-за гор солнце — любимый элемент книжных обложек, созданных Гуркиным — см. обложку Гуркина для книги А.И. Макаровой-Мирской «Алтайские рассказы» (Харьков, 1912) или оформленный им поздравительный адрес Потанину в связи с 80-летием [16]. Безусловно, Гуркин был знаком с тем кругом ученых, писателей и общественных деятелей, чьи подписи стояли под указанным поздравлением (в 1910 г. по заказу Потанина подобный адрес Гуркин оформлял и к юбилею В.В. Сапожникова — неумолимого исследователя Русского Алтая), в том числе подписи В. Бахметьева, В. Шишкова, Вс. Крутовского, А. Анохина, П. Макушина.

С последним Гуркина связывало, помимо дружеских контактов, общее дело — создание в Аносе бесплатной библиотеки-читальни. Гуркин находит поддержку у П.И. Макушина, служившего в свое время в Алтайской духовной миссии. Благодаря помощи Макушина в 1909 г. в Аносе открывается первая общедоступная библиотека, подбор книг в которой осуществлялся по специальной программе, разработанной Томским обществом содействия устройству сельских бесплатных библиотек.

¹ Труды Р. Мутера (*Richard Muther*) были весьма популярны в России начала XX века, например, его «История живописи в XIX веке» в пер. З. Венгеровой, была издана в восьми выпусках в Санкт-Петербурге в 1899-1902 гг.

² Благодарим сотрудников Отдела рукописей и книжных памятников НБ ТГУ А.В. Васильева и Г.И. Колосову за помощь в работе с рукописями Г.Н. Потанина и Г.И. Гуркина. Тексты писем Гуркина к Потанину опубликованы Г.И. Колосовой [15, с. 201-204].

П.И. Макушин, сын псаломщика родился 31 мая 1844 г. в селе Путино Оханского уезда Пермской губернии. Он принадлежал к духовному сословию. Окончив с отличными успехами курс Пермского духовного училища, Макушин в числе первых учеников в 1858 г. был принят в Пермскую духовную семинарию, где «в свободное время с увлечением занимался литературой» [17, с. 2]. Первый биограф Макушина писал, что ректор семинарии архимандрит Вениамин Корелин, впоследствии рижский епископ, высокообразованный христианин-философ, открыл для него свою богатую библиотеку и руководил его чтением. В процессе занятий чтением в кабинете ректора у Макушина сформировалось понимание того, что просвещение — единственный путь к созданию лучших условий для жизни общественной и частной. Как способный воспитанник Макушин был отправлен в Петербургскую духовную академию. В то время Петербургская академия имела незаурядный профессорский состав: Карпов, Чистович, Нильский, Коялович, Глориантов, Голубев и др. Академические лекции, фундаментальная библиотека академии и Императорская публичная библиотека открыли ему широкие пути к самообразованию [17, с. 2].

В 1866 году инспектор Петербургской академии архимандрит Владимир был назначен начальником Алтайской миссии, обер-прокурор Святейшего Синода, министр народного просвещения граф Д.А. Толстой обратился к студентам академии с предложением, не пожелает ли кто из них послужить делу утверждения христианства на Алтае путем просвещения новокрещенных [17, с. 4].

Отказавшись от карьеры профессора семинарии, вопреки уговорам сокурсников остаться в Петербурге, Макушин 25 марта 1866 г. прибыл в Улалу, в главный стан Алтайской духовной миссии для осуществления миссионерской деятельности.

Со второй половины XIX века Алтайская духовная миссия, финансирование которой значительно улучшилось, расширяет сеть учебных заведений. Задачей миссии становится подготовка учителей из национальной среды, в числе их были девушки, изучавшие Закон Божий, чистописание, русский язык, арифметику.

Обучение велось по системе профессора Казанской «иностранческой» семинарии Н.И. Ильминского, считавшего, что обращение

язычников в христианство нужно проводить с помощью их родного языка и учителей-соплеменников. В конце 60-х годов в Улале было открыто миссионерское училище для подготовки учителей, переводчиков и церковнослужителей. Училище разместилось в доме М.В. Чевалкова — первого алтайского писателя, миссионера. Преподавание вели бывшие студенты Санкт-Петербургской духовной академии И.В. Солодчин и П.И. Макушин [18, с. 14]. Об учебной программе и правилах для воспитанников этого училища первым написал И. Штыгашев — см. [19, с.3].

Просветительская деятельность Макушина в Горном Алтае длилась два с половиной года, ему катастрофически не хватало книг.

<...> из Академии он привез с собой единственное имущество — свою библиотеку, состоявшую из 66 наименований отобранных из книг, купленных им в Петербурге. Книги эти он распространил между миссионерами, их семьями и служащими в миссии, объединив их на идее устроить центральную библиотеку в главном стане Алтайской духовной миссии» [17, с. 6].

С первого же года своей деятельности в Улалинском училище Макушин занялся формированием библиотеки, а миссионеры согласились на покупку книг. Из своего жалования они отчисляли средства на покупку книг, а начальник миссии архимандрит Владимир оказал финансовую поддержку. В течение двух лет библиотека выросла до 500-600 томов, заполняя досуг членов миссии, способствуя умственному развитию их самих и членов их семейств [17, с. 6]. В свободное от занятий время Макушин разъезжал по алтайским аилам, собирал сведения о верованиях алтайцев, хотел разработать тему «Шаманство на Алтае», чтобы получить степень академического ученого. Любопытно отметить, что когда преосвященный Алексей, пораженный успехами учеников миссионерского училища Улалы, высказал намерение представить его к награде за ревностные труды, то последний, подняв свою ногу и указывая на подпоротую подошву сапога, просил представить его к подметкам [20, с. 5].

В 1868 году Макушин был назначен смотрителем Томского духовного училища, в котором, помимо всего, занимался книгоиздательской деятельностью. Но тесно ему было в стенах духовного училища, и вот в 1873 г. он покидает службу и с этого времени начинается его общественно-просветительская деятельность. В 1874 г. П.И. Макушин, ставший крупнейшим в Сибири книготорговцем и книгоиздателем, открыл в Томске первый за Уралом книжный магазин.

Он шел неуклонно к своей цели: «ни одного неграмотного» [20, с. 5]. Просветительская деятельность Макушина выходит за пределы Томска и приводит к созданию бесплатных сельских библиотек-читален во всей губернии. Развитие публичных провинциальных библиотек в конце XIX — начале XX вв. осуществлялась благодаря усилиям интеллигенции, равнодушной к идеям и нуждам народного просвещения. Для того чтобы облегчить крестьянам возможность обзавестись библиотекой в своем селе, 23 сентября 1901 г. в Томске по инициативе Макушина было создано «Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии» [21, с.1]. Многие аспекты деятельности общества описаны современными исследователями — см.: [22, 23, 24, 25].

Сохранились автографы Гуркина и Макушина, документирующие факт открытия библиотеки в Аносе. Это письмо Гуркина в Совет Общества содействия устройству сельских библиотек в Томской губернии от 13. 04. 1909 г. (Прил. 1), письмо Петра Макушина Томскому губернатору с просьбой о разрешении открытия в селе Аносе бесплатной библиотеки-читальни (Прил. 2). Также сохранилось и официальное разрешение на открытие библиотеки-читальни в селе Анос (Прил. 3). Формирование фонда библиотеки-читальни находилось в поле зрения художника (Прил. 4). Открытие библиотеки было отмечено «Сибирской жизнью», писавшей, что Гуркин, «пробивши себе широкую дорогу из рядов простых алтайцев в среду русской интеллигенции...старается всеми силами» помочь своему народу», «ходатайство об открытии в Узнезе 2-классной министерской школы, открытие в Аносе народной библиотеки и ходатайство об открытии фельдшерского пункта много обязаны инициативе гг. С. и Г. Гуркина» [26, с. 3].

Проблема создания библиотек и книгохранилищ в Горном Алтае встала перед Г.И. Гуркиным в период революционных преобразований, когда в июле 1917 г. на Бийском съезде представителей инородческих волостей под его руководством был создан первый орган местного самоуправления алтайцев — Алтайская горная дума. Здесь, на съезде, заслушав доклад алтайского учителя-миссионера С.С. Борисова (Тодогошева) о народном образовании, делегаты приняли резолюцию, в которой говорилось о необходимости национализации алтайской школы, развитии образования, издательской деятельности. Одной из задач Алтайской горной думы была культурно-просветительская деятельность, дума начала формировать библиотеку, закупая книги из магазина П. Макушина.

Закономерным итогом просветительской деятельности художника Гуркина в рассматриваемое десятилетие стали документы о становлении образовательной системы в Горном Алтае и «переговоры с Н.С. Гуляевым по поводу приобретения у него архивных материалов, исторической библиотеки и археологического музея» [27, с. 69] — так было положено начало формированию фондов будущего Национального музея РА им. Анохина. Добавим в заключение, что Гуркин планировал региональный музей назвать Гуляевским, а библиотеку — Потанинской [28, л. 75].

Обозначим перспективы дальнейшей разработки темы «Г.И. Гуркин как просветитель», входящей в тематический комплекс проекта «Гений и место: Г.И. Чорос-Гуркин как символ Горного Алтая в русской литературе XX- начала XXI веков». В заботах о просвещении алтайцев Г.И. Гуркин не был одинок — идеи просветительства можно заметить и в деятельности потомственного зайсана, конезаводчика, предпринимателя Аргымая Кульджина. Кульджин содержал за свой счет алтайские школы, наладил связи с В.В. Радловым, общался с Г.Н. Потаниным, В.Я. Шишковым, Д.Я. Клеменцем и др. Изучение этой стороны деятельности первого алтайца-мецената позволит расширить представление об историко-культурном контексте просветительской деятельности первого алтайского художника, в жизни которого обозначенное в докладе десятилетие было самым продуктивным.

Приложение 1.

В Совет Общества содействия устройству сельских библиотек в
Томской губернии

Желая открыть в селе Анос 1-ой Алтайской дючины Бийского уезда бесплатную народную библиотеку, прошу Совет общества оказать мне в этом свое материальное содействие и испросить разрешение Г. Томского Губернатора. Заведывание библиотекой и ответственность за правильное ведение дел и исполнение всех распоряжений Правительства относительно народных библиотек принимаю на себя.

Григорий Иванов Гуркин.
Апреля 13-го 1909 года А.С. Анос
ТОКМ. 14167/1013¹.

Приложение 2.

№ 1-97

ОТНОШЕНИЕ

совета общества содействия устройству бесплатных библиотек-
читален в Томской губернии Томскому губернатору об открытии библиотек-
читальни
в с. Аносе

22 мая 1909 г.
Г. Томск

Желая устроить в селе Анос, 1-ой Алтайской дючины, Бийского уезда, бесплатную народную библиотеку-читальню, Совет общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии почтительнейше просит Ваше Превосходительство разрешить такую. Ответственным заведующим библиотекою изъявил согласие быть свободный художник Григорий Иванович Гуркин, жительство имеющий, в селе Анос.

Председатель Совета
Секретарь Совета

Петр Макушин
Ел. Макушина
ГАТО. Ф.3. Оп.3. Д. 6494. Л.4.

¹ Благодарим Карташову Т.П., с.н.с. научно-хранительского отдела Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова за помощь в ознакомлении с документами Общества содействия устройству сельских библиотек-читален в Томской губернии.

Приложение 3.

31 июля 1909 г.
г. Томск

В Совет общества содействия устройству
сельских бесплатных библиотек-читален
в Томской губернии.

Разрешая, на основании 1го примечания к ст. 175 т. XIV Устава о цензуре и печати, изд. 1890 года, открыть в селе Анос, 1-ой Алтайской дючины, Бийского уезду, бесплатную библиотеку-читальню, под наблюдением свободного художника Григория Ивановича Гуркина, я сообщаю об этом Совету Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, в ответ на представление от 22 го мая сего года.

За губернатора, Вицегубернатор

Подпись

ТОКМ. 14167/1014

Приложение 4.

Из письма Г.И. Гуркина Е.П. Макушиной
о получении книг для народной библиотеки

Многоуважаемая Елизавета Петровна!

Письмо Ваше получил, в котором Вы извещаете, что книги в Бийске еще не получены. Сейчас же в Бийск пишу об этом Ив. Ив. Кузнецову, которому я оставил накладную и просил его книги принять и сложить в хорошем и сухом месте до моего приезда. Шлю Вам, многоуважаемая Елизавета Петровна, сердечное спасибо от лица всех алтайцев. Сохрани Вас Бог и Ваше здоровье на многие и многие годы — для пользы нашему родному Краю!

Выставка наша в Красноярске открылась вчера 25 марта и посетило выставку 488 человек. Как будет посещаться дальше не знаю. 31-го марта закроется и передвинется в Иркутск. Красноярцам выставка по-видимому нравится очень...

26 марта 1910 г.
Красноярск

ТОКМ. 14167/1015

Литература

1. *Потанин Г.Н.* Предисловие // Васильева М.Г. Песни сибирячки. Санкт-Петербург: Издание Ал. А. Кобычева, 1901.
2. *Адрианов А.В.* К биографии Г.Н. Потанина // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск: Типо-литография Сибирского Товарищества Печатного дела, 1915.
3. *Воложанин В.Е.* О сибирских поэтах// Утро Сибири. 1913. №78.
4. *Далькевич М.М.* Г.И. Гуркин // Нива. 1908. № 49.
5. Республика Алтай. Краткая энциклопедия. Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010.
6. Ведомость о церкви Алтайской Духовной миссии с. Чемал во имя Святителя и Чудотворца Николая за 1898 г. // ГАТО.Ф. 184. Оп.1. Д. 18.
7. *Маточкин Е.П.* Экспедиция Г.И. Чорос-Гуркина 1908 года вокруг Белухи // Оносские встречи. 2006. Горно-Алтайск, 2006.
8. *Еркинова Р.М.* Концепция создания музея-усадыбы Г.И. Чорос-Гуркина в с. Анос Чемальского района Республики Алтай — филиала национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина // Оносские встречи. 2006. Горно-Алтайск, 2006.
9. *Потанин Г.Н., Васильева М.Г.* «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / Сост. Васенькин Н.В., Колосова Г.И. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
10. *Кар-ва Н.* Художник Алтая. Из записной книжки // Сибирская жизнь. 1915. №64.
11. *Эдоков В.И.* Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994.
12. *Потанин Г.Н.* Живопись в Сибири // Сибирская жизнь. 1903; иллюстрир. прилож к № 195.
13. Письма Г.Н. Потанина. Т.1. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1987.
14. НБ ТГУ. Архив Потанина. Переписка. № 110.
15. *Колосова Г.И.* Г.Н. Потанин и томские художники (дополнительные источники для изучения художественной жизни Томска в начале XX века) // Художественная жизнь Сибири начала XX в.: К 90-летию Томского общества любителей художеств: Материалы региональной научно-практической конференции. Томск, Изд-во Том. ун-та, 2000.- С. 195-209.

16. *Потанин Г.Н.* Поздравительный адрес в связи с 80-летием от Томского общества изучения Сибири // НБ ТГУ. Архив Г.Н. Потанина. Ф.1. Оп.1. Д.

17. *Крекнин Г.Я.* Ревнитель света — П.И. Макушин: 50 лет просветительской деятельности, 1866 25 / III — 1916 гг., в Сибири. Томск: Изд-во служащих и рабочих П.И. Макушина, 1916.

18. *Чинина Э.П.* Русская литература XIX века и становление молодой алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1998.

19. *Штыгашев И.М.* Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева. Казань, 1885.

20. *Прокошев П.А.* Очерк жизни и деятельности П.И. Макушина // Полувековой юбилей П.И. Макушина, 1866 25/III 1916. Томск: Изд-во Том. гор. общ. упр., 1917.

21. Участие книгопродавцов и издателей в учреждении народных библиотек-читален в Томской губернии. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1916.

22. *Есипова В.А., Карташова Т.П.* «На страже закона и нравственности»: к вопросу о регламентации чтения в Томской губернии в конце XIX — начале XX века // Текст. Книга, Книгоиздание. Томск. 2016. № 2 (11). С.96-109.

23. *Айзикова И.А.* Репертуар книжной продукции томских частных типографий конца XIX — начала XX вв. (на материале библиотеки Г. Тюменцева) // Сибирский филологический журнал, 2011. № 3. С. 103-111.

24. *Жулякова Н.В.* Книжные проекты редакций сибирских газет (на примере Томской «Сибирской газеты», 1880 гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. Томск, 2012, № 1. С. 89-97.

25. *Зайцева Н.Е.* Библиотеки Томской губернии в становлении и развитии внешкольного образования в Сибири // Педагогическое образование в Сибири. 2009. № 4. С. 49-51.

26. Алтайский народ накануне новой эры // Сибирская жизнь. 1911. №6.

27. *Майдурова Н.А.* Горный Алтай в 1917 — первой половине 1918 гг. (от Горной думы к Каракоруму). Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 2002.

28. Записная книжка Гуркина // ТОКМ. Ф.1. Оп. 6. Д. 102. Л. 75.

Информация об авторах

Адкинс Тайлер — аспирант, Принстонский университет (США).

Алексеев Павел Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет, профессор кафедры «Русская филология», Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова.

Алексеева Асель Адилбековна — магистрант, Горно-Алтайский государственный университет.

Баданова Татьяна Алпыевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Банкова Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Бедарева Ирина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Вишнякова Екатерина Андреевна — ассистент кафедры романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Волкова Наталья Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Драчева Светлана Ильинична — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Дюсекенев Дамир Нурулланович — аспирант, Алтайский государственный педагогический университет.

Дюсекенева Индира Муратовна — PhD, доцент кафедры иностранной филологии и перевода, Государственный университет им. Шакарима г. Семей (Казахстан).

Жданов Сергей Сергеевич — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций, Сибирский государственный университет геосистем и технологий.

Илиуф Хаджи-Мурат Шаяхметович — кандидат филологических наук, Военная школа-лицей «Жас Улан» им. Ш. Уалиханова (Казахстан).

Иост Ольга Александровна — кандидат филологических наук, профессор кафедры «Русская филология», Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова (Казахстан).

Камынина Наталья Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Карпи Гвидо — PhD, ординарный профессор кафедры русского языка и литературы университета л'Ориентале (Италия).

Карпухина Виктория Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков, Алтайский государственный университет.

Котова Марина Владимировна — студент, Горно-Алтайский государственный университет.

Линьков Владимир Дмитриевич — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Масяйкина Елена Владимировна — старший лаборант кафедры романно-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Мукаева Лариса Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Горно-Алтайский государственный университет.

Никонова Татьяна Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Орехова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Попов Алексей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Решетова Дарья Владимировна — студент, Горно-Алтайский государственный университет.

Ултарикова Людмила Родиславовна — магистрант, Горно-Алтайский государственный университет.

Федосов Тимофей Дмитриевич — студент, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации.

Федосова Татьяна Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания, Горно-Алтайский государственный университет.

Хомук Николай Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Чинина Эльвира Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

Шастина Татьяна Петровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Горно-Алтайский государственный университет.

Юрченко Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Диалог культур: поэтика локального текста:
Материалы VI Международной научной конференции.
Горно-Алтайск, 26-29 мая 2018 г.

Ответственный редактор
П.В. Алексеев

Редакционная коллегия
*В.Д. Линьков, Н.А. Волкова,
Т.Н. Юрченко, Т.И. Орехова*

Издательство Горно-Алтайского государственного университета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.
Подписано в печать 11.12.2018 г. Формат 60x84/16
Бумага для множительных аппаратов. Печать ризо.
Печ. л. — 20,25. Тираж 100 экз.
Заказ № 130.

Отпечатано Библиотечно-издательским центром
Горно-Алтайского госуниверситета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1